

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ИНСТИТУТА ИУДАИКИ

ВЫПУСК V

**CZU 94(=411.16)(082)
И 71**

Сборник рекомендован к изданию решением Ученого совета Института иудаики (протокол № 6 от 03 декабря 2013 года)

Редакционная коллегия:

Аникин В., доктор хабилитат политических наук, доктор философии, конференциар

Арони С., доктор философии, профессор (США)

Костаки Г., доктор хабилитат права, профессор

Назария С., доктор хабилитат политических наук, доктор истории, конференциар

Степанов В., доктор хабилитат истории, профессор

Червенков Н., доктор хабилитат истории, и.о. профессора

Шевелёв Д., кандидат исторических наук (Беларусь)

Редактор выпуска:

Брик Е., доктор экономики

В пятом выпуске “Сборника научных трудов Института иудаики” представлен широкий круг тем, в том числе: творчество И. Шрайбмана (к 100-летию со дня рождения); роль Левендаля в организации кишиневского погрома 1903 г.; бессарабские евреи в описании Афанасьева-Чужбинского; развитие толерантности в контексте соблюдения прав еврейского населения Молдовы; международные акты по борьбе с антисемитизмом; роль поликультурного образования в борьбе с антисемитизмом; численность местных евреев в XIV – XIX вв.; жизнь и деятельность педагога-новатора Р. Володарской; особенности Холокоста в Молдове; евреи в составе руководящих кадров МАССР; обычное право евреев и его применение в Бессарабии. Материалы публикуются в авторской редакции и представляют точку зрения их авторов.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Институт Иудаики. Сборник научных трудов Института иудаики / Ин-т Иудаики; ред. кол.: Аникин В., Арони С., Костаки Г. [и др.]; ред. вып.: Брик Е. – Кишинев: Ин-т Иудаики, 2013 (Tipograf. "Elan Poligraf" SRL). – ISBN 978-9975-66-228-4.

Вып. 5. – 2013. – 184 p. – Bibliogr. la sfârșitul art. și în subsol. – 1500 ex. – ISBN 978-9975-66-366-3.

94(=411.16)(082)
И 71

THIS BOOK WAS FUNDED BY A GRANT FROM THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND. THE OPINIONS, FINDINGS AND CONCLUSIONS STATED HEREIN ARE THOSE OF THE AUTHORS AND DO NOT NECESSARILY REFLECT THOSE OF THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ШИШКАН КОНСТАНТИН. КОРОЛЬ ИДИША (К 100-ЛЕТИЮ ИХИЛА ШРАЙБМАНА)	5
РАПОПОРТ АНАТОЛИЙ, БОРШЕВСКИЙ АНДРЕЙ. ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ БОРЬБЫ С АНТИСЕМИТИЗМОМ	9
ШЕХТМАН НИСАН. ВОСПОМИНАНИЯ О ЕФИМЕ БОГДАНОВСКОМ	16
СТЕПАНОВ ВЯЧЕСЛАВ. ОБРАЗ БЕССАРАБСКИХ ЕВРЕЕВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАРИСОВКАХ А. С. АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКОГО	28
КОСТАКИ ГЕОРГЕ. РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ – ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОЛДОВЫ	37
АНИКИН ВЛАДИМИР. ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОЛДОВЫ И БЕССАРАБИИ (XIV – XIX ВВ.)	49
БОЛУЧЕНКОВА АННА. РАЙСА КЕЛЬМАНОВНА ВОЛОДАРСКАЯ – ПЕДАГОГ-МАСТЕР, ПЕДАГОГ-НОВАТОР	60
ВЛАХ ИРИНА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И БОРЬБЫ С АНТИСЕМИТИЗМОМ	70
БРИК ЕВГЕНИЙ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОЛОКОСТА В МОЛДОВЕ	84
ГАЛУЩЕНКО ОЛЕГ. ЕВРЕИ В СОСТАВЕ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ МОЛДАВСКОЙ АССР: АБРАМ ЛЬВОВИЧ ГРИНШТЕЙН (1890 – 1937 ГГ.)	90
КУШНИР ЖОЗЕФИНА. ВЫБОР ГОСПОДИНА ФОН ЛЕВЕНДАЛЯ, ИЛИ К ВОПРОСУ О КИШИНЕВСКОМ ПОГРОМЕ 1903 ГОДА	100
БОРШЕВСКИЙ АНДРЕЙ. ОБЫЧНОЕ ПРАВО ЕВРЕЕВ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В БЕССАРАБИИ. ОТЛИЧИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА ЕВРЕЕВ И МОЛДАВАН	118
ДУМИНИКА ИВАН. НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК ЕВРЕЕВ (1811 г.), ПЕРЕСЕЛИВШИХСЯ ВМЕСТЕ С БОЛГАРАМИ К СЕВЕРУ ОТ ДУНАЯ	175

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, перед Вами пятый выпуск «Сборника научных трудов Института иудаики».

Институт иудаики (Республика Молдова) представляет собой общественную некоммерческую организацию, созданную для защиты прав еврейского населения Молдовы, проведения исследований в области еврейской истории, этнографии, филологии и права.

Институт иудаики стремится предоставить возможность высказать и научно обосновать свою точку зрения широкому кругу ученых Молдовы и других стран. Поэтому в «Сборнике» публикуются как статьи сотрудников Института иудаики, так и работы ученых из других научных учреждений, в том числе Академии наук Молдовы.

В редакционную коллегию «Сборника» входят не только отечественные, но и зарубежные ученые: С. Арони – доктор философии, профессор Калифорнийского университета (США); Д. Шевелев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси, академический директор Центра изучения истории и культуры еврейства Беларуси Европейского гуманитарного университета (Литва).

В этом выпуске представлен широкий круг тем, исследуемых и молдавскими, и зарубежными специалистами. Так, доктор искусствоведения, конференциар К. Шишкан посвятил свою статью 100-летию со дня рождения И. Шрайбмана; доктор филологии Ж. Кушнир в связи со 110-летием кишиневского погрома пишет о фон Левендале, одном из его организаторов; профессор Н. Шехтман (Израиль) делится воспоминаниями о Е. Богдановском; доктор хабилитат, профессор В. Степанов дает характеристику бессарабских евреев в описании Афанасьева-Чужбинского; доктор хабилитат, профессор Г. Костаки описывает развитие толерантности в контексте соблюдения прав еврейского населения Молдовы; депутат Парламента Молдовы доктор И. Влах исследует международные акты в сфере защиты прав национальных меньшинств и борьбы с антисемитизмом; доктор, профессор А. Рапопорт (США) и доктор А. Боршевский в совместной статье исследуют поликультурное образование как необходимое условие борьбы с антисемитизмом.

Не меньший интерес представляют и другие статьи сборника.

*Шишкан Константин,
доктор искусствоведения, конференциар*

КОРОЛЬ ИДИША (К 100-ЛЕТИЮ ИХИЛА ШРАЙБМАНА)

В год своего 90-летия Шрайбман подарил мне новую книгу прозы «Творения и любовь» с трогательной надписью: «Константину Шишкану с любовью...». Свои творения он отдавал людям с этим чувством, с признательностью, с чистым сердцем, делясь, как хлебом, добром и надеждой на лучшее...

В малой прозе мы со Шрайбманом идем разными путями, но мне близка его манера экономно пользоваться словом, ненавязчиво вплетая в художественную ткань нити философской мысли.

У писателя сложилась своя манера письма. Это - «бессарабский стиль». Шрайбман творчески продолжает традиции, заложенные Шоломом-Алей-хемом и Яковом Фихманом, который, кстати, по словам самого Шрайбмана, отмечал, что этот «бессарабский стиль означает чувство земли, близость к селу, наивность, стремление к познанию и тоску по свободе».

Все это есть и в прозе И. Шрайбмана, так же, как и добросердечие и простодушие, свойственные Эфраиму Ойербаху. Вобрав в себя фольклоризм Мангера, песенность Бардичевера и ироничную улыбку Элизера Штейнбарга, проза Ихила Шрайбмана вылилась в неповторимый сплав, позволивший писателю создать поистине народный характер.

Живя в тридцатые годы в Бухаресте, Шрайбман не мог не испытать на себе влияния Якова Штернберга - поэта, драматурга, режиссера. Сам Штернберг высоко ценил свое творчество и называл себя не иначе как «королем идиша», королем еврейского стиха. И это, хотя и звучало вызывающе, было справедливо. Среди своих коллег, выходцев из Липкан, где зажглись многие звезды еврейской литературы, он, несомненно, был звездой первой величины.

Возможно, от него в прозу Шрайбмана пришли определенная театральная условность, порой гротескность, умение выйти за рамки местечкового сознания, мыслить широко, масштабно. И даже гордо

поднятая голова Шрайбмана видится как традиция, идущая от классика. Но «король идиша» умер. И, как говорится в таких случаях, - да здравствует король! Сегодня им по праву стал Ихил Шрайбман.

Когда-то поэт Э. Штейнбарг в стихотворении «Красный мак» писал: «Плохо жить в чужой стране, Только Бог поможет мне, Ведь не зря в краю тоски Так крылаты лепестки». И далее:

«Надо только постараться, Оторваться и подняться. Раз-два-три, взлетаю. Чу! Вот уже к звезде лечу!».

Но нелегко маку лететь в непогоду:

«Где те ярких два крыла? Злая буря несла».

И Бог повелел поэту-творцу открыть головку мака, показать его изнутри. А что там? «Темных зерен кутерьма». И не поймешь, что это - «осколки светлых грез или капли черных слез».

И поэт с грустью заключает: «Вот эта горстка черной пыли - Несостоявшиеся крылья» (Перевод Р. Ольшевского).

Горечь и боль по утраченным крыльям пронизывает творчество поэта. Есть эта горечь и в прозе Шрайбмана, но между ними - существенное различие. В горечи Штейнбарга было сожаление, что усилия и надежды на полет оказались несоразмерны с ветром времени, которое срывало благие устремления, словно лепестки тянувшегося в высь цветка, оставляя от него лишь голый черепок.

В горечи же Шрайбмана - тяготы уже состоявшегося полета, осуществившейся мечты, которая, сбываясь, обладает свойством немного горчить, ибо всегда в жизни хочется большего, чем уже есть.

Шрайбман живет в литературе с расправленными крыльями. Полет его высок. И сегодня мы вправе говорить о его традициях, о школе Шрайбмана в литературном процессе Молдовы. Он «поставил на крыло» целую плеяду молодых писателей, творящих на идише. Среди них такие, широко известные ныне литераторы, как Борис Сандлер, Моисей Лемстер и Лев Беринский, Для их творчества характерен «бессарабский стиль», но уже в ином, обогащенном талантом Шрайбмана, качестве.

Его традиции - добросердечие, простодушие, тяга к знанию, широта взгляда наивного, казалось бы, человека, но обладающего даром пророка, угадываются в рассказах Бориса Сандлера, где еврейские мотивы тонко переплетаются с бессарабскими реалиями, не-

уловимо перетекают друг в друга, как это происходит в музыке еврейского и молдавского народов. Эти традиции видятся и в мудрой ироничности М. Лемстера.

Но главный урок школы Шрайбмана, который твердо усвоили его последователи, - это умение сочетать свою неповторимость, своеобразие собственной жизни и опыта с традицией народа, что в конечном счете ведет к созданию подлинно национального характера.

Не стилизация, не щедрое использование библейских мотивов, не погоня за колоритом и местечковой экзотикой, часто ведущие лишь к украшательству, поверхностно изображаемой действительности, характерны для поисков его последователей. Они, следуя опыту мастера, отказались от дешевых приемов, направив всю совокупность своих художественных средств на решение одной задачи - постижения народной психологии. И при этом не так уж и важно, пишешь ли ты на идише или на другом языке. Произведения многих евреев, творящих на русском, пронизаны нитями этой психологии, сплетающихся в целом в единый портрет народа. В этом плане интерес представляет художественный поиск поэта, известного в основном как переводчика с идиша и румынского языков, Александра Бродского. Я имею в виду его поэму, опубликованную в альманахе «Ветка Иерусалима», - «Жалобы шорника, или хромой Орфей». В ней он предпринимает небезуспешную попытку создания народного характера. Первые шаги в этом направлении делает в своей первой книге «Над небом грозовым» Симона Тешлер. Это видно также в отдельных библейских стихах Мирославы Метляевой, Юлии Семеновой, Ильи Финкеля и др. Особенно ярко подобные тенденции прослеживаются в стихах и прозе поэта Рудольфа Ольшевского, переведшего книгу прозы И. Шрайбмана «Творение и любовь» и выпустившего сборник своих рассказов «Поговорим за Одессу». Немалый вклад в создание коллективного портрета народа внес он своим переводом с идиша стихов еврейских поэтов Бардичевера, Штернберга, Сакциера, Ривкина и Штейнбарга. Книга, прекрасно оформленная Эдуардом Майденбергом, добавляет яркие краски в этот портрет, а рука художника подчеркивает в нем характерные черты.

В прозе Ольшевскому особенно близок Шрайбман. Но не в мелочах, а в главном - в умении уловить и точными штрихами обозначить специфическое, национальное. В немалой степени Ольшевскому помогла в этом работа над переводом Пятикнижия в новеллах и миниатюр Мастера, отличающихся пластичностью, тонким чувством ритма, своеобразной мелодикой фразы.

Близок Шрайбман и Белле Аграновской с ее рассказами, полными народного юмора, и особенно романом «Медное море, или история Ицика». А когда читаешь в периодике рассказы Жана Кривого, вошедшие позднее в его книгу «Круги по воде», кажется, что за спиной автора стоял мэтр, внимательно следя за его пером. Комедийные мотивы в прозе Кривого нередко переплетаются с трагедийными, что характерно для Шрайбмана, в свою очередь унаследовавшего эту особенность от классиков еврейской литературы. Близки манере Шрайбмана такие рассказы Кривого, как «Тетушка Мариам», «Мамины сказки», «Двое в квартире» и др.¹

Заметное влияние И. Шрайбман оказал и на творчество Паулины Анчел. Возьмите хотя бы ее местечковую фреску «Так было прежде в Единцах». В новеллах, рассказах и миниатюрах из книги «Возлюбленные не принадлежат никому» вы вновь ощущаете его дыхание. Это и «Еврейский сон», и «Бедное сердце Яны», и «Что нам мешает». Обостренное чувство национального, юмор, самоирония, открытость души - все это прочными нитями связывает ее творчество с Мастером.

В одной из своих миниатюр И. Шрайбман писал: «Ицхак Лейбуш Перец впитал в себя плач наших родителей, крик боли поколений. Диаманты, которые есть у идиш, - это высохшие, застывшие еврейские слезы...»

И Шрайбман заключает: «Ой, идиш, идиш. Пусть будут благословенны руки, которые ласкают идиш, берегут идиш, растят идиш, превращают еврейские слезы в диаманты. Ох, диаманты, мои диаманты».

В «короне» Ихила Шрайбмана, нынешнего «короля идиша» на земле Молдовы, диаманты его слов сияют всеми цветами радуги, и их блеск отражается в благодарных глазах соплеменников.

¹ Ветка Иерусалима. 1998. № 1. С. 81-86.

*Рапопорт Анатолий,
доктор педагогики, профессор (США)*

*Боршевский Андрей,
доктор истории, и.о. конференциара*

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ БОРЬБЫ С АНТИСЕМИТИЗМОМ

В XXI веке не должно быть место антисемитизму, однако многие исследователи отмечают, что в 2000-е годы антисемитизм в мире достиг максимального уровня со времени окончания Второй мировой войны. Это касается как открытых выступлений антисемитского характера, так и завуалированных заявлений.

Результаты исследования, проведенного сотрудниками Института изучения современного антисемитизма и расизма имени Стивена Рота при Тель-Авивском университете, свидетельствуют о том, что уровень антисемитизма в странах Европы достиг в 2009 году рекордных показателей. В соответствии с отчетом Государственного департамента США, наблюдается рост антисемитизма во всем мире

В 2005 году ООН приняла специальную резолюцию против антисемитизма, а Европейский союз провел в 2005-2006 гг. ряд мер для борьбы с антисемитизмом в Европе.

Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью в 2004 г. приняла рекомендацию о борьбе с антисемитизмом¹. В данном документе подчеркивается важность для борьбы с антисемитизмом образовательной сферы. Особо подчеркивается роль образования в поощрении терпимости и соблюдения прав человека, и тем самым в противодействии антисемитизму. Также указывается важность включать обучение в области борьбы с расизмом в школьные программы на всех уровнях и комплексно, в том числе рассматривая вопросы, которые позволяют осознать, что такое антисемитизм, его проявления на протяжении столетий и важность

¹ Общеполитическая рекомендация № 9 Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью о борьбе с антисемитизмом, принята 25 июня 2004 года.

борьбы с его различными формами, обеспечивая при этом необходимую подготовку учителей.

В итоговом документе Конференции ОБСЕ по борьбе с антисемитизмом и другими формами нетерпимости абсолютно осуждается расизм, ксенофобия, антисемитизм, другие формы нетерпимости и дискриминации, отмечена важность открытого и прозрачного межконфессионального и межкультурного диалога и партнерства ради толерантности, уважения и взаимного понимания. Также в декларации подчеркивается важность образования для предотвращения и ответа на все формы нетерпимости и дискриминации, включая образование о Холокосте и антисемитизме¹.

В этой связи очень важным представляется развитие поликультурного образования, предполагающего и способствующего усвоению учащимися знаний о других культурах, уяснению общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодежи в духе уважения инокультурных систем.

Идеи поликультурного образования в том виде, в каком они интерпретируются сейчас, появились в Соединенных Штатах в середине 1960-х на волне движения за гражданские права, хотя идеи терпимости и уважения к другому можно найти еще у Каменского и Песталотти. При всей неоднозначности подходов к концепции поликультурного образования его базовые идеи завоевывают все больше и больше сторонников. Но поликультурное образование сталкивается с проблемой, характерной для всех новых концепций².

Большинство авторов используют описательный подход при определении термина «поликультурное образование», что вполне понятно, принимая во внимание сравнительную новизну концепции. Пол Горский в статье под красноречивым названием Сложность определения единственно правильного «Поликультурного образования» пишет: «Поликультурное образование – это прогрессивный подход к развитию и изменению образования, который в целом имеет критическую направленность и нацелен против текущих не-

¹ Итоговый документ Конференции ОБСЕ по борьбе с антисемитизмом и другими формами нетерпимости в Кордобе, 8-9 июня 2005 года.

² Боршевский А., Рапопорт А. Гражданское образование в современном глобальном обществе. Комрат, 2009. С. 24-25.

достатков, провалов и дискриминации в образовании. Этот подход основывается на идеалах социальной справедливости, равных возможностей в получении образования и приверженности тем принципам образования, при которых все учащиеся полностью реализуют свои умственные способности и социальные возможности, действуя активно в рамках своего населенного пункта, всей страны, всего мира. Поликультурное образование признает важнейшую роль школ при закладывании основ преобразования общества и уничтожения подавления и несправедливости».

Слитер и Грант, которые различают «поликультурное образование» и «образование, являющееся поликультурным», включают эти две концепции в состоящую из пяти частей типологию программы поликультурного образования, где главная задача первого – реформировать школу с помощью новых программ, признать равноправие языков всех учащихся, изменить состав преподавателей и т.д. с целью развития культурного плюрализма и социального равенства. Вторая концепция служит для подготовки учащихся к дальнейшему развитию и распространению идей культурного разнообразия и противостоянию структурному неравенству.

Рассматривая вопрос повышения поликультурной компетенции учителя, необходимо внимательней присмотреться к задачам наставника и тому, как они понимаются в теории поликультурного образования. Здесь мы столкнемся с двумя явными тенденциями, продемонстрировать которые можно на примере нескольких определений. Международная энциклопедия образования рассматривает поликультурное образование как важную часть современного образования, способствующую усвоению учащимися знаний о других культурах, уяснению общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодежи в духе уважения инокультурных систем. Значит ли это, что мы достигнем целей поликультурного образования, если наши воспитанники «усвоят... и уяснят...»? А где же сама личность? Давайте вспомним, сколько раз мы сталкивались со случаями, когда культурная основа ученика отличалась от общей доминирующей культуры общества или группы. Сколько раз нам казалось, что мы говорим с воспитанником на разных языках: он или она не понимает,

чего мы хотим, мы не понимаем, что же такого непонятного было в наших словах?

Курбиев указывает, что поликультурное образование – это система обучения и воспитания, при которой учащиеся школ теоретически и практически знакомятся с точно очерченным кругом систематизированных знаний и навыков, выработанных в рамках двух или нескольких типов культур, различающихся по своим познавательно-информационным, этносоциальным, этнопсихологическим, религиозно-конфессиональным, языковым и другим особенностям. Опять та же проблема. «Практически», а тем более «теоретически познакомиться с ...кругом знаний и навыков» любой более-менее усердный ребенок может и сам. Нельзя сводить роль учителя, воспитателя, педагога, наставника до уровня простого передатчика знаний и умений. Одной из основных задач учителя в рамках поликультурной компетенции должно стать умение учитывать социокультурные особенности ученика, его культурную основу в процессе обучения и воспитания. Из множества примеров приведем один, который использует Лиза Делпит в своей книге «Чужие дети. Культурный конфликт в классе»: исследователь Гэрри Морган в 1990 году документально подтвердил то, что большинство из нас, кто работает с чернокожими детьми, знали по наитию: чернокожие дети чаще, чем белые, и мальчики чаще, чем девочки, иницируют общение в классе при выполнении задания. Морган заключает, что классная политика, позволяющая частые перемещения по классу и активное общение, будет больше соответствовать стилю обучения и поведения чернокожих мальчиков, тогда как результатом ограничительной классной политики явится незаслуженное наказание.

Именно незнание или игнорирование этого культурного фактора, считает Делпит, привело к ситуации, когда большинство из наказываемых в обычном классе детей и большинство из тех, кому предписывают специальное корректировочное обучение, – чернокожие мальчики. «Но они не оказались бы в этой ситуации, – заключает автор, – если бы наших учителей научили приспособлять классную политику к культурным особенностям чернокожих мальчиков». Совершенно верно замечает Воловикова: «Для поликультурного образования важны как универсальные ценности, выходящие за пределы групповых признаков, так и все те разнообразные ценно-

сти, которые определяют групповую принадлежность и создают уникальные культуры и взгляды на мир».

Таким образом, говоря о подготовке будущих педагогов и об их поликультурной компетенции, мы должны заботиться не только о том, чтобы научить их передавать своим будущим воспитанникам знания о многообразии культур в окружающем их мире (что, безусловно, необходимо), но и о том, чтобы находить правильные подходы, методы и приемы при общении с представителями других культур. Учет культурной основы ученика (не потакание, а именно профессиональный учет) должен стать одной из составляющих поликультурной компетенции педагога. Как этого добиться? В американской педагогике сейчас прослеживаются две явные тенденции: представители одной призывают педагогов развивать «безразличие к цвету», опасаясь, что в учителе в какой-то момент могут возобладать подсознательные расистские инстинкты; представители другой тенденции, наоборот, утверждают, что учащиеся с культурной основой, отличной от доминирующей культуры, должны получать отдельное образование, где вопросам их культурного наследия будет уделяться больше места. Крайние точки зрения обеих тенденций заслуженно критикуются более умеренными педагогами: первая за то, что игнорирует культурные особенности (белого, черного, мусульманина или неверующего), вторая за то, что в своих крайних проявлениях ведет к этноцентризму.

Один из способов развить в себе способность если не до конца понимать, то хотя бы чувствовать потребности учеников с отличной культурной основой, – это четко осознать, к какой культурной основе принадлежишь ты сам. О таком способе самоанализа пишут многие педагоги. Такой подход помогает относиться терпимее к другим, более критично подходить к своим поступкам и решениям. Хернандес, например, предлагает учителю опросник, заполнив который можно многое узнать о культурной основе каждого ученика, интересах и особенностях его семьи, его близких и друзей.

Еще одним существенным аспектом поликультурного образования является его социальная направленность. Родившись как реакция на осознание необходимости предоставить равный доступ к образованию «долго замалчиваемым людям», поликультурное образование становится не просто специфическим для какой-либо на-

циональной, религиозной или половой группы. Оно, по выражению Дж. Бэнкса, становится «движением, призванным вдохнуть силы во всех учащих с тем, чтобы они стали знающими, заботливыми и активными гражданами в очень беспокойном, этнически поляризованном государстве и мире». Активный гражданский аспект выделили Макаев и др., указав целью поликультурного образования «...формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде...». Социальная функция поликультурного образования позволила бунтарю от педагогики Питеру Макларену выработать довольно четкую теорию о четырех типах поликультуризма:

- консервативном;
- либеральном;
- лево-либеральном;
- критическом (иначе, поликультуризме сопротивления), глашатаем которого является сам Макларен.

Возвращаясь к вопросу, заданному раньше, следует ли педагогу осваивать принципы и методы поликультурного образования и повышать свою поликультурную компетенцию, нужно однозначно ответить: да, это необходимо. Поликультурное образование, как важный компонент гражданского образования и воспитания:

а) помогает воспитаннику ориентироваться в многообразии культур, традиций, правил; терпимо относиться к тому, что на первый взгляд кажется странным и непривычным;

б) способствует осознанию воспитанником своей культурной основы, помогает ему найти свое место в общем полотне мировой, национальной и местной культуры;

в) способствует самоидентификации педагога, осознанию им своей культурной основы, выработке своего личностного отношения к культурным основам своих воспитанников;

г) заставляет как педагога, так и воспитанника критически мыслить, равнодушно относиться к окружающему миру, активно воздействовать на него, добиваясь равенства возможностей не только для себя, но и для окружающих.

Скорее всего, этими четырьмя пунктами не ограничивается важность поликультурного образования. Но и их должно быть достаточно, чтобы понять необходимость поликультурной подготовки

для будущих молодых специалистов. Так что же все-таки такое «поликультурное образование»? Вряд ли в ближайшее время кому-либо удастся найти исчерпывающую формулу, приемлемую как для консерваторов, так и для либералов, как для приверженцев глобального образования, так и для этноцентристов. Не умаляя важности правильного определения, отметим, что, наверное, важнее для практика следовать неким основополагающим принципам и правилам, не шарахаясь в крайности. Осуществить то, что сделал уже упомянутый Пол Горский, перечислив принципы, которые, на его взгляд, ДОЛЖЕН включать образовательный процесс, чтобы называться поликультурным:

- каждый учащийся ДОЛЖЕН иметь равные возможности для полного раскрытия своего потенциала;
- каждый учащийся ДОЛЖЕН быть подготовлен к конкурентному участию в жизни общества, в котором все более важную роль играют межкультурные связи;
- учителя ДОЛЖНЫ быть подготовлены к эффективному обучению любого учащегося, вне зависимости от того, насколько схожи или отличны их культурные основы от культурных основ их воспитанников;
- школы ДОЛЖНЫ активно бороться с проявлениями подавления любого вида: во-первых, покончив с практикой подавления внутри собственных стен, во-вторых, выпуская социально активных и критически мыслящих учеников;
- образование ДОЛЖНО стать более внимательным к нуждам ученика, поставив его в центр учебно-воспитательного процесса;
- педагоги и общественность ДОЛЖНЫ играть более активную роль в пересмотре элементов образовательной политики и их влияния на учащихся: тестирования, методических подходов, оценки знаний и умений, учебного материала и т.д.

*Шехтман Нисан,
профессор (Израиль)*

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕФИМЕ БОГДАНОВСКОМ

Сегодня, спустя почти семь десятилетий, мне трудно припомнить, кто именно и при каких обстоятельствах мне говорил о нем. Зная мое увлечение музыкой, этот некий уверил меня, что я найду в его лице интересного собеседника, и спросил, не буду ли я возражать, если он сообщит ему мой адрес. Разумеется, я согласился, в основном из любопытства.

И вот, в один дождливый осенний вечер 1939 года, в нашей бухарестской квартире раздался звонок. Я пошел открывать дверь. У порога стоял молодой человек, примерно моего возраста, в узковатом пальто из которого он явно вырос. Я сразу понял, что это тот, о котором мне говорил мой знакомый. И я не ошибся. «Фима Богдановский» – представился мой гость.

Я пригласил его в гостиную. В начале наша беседа была довольно вялой, чувствовалось его смущение тем, что явился в столь поздний час. Он рассказал мне, что приехал из Кишинева поступать на медицинский факультет, но провалился на вступительных экзаменах. И как многие другие, разделившие его судьбу, чтобы не терять целый учебный год, он записался на биологический факультет, в надежде, что это ему облегчит в дальнейшем поступление в мединститут. Говорил он медленно, растянуто. Из его слов я также узнал, что он проживает в общежитии им. Шуллера, основанном бухарестской Еврейской общиной, чтобы приютить еврейских студентов из провинции. При общежитии работала дешевая столовая, в которой, несмотря на смехотворные цены, кормили «как у мамы дома».

Довольно быстро наша беседа оживилась и перешла к вопросам, связанным с музыкой, литературой, изобразительными искусствами и мне стало ясно, что его познания в этих областях довольно обширны и основательны. Я испытал особую симпатию к этому молодому человеку, буквально час тому назад впервые пересту-

пившему порог нашей квартиры. При расставании, я его пригласил заходить к нам. И он пришел. Вскоре его посещения стали почти ежевечерними. Мы ужинали вместе, а затем, целыми часами, разговаривали о том, о сем, но больше всего, конечно, мы обсуждали музыкальные события, спорили об исполнительском мастерстве великих музыкантах, которые гастролировали в Бухаресте и, в особенности, о дирижерах. Мы увлекались дирижерским искусством и в наших юношеских мечтах видели себя в будущем с дирижерской палочкой в руке. Из дня в день крепили наши отношения, мы все больше и больше узнавали друг друга. И мне стало ясно, что моего нового друга меньше всего интересовали медицина или биология, что единственной, настоящей его страстью была музыка. Год, проведенный Фимой в Бухаресте, сыграл решающую роль в его музыкальном формировании, открыв перед ним беспредельные горизонты в бесконечном мире звуков.

В годы, предшествующие второй мировой войне, жизнь румынской столицы отличалась исключительным разнообразием и богатством музыкальных событий. Лирический театр (Румынская опера) показывал на протяжении сезона около сорока спектаклей, в основном классического репертуара. Высокий уровень этих постановок достигался благодаря участию в них выдающихся певцов, среди которых особо выделялись Джордже Фолеску, Джордже Никулеску-Басу, Жан Атанасиу, Петру Штефэнеску-Гоангэ, Шербан Тасиан, Дину Бэдеску, певицы Лидия Бабич (впоследствии педагог вокала в Кишиневской консерватории), Мария Снежина, Эльвира Гуциану и др. А за пультом стояли такие известные дирижеры как Джордже Джорджеску (ученик Никиша), Йонел Перля, Эджицио Массини. Гастролировали и мировые знаменитости – Аурелиано Пертиле, Тотти даль Монте, Мария Чеботари (уроженка Кишинева), Федор Шаляпин...да разве всех назовешь? Румынская опера принимала у себя и заграничные коллективы, как, например, парижскую Опера-комик или Оперу из Франкфурта на Майне, ознакомившую бухарестских меломанов с Тетралогией Вагнера.

Вечер четверга еженедельно посвящался симфоническим концертам, проходившим в роскошном зале Румынского Атенеума. Эти концерты, в которых играли такие прославленные мастера, как пианисты Артур Рубинштейн, Вилгельм Кемпф, скрипачи Джеорд-

же Энеску, Жак Тибо, Натан Мильштейн, Бронислав Губерман, виолончелисты Пабло Казальс, Грегор Пятигорский, Морис Марешал, становились подлинными праздниками для любителей музыки (незабываемым событием стало выступление Пабло Казальса и Джордже Энеску, которые вместе с симфоническим оркестром под управлением Джордже Джорджеску исполнили двойной концерт для скрипки и виолончели Йоханнеса Брамса). А в небольшом, но элегантном зале Даллес проходили концерты камерной музыки и реситали.

Приобрести билеты на спектакли оперы (разумеется, на галерке) мы еще могли себе позволить, но к Атенеуму мы даже боялись приблизиться – уж больно дорогими были контрамарки для таких нуждающихся юношей, как мы. Но Фима не сдавался и придумывал разные способы, чтобы проникнуть в этот храм музыки.

Общежитие «Шуллер» получало ежедневно для своих студентов по два бесплатных билета на разные спектакли и концерты. Если попадались билеты на концерты в Атенеум, Фима был первым просителем. Но даже тогда, когда Филармония не предоставляла билетов, Фима ходил к Атенеуму и вместе с другими молодыми любителями музыки, которые не могли раскошелиться на билет, крутился у входа для оркестрантов и терпеливо ждал. Было известно, что примерно за 10-15 минут до начала появится администратор и спросит контролера: «Сколько их там?» Обычно собирались 15-20 юношей (в основном, студенты консерватории), влюбленные в музыку, но не имеющие средств, чтобы купить билет. «Пусть пройдут, но только тихо» – давал команду администратор. Этот комический «ритуал» повторялся перед каждым концертом. Фима был постоянным «клиентом» симфонических оркестров – ему удалось пройти даже на концерт одного из лучших оркестров мира, Berliner Philharmoniker, который, с пропагандистской целью, гастролировал в странах Восточной Европы.

Мой добрый друг настаивал, чтоб я следовал его примеру и присоединился к нему в этих музыкальных походах, но ему не удалось меня убедить. Я стеснялся своей бедности, мне казалось постыдным «клянчить» разрешение на посещение симфонического концерта. В последствии я сожалел, что не прислушался к его совету и упустил возможность услышать много, очень много хорошей му-

зыка в образцовых исполнениях – ведь в те времена не было сегодняшних технических возможностей, позволяющих слушать шедевры мировой музыки в любых исполнениях, расположившись удобно в кресле гостиной.

Тем не менее, и мне улыбнулась судьба, и мне удалось попасть на концерты в Атенеуме. Где-то в 1938–1939 годах Министерство образования ввело «день стражера» (по четвергам) посвященный культурно-патриотическому воспитанию. Как раз четверг был днем генеральной репетиции перед вечерним симфоническим концертом и учеников бухарестских гимназий по очереди водили на эти репетиции, чтобы приучить их слушать классическую музыку. Так я попал на репетицию известного швейцарского дирижера Феликса Вайнгартнера, который работал над Героической и Четвертой симфониями Бетховена. Не менее впечатляющей была репетиция бесподобного мастера Йонела Перля, удивившего меня тем, что репетировал он без партитуры огромную по масштабам IX симфонию Бетховена. А в следующем сезоне Филармония инициировала цикл из десяти концертов «Труд и досуг», целью которого была пропаганда классической музыки среди рабочих. Эти билеты не шли в свободную продажу, а распространялись по профсоюзам по 10 лей за билет (обычно билет в Атенеум стоил 500–700 лей). Знакомый профсоюзный активист достал мне билеты на все концерты цикла. На всех этих концертах я встречал Фиму и по дороге к дому мы делились впечатлениями об услышанном. Он был единственным из моих знакомых, с которым я мог серьезно поговорить о музыке.

Приближались летние каникулы, Фима собирался домой, в Кишинев. Я настолько привык проводить с ним все свободное время, что с нетерпением ждал конца лета и возвращения моего друга. Но нам было суждено встретиться значительно раньше.

В конце июня 1940 года, вследствие ультиматума Советского союза, Румыния была вынуждена отдать Бессарабию. Будучи родом из Кишинева, мои родители решили вернуться в родной город. Таким образом, в середине июля мы прибыли в Кишинев. Я поспешил найти Фиму, и от него узнал об открытии государственной консерватории, о начале набора студентов и о том, что поступившим будет выплачиваться стипендия. Мы оба записались на отделение теории музыки. Мы занимались у Вячеслава Александровича Бу-

лычева (1872–1957 гг.), ученика и друга Сергея Танеева, После революции Булычев обосновался в Кишиневе, где считался неоспоримым музыкальным авторитетом. Другим нашим педагогом был Михаил Быркэ, воспитанник придворной капеллы.

Начало войны разбило все наши надежды. Две недели спустя Консерватория отправлялась в эвакуацию, но Фимы не было среди нас – за день до этого он получил призывной лист. Мы обнялись и расстались на привокзальной площади. Никогда не забуду глубокую тоску в его глазах, которую он пытался скрыть той застенчивой улыбкой, известной мне с первой нашей встречи. Он оставлял обожающих его родителей и младшую сестричку. Возвратившись после войны их он уже не нашел. До последнего мгновения родные не хотели покинуть свой дом, опасаясь, что Фима может вернуться и не найти их. Они погибли, как и многие другие в кишиневском гетто.

Несмотря на то, что война окончилась в 1945 году, наша семья вернулась в Кишинев лишь в конце октября 1947 года. Я был ошеломлен жуткой картиной разрушений, среди которых то тут, то там виднелось чудом уцелевшее здание. Мне было 26 лет и в создавшихся условиях, я не мог себе позволить продолжать музыкальные занятия – надо было искать работу, чтобы помочь семье. Но неожиданная встреча с Фимой на второй или третий день после приезда коренным образом изменила мой жизненный путь. Богдановский был уже на третьем курсе консерватории. Услышав о моих планах, он их категорически отверг и, почти силой, заставил меня продолжить занятия. Он отвез меня в новое здание консерватории (старое было разрушено) и я, забыв об обещании, данном отцу и долгом перед семьей, стал опять студентом первого курса консерватории. Я не был уверен, что поступил правильно, но, как говорили римляне, «*Alea jacta est*» – жребий брошен и мне не оставалось ничего другого, как включиться в занятия.

Фима вернулся в разрушенный Кишинев, где никто его не ожидал, сразу после освобождения города. Он жил в общежитии, импровизированном в одном из классов верхнего этажа консерватории. Там я встретил и Васю Загорского, ставшего одним из наших лучших друзей. Товарищи по общежитию уже присвоили Фиме шуточную кличку «Бадя» или «Бэдицэ» (на румынском языке «Ба-

дя» это уважительное обращение женщины к мужчине в деревенской среде). Откуда и когда появилось прозвище «Митикэ», уж сам не припомню.

Трудно жилось этим бедным студентам послевоенного времени, худо одетым и плохо питающимся. Но молодость, надежды и взрывы смеха, которые постоянно раздавались в общежитии, помогали им преодолевать бытовые трудности, сохранить бодрость духа и оптимизм, без которых легко было впасть в отчаяние.

Время шло, город залечивал раны, нанесенные войной, понемногу налаживался быт. А мы, с дипломами в кармане, искали свое место в жизни. Богдановскому повезло – он освоил свою профессию под руководством Анны Дмитриевны Юшкиевич, блестящего музыканта и педагога, которая оценила музыкальность и интеллектуальные данные своего ученика. Фиму оставили преподавать в консерватории.

Затем Фима женился. Жена его, Ляля (как мы ее называли), была хорошенькой, веселой, дружелюбной. Промучившись некоторое время в жалкой хибарке, они получили в новом доме однокомнатную квартиру. И я женился, и тоже получил квартиру недалеко от них. В определенный момент, в радиусе полукилометра, проживала группа музыкантов одного поколения: в одном доме с Богдановским жил композитор Алексей Стырча, в доме рядом, в одном подъезде – я, музыковед Зиновий Столяр и его супруга, пианистка Людмила Ваверко, и на соседней улице – композитор Злата Ткач и ее муж, музыковед Ефим Ткач. Мы дружили, часто встречались то у одного, то у другого. Все мы любили Фиму, ценили в нем остроту наблюдательности, чувство юмора и меткие шутки-сентенции, которые он изрекал как-бы между прочим, но попадая всегда в цель.

Так, например, мне помнится исполнение нашим оркестром «Патетической симфонии» Чайковского, вершину творчества великого композитора, завершенную незадолго до его кончины. Симфония заканчивается трагическим финалом, в котором, очевидно, автор хотел передать угасание жизни. И вот, на фоне тихого, замирающего звучания нижних струнных, слышны были слишком громкие пиццикати контрабасов. «Это Маляров (был такой контрабасист в оркестре) забивает гвозди в гроб покойника» – заметил Фима. Эти

«маляровские гвозди» долго еще переходили из уст в уста у музыкальной братии.

Как-то, в 60-е годы, Рижский Филармонический хор, гастролирующий в Кишиневе, включил в программу «Страсти по Матфею» И. С. Баха, Концерт должен был состояться при участии нашего оркестра под управлением местного дирижера. Беда была в том, что ни оркестр, ни его руководитель не были знакомы с этой божественной музыкой, почти не исполняющейся в Союзе из-за своего духовного содержания. После концерта Фима заключил: «Вместо “Страстей по Матфею” мы слушали “Страсти по Тимофею”» (намек на имя дирижера).

Фима начал собирать художественные альбомы, книги, ноты, затем пошли патефонные пластинки, иллюстрированные открытки, почтовые марки, посвященные изобразительному искусству и Бог весть что еще. Это то, что я называл «Фимины чудачества» – мания коллекционирования.

Где-то в 60-е годы, когда я ехал на Съезд композиторов в Москву, Фима попросил меня поискать в отделе антикварных нот на Неглинке клавиры ораторий, кантат старых мастеров дореволюционного издания – ведь в советское время эта музыка не издавалась из-за ее культового характера. Он был уверен, что я ничего не найду, но на всякий случай...чем Бог не шутит. Фима меня предупредил, что они стоят очень дорого, но просил денег не жалеть. Случилось так, что именно в этом году впервые прибыл в Союз большой транспорт нот немецкого издательства Петерс, прибереженного специально для участников Съезда композиторов. У меня голова закружилась при виде этого богатства клавиров, которые продавались за гроши. И я брал все без оглядки, по два экземпляра, для меня и для Фимы. Надо было видеть лицо Фимы, когда я, один за другим (чтобы растянуть удовольствие) доставал обе «Страсти» Баха, его «Высокую мессу», «Магнификат», ораторий Генделя, Реквиемы Керубини и Моцарта, «Торжественную мессу» Бетховена. Не забыть мне счастливое лицо моего друга, которому трудно было поверить, что в одночасье он стал обладателем настоящего музыкального сокровища.

В 1976 году я решил переехать в Израиль. В те времена отношения между Советским Союзом и Израилем были крайне напряжен-

ными и те, кто хотели покинуть советский рай, воспринимались как «предатели родины». Подав документы на выезд из страны, я также стал «врагом» государства. Подавляющая часть моих друзей и знакомых порвали со мной всякую связь, а при встрече на улице, старались меня не замечать. Среди них был и Фима. Я их не осуждал, не был зол на них, хотя, признаюсь, в душе мне было немного не по себе. Однако я прекрасно знал советскую реальность – я ведь собирался уезжать, а они оставались. Мой взгляд был устремлен вперед и в то мгновение, когда я переехал государственную границу Советского Союза, я предполагал, что с прошлым я порвал окончательно.

Но жизнь вносит свои коррективы. В начале 90-х годов XX века, вследствие коренных изменений, произошедших в Союзе, наступила оттепель в отношениях с Израилем, постепенно наладилась переписка с бывшими друзьями и учениками, а некоторых из них я даже принимал у себя в Израиле. Написал мне и Богдановский. Письма дружественные, теплые, как будто мы с ним и вовсе не расставались. Он интересовался музыкальной жизнью в Израиле, общался о музыкальных событиях в Молдавии.

Я знал, что ему трудно живется, но, к его чести, он никогда об этом не жаловался. Мне очень хотелось доставить ему немного радости, и я стал посылать ему видео– и аудиокассеты с записями симфонической музыки под управлением выдающихся дирижеров. Так появилась новая тема в нашей переписке – мы делились впечатлениями об интерпретации присланных ему произведений, о мастерстве разных дирижеров. Я чувствовал, что эта тема продолжает иметь для него первостепенное значение, и меня радовало то, что наши мнения во многом совпадали. Также как и он, я был уверен, что крупнейшим дирижером нашего времени был Леонард Бернстайн, а не, как было общепринято считать, Герберт фон Караян, хотя мы никогда не отрицали исключительные качества великого немецкого мастера. Но Лени (так любовно называли Бернстайна его поклонники), которого мне посчастливилось часто слушать в Израиле и даже побывать на его мастер классе, был более непосредственным, более импульсивным, отдаваясь музыке до самозабвения, душой и сердцем. Караян же был более рассудительным и, как нам казалось, во время дирижирования часто прибегал к зара-

нее продуманным театральным эффектам. Мы оба любили германского дирижера румынского происхождения Серджа Челибидаке, о котором раньше понятия не имели. Что же касается великого дирижера сэра Георга Шолти, наши мнения разошлись – Фима считал, что движения его рук слишком угловаты, резки, даже в певучих эпизодах, что было вполне справедливо. Но когда я ему прислал «Патетическую» Чайковского в исполнении Чикагского оркестра под управлением Шолти, ему уже нечего было сказать.

Фима мне часто посылал программы своих концертов. Несколько раз я получил от него видеокассеты его выступлений с хором. Эти пленки убедили меня в незаурядном дирижерском мастерстве Богдановского, и мне доставляло удовольствие показывать их знакомым, некоторые из которых помнили Фиму еще по Кишиневу. В один прекрасный день я получил от него книгу его воспоминаний, озаглавленную «О музыке, *con amore, sempre*». Я подумал о том, насколько верно это заглавие отражает весь смысл его жизни – беззаветная, нескончаемая любовь к музыке. Свой дар он снабдил следующим трогательным посвящением: «Мой дорогой друг Нися! Прими мой скромный сувенир, книгу моих воспоминаний. Полагаю, что она тебе напомнит те незабываемые годы нашей далекой юности, тем более что многие факты тебе известны и близки..... Главный стержень книги, то что нас так сильно сблизило – Музыка! С любовью! Твой Фима».

«Бадя Митикэ» уже не с нами. Конечно, вклад Ефима Богдановского в развитие хорового искусства в Молдавии был признан и оценен по достоинству не только его молдавскими коллегами, но и зарубежными мастерами (в особенности из прибалтийских стран, где, как известно, хоровая культура достигла высочайшего уровня), а также на разных международных фестивалях, официальными учреждениями. Но гораздо более важным мне представляется то, что многие из его бывших учеников, ставших заметными фигурами в музыкальной жизни Молдавии, будут вспоминать с чувством глубочайшего пиетета и благодарности Учителя, который открыл им тайны мастерства и был для них мудрым путеводителем в бесконечном мире звуков. Эти его питомцы могут с особой гордостью заявлять: «Мы были учениками Ефима Богдановского».

И все-таки... И все-таки, когда бы я не думал о моем добром друге, меня мучает один и тот же вопрос, который постоянно преследует меня: в какой мере этому большому музыкальному дарованию удалось реализовать свой художественный потенциал? И ответ, к которому я прихожу, вызывает во мне глубокую горечь. С юношеских лет Фима лелеял мечту стать симфоническим дирижером, однако объективные причины помешали ему осуществить свое сокровенное признание, хотя незаурядная музыкальность, интеллект и обширные знания в области музыкальной литературы были несомненным залогом для почетной карьеры в этой области. Однако, в Кишиневской консерватории не было кафедры симфонического дирижирования. В послевоенных условиях, оставшийся одиноким на белом свете, без родителей и дома, без всякой материальной поддержки, молодой музыкант не мог себе позволить поехать в Москву или Ленинград, где такие кафедры существовали. Тоска по несостоявшейся профессии его мучила все годы, он ни с кем об этом не делился, но и без слов я это постоянно чувствовал.

Фима выбрал специальность хормейстера, которая более всего соприкасалась с областью симфонического дирижирования. Но и на этом поприще его ожидало горькое разочарование – в Молдавии, такому хормейстеру, каким был Ефим Богдановский, не доверили руководство ни одним профессиональным хором. Те, от которых зависело назначение руководителей творческих коллективов, были партийными чиновниками, а они меньше всего были способны вникнуть в вопросы искусства. Забота о росте исполнительского мастерства музыкальных коллективов их мало волновала, ибо руководствовались они совсем иными критериями. Богдановскому осталась лишь одна возможность – преподавать в консерватории и руководить студенческим хором.

Шли годы, мой добрый друг уже перешагнул за пятьдесят, а перспектива получить руководство профессиональным хором в обозримом будущем, как и раньше, ему не улыбалась. И тогда Фиму осенила смелая, дерзкая мысль. По собственной инициативе, без чей-то поддержки и вопреки невероятным трудностям, создать свой любительский хор, в котором он был бы единственным хозяином – хормейстером, педагогом, тем, кто определяет репертуарную политику коллектива и отвечает за уровень его исполнительского

мастерства. Для него это была единственная возможность реализовать свое давнее призвание и проявить себя в качестве дирижера. Харизматическая личность Ефима Богдановского позволила ему набрать несколько хористов-любителей. Они и составили первоначальный костяк будущего Камерного хора, которому было суждено добиться столь громких успехов, как в республике, так и за ее пределами.

В этом начинании проявился и удивительный организаторский талант Ефима Богдановского. Прежде всего, ему удалось добиться поддержки Союза композиторов, а затем, когда материальные ресурсы союза иссякли, Дом культуры профсоюзов предоставил ему репетиционный зал и стал спонсором хорового коллектива.

Само собой разумеется, что любительский хор имеет свои проблемы, неведомые профессиональному коллективу, в котором солисты получают регулярно зарплату – это текучесть кадров, нехватка репетиционных часов (всего 4 часа в неделю), отсутствие строгой дисциплины. Да еще возникает проблема мужских голосов – их всегда меньше женских, что приводит к нарушению звукового баланса. И все же, несмотря на эти препятствия, Ефиму Богдановскому удалось достичь высокого художественно-музыкального уровня выступлений Камерного хора, воспитывая его участников на образцах великих мастеров прошлого, современных композиторов и народной музыки. Это позволило ему осмелиться записать в репертуар хора такие крупные вокально-симфонические сочинения, как Немецкий Реквием и Песнь судьбы Й. Брамса, или Реквием Г. Форе. Подлинными любителями музыки знают, что далеко не каждый профессиональный хор решится «прикоснуться» к этой музыке.

К сожалению, в период расцвета Камерного хора я уже проживал в Израиле, где до меня регулярно доходили вести о блестящих успехах коллектива. По просьбе Фимы я поинтересовался о возможности участия его хора в фестивале «Литургика», который проводится ежегодно в Иерусалиме. Мне обещали, что хор сможет выступить с программой, соответствующей названию фестиваля. Об этом я поспешил сообщить Фиме, но, к моему недоумению и великому сожалению, он сказал мне, что распустил Камерный хор. Представляю, как ему было больно это сделать. Камерный хор был его «креатурой», его гордостью, и когда он почувствовал, что его

покидают физические силы, он сам, своей рукой положил ему конец – Камерный хор не мог и не должен был существовать без своего основателя и постоянного руководителя. Оглядываясь на пройденный жизненный путь Ефима Богдановского, я склонен считать, что Камерный хор представляет собой самое значительное достижение в его музыкальной карьере, достижение которое доставило ему моральное удовлетворение почувствовать себя дирижером в полном смысле этого слова.

И когда я думаю, что такой музыкант как Ефим Богдановский, благодаря которому молдавская хоровая музыка приобрела многочисленных поклонников далеко за пределами республики, был вынужден десятилетиями ютиться в однокомнатной квартире, что он так и не смог приобрести видео или проигрыватель компакт дисков, то меня охватывает чувство немого возмущения. Но разве он был единственным с такой судьбой?

*Степанов Вячеслав,
доктор хабилитат истории, профессор*

ОБРАЗ БЕССАРАБСКИХ ЕВРЕЕВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАРИСОВКАХ А. С. АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКОГО

Книга Афанасьева-Чужбинского «Очерки Днестра» представляет собой путевые записки¹; автор интересуется жизнью и бытом Поднепровья. Еврейское население, представленное в «Очерках Днестра» Афанасьева-Чужбинского, гармонично вписывается в целостную картину поднепровской повседневности.

Читатель начинает знакомиться с евреями буквально с первой главы книги. Прежде всего, Афанасьев-Чужбинский останавливается на описании их традиционных занятий. Такие зарисовки встречаются как в описаниях бессарабского прошлого, когда в Хотине стоял гарнизон турок, так и настоящего времени (середина XIX века), собственно времени сбора материала для книги.

Отношение к евреям было весьма неоднозначным как в период турецкого господства, так и в «русское» время. Вот как описывает автор контроль над еврейской торговлей со стороны турок: «Чуть зашел кто-нибудь в еврейскую лавку, а уж турок и подстерегает у выхода покупателя. Узнав, что и сколько куплено, турок идет в турецкую лавку и перевешивает товар: если отпущено как следует, еврея не трогают, но если покупатель обвешен, еврея берут, налагают пеню, или, смотря по обстоятельствам, бьют по пятам, но за второй поступок ведут на виселицу»².

Традиционные занятия торговлей и ростовщичеством сформировали тенденциозно-односторонний образ бессарабского еврея, который можно встретить в дореволюционной литературе, и под

¹ Родился А. С. Афанасьев-Чужбинский в 1817 году в Лубянском уезде Полтавской губернии. Он исследовал бассейны рек Днепра и Днестра, в результате чего появилось двухтомное произведение А. С. Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию»: «Очерки Днепра», т. 1; «Очерки Днестра», т. 2. (СПб., 1861).

² Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского). Под ред. П. В. Быкова. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Т. VIII. Второе, вновь просмотренное и исправленное издание. СПб., Книгоиздательство Германь Гоппе, 1893. С. 4.

влияние которого попал Александр Степанович. «Это чистая язва для простодушного и кроткого населения. Сколько не проехал я губерний для изучения крестьянского быта, сколько не описывал местностей, я не высказывал этого мнения. Значит, я говорю так не из нетерпимости – качества, которым, слава Богу, не обладаю, – не из каких-либо личных побуждений, но не могу скрыть истины... Проживают евреи в деревнях под разными видами и предлогами. Иной имеет оседлость, другой держит на аренде имение, разумеется, частным образом и обдирает народ, третий берет на откуп *дижму*, т. е. десятину с продуктов, которую крестьяне обязаны доставлять владельцу, четвертый арендует мельницу, пятый закупает сады, и все они, кроме специального занятия, предаются более специальному ростовщичеству»¹. Одновременно писатель констатировал: «справедливость, однако же, требует сказать, что одни только евреи сообщают краю торговое движение, а без них был бы решительный застой. Теперь крестьянин, по крайней мере, имеет верный сбыт, хотя и за весьма небольшую цену»². Следует напомнить, что проживавшие в полосе оседлости евреи находились, в свою очередь, на особом счету у властей. Стремление выжить выработало в их среде умение приспособливаться³.

Общаясь с евреями, автор обратил внимание на их взгляд на простонародье, который, по его словам, «принадлежит и большинству наших спекулянтов всех наций, даже тем, которые во всеуслышание проповедуют филантропию»⁴. Один из собеседников писателя заявил ему следующее:

«- Мужик, – никому пользы не приносит, ни торговцу, ни ремесленнику: у него все свое, домашнее, он покупает только необходимое. Деньги в его руках все равно, что умерли. Заплатил мужик подати и прячет деньги в сундуках или зарывает в землю. У него не вытащить ни копейки. Не будь откупа, всем пришлось бы плохо.

- Т. е. откупщикам? – сказал я.

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 23-24.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 196.; из сказанного видно, что автор пытается быть непредвзятым, тем не менее, перед нами предстает человек своего времени.

Нет, позвольте! в каждом, даже небольшом, откупе есть свои служащие, притом сколько чиновников пользуется и даровой водкой, и постоянным жалованьем... А мужик – дурак: у него надо вытаскивать деньги для оборота»¹.

Останавливаясь, в том числе, на примере характеристики деятельности, в частности, бессарабских евреев автор констатировал, что евреи в молдавских деревнях выступали «как люди, эксплуатирующие народ всевозможными способами и находящиеся в потворстве, которым обеспечивают их многие власти, смотрящие на свою обязанность с практической точки зрения»².

В другом описании автор обращает внимание на неутомимую предпринимательскую хватку, присущую евреям-коммерсантам. Представляя торговые приемы одного из продающих на базаре сынов Израиля, Афанасьев-Чужбинский сумел передать колорит и коммерческий дух своего героя³.

Еще одной чертой, присущей евреям, на которую обратил внимание писатель, было умение находить общий язык со всеми народами, проживающими по соседству. Описывая ярмарку в Сокирянах, Александр Степанович писал – «Говор смешанных наречий приятно действовал на мой слух, и нельзя было не удивляться способности евреев, разговаривавших на трех языках (в данном случае речь идет о молдавском, «руснацком» – украинском и русском – прим. В. С.) так же свободно, как на своем собственном»⁴. Вообще быстрое привыкание к языковой среде отличает торговые народы, которые больше и быстрее земледельцев вступали в контакт с иноэтничным компонентом.

Слушая рассказ одного из жителей Ушицы на ярмарке об историях с заговариванием змей у украинцев и тараканов у старообрядцев, писатель зафиксировал информацию о том, что старообрядцы давали пришлым иноверцам специальную посуду⁵. При этом не-

¹ Там же. С. 196.

² Там же. С. 268.

³ Там же. С. 185-187.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Подобная практика встречалась и в других регионах, ее нельзя связывать с конкретной местностью, это, правильнее сказать, прежде всего, конфессиональная установка. См. также «Русские» под ред. Александрова В. А., Власовой И. В., Полищук Н. С. Москва, 2005. С. 716-717.

сколько участников разговора подчеркнули, что подобного рода посуда есть и у евреев¹. Т. о. данный пример позволяет утверждать, что одним из наиболее мощных идентификаторов в традиционном обществе изучаемого региона выступала религиозная принадлежность и сопутствующие ей представления о своих и чужих.

Разница в религиозных представлениях не только способствовала отдалению православных и иудеев, но и накладывала своеобразный отпечаток на культуру повседневности евреев, на отдельных элементах которой сосредоточил свое внимание писатель.

Так, говоря о внутреннем убранстве еврейского жилища, автор обратил внимание на неопрятность и специфический запах, наличествующий в еврейском доме. При этом автор констатировал факт того, что, наряду с подобными примерами он бывал в опрятных, чисто убранных домах колонистов². Эта щепетильная тема естественно вызывает специальный интерес. Думается, прежде всего, этот нюанс культурной специфики (представление о нечистоплотности) можно отнести к низкому по социальному статусу еврейству, которое внутри себя также делилось на богатых, зажиточных и сильно нуждающихся. В подтверждение сказанному может звучать диалог, записанный А. Афанасьевым-Чужбинским – «Однажды я завел с этим портным разговор о содержании мальчиков и подмастерьев и заметил, что странно у такого, по-видимому, порядочного мастера видеть работников в изорванном платье и грязных рубашках.

- Иначе и быть не может, сказал он: – все это народ бедный.

- Согласен, но и бедному можно не допускать одежду до такой степени.

- И что вы с ними сделаете? Мальчик целый день сидит с иглой, а она ему так надоест, что едва окончив работу, он спешит побаловать. А рубашка может ли быть чиста у нашего брата? У иного всего их две, вот поневоле и носить.

- Ведь это вредно для здоровья, а рабочему оно необходимо.

- Помилуйте, если нашему брату смотреть еще за чистотою, так и есть будет нечего. Это панские выдумки.

¹ Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского). Под ред. П. В. Быкова. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Т. VIII. Второе, вновь просмотренное и исправленное издание. СПб., Книгоиздательство Германъ Гоппе, 1893. С. 180.

² Там же. С. 196.

- Нет не панские; но евреи вообще не заботятся о чистоплотности.

- Мы смотрим за чистотою раз в неделю – в шабаш, да в большие праздники, в другие же дни *нас свои осмеяли бы* (выделено мною – В. С.)»¹.

В XIX в. об этнопсихологии, как об особом направлении в этнологической науке, никто и не догадывался, но внимание на специфику этнического характера и повседневного поведения люди обращали с древнейших времен. Потому в процессе бурного развития этнографического знания, в период творчества А. Афанасьева-Чужбинского, в этнографических описаниях было принято обращать внимание на так называемых «типических представителей народа», делать зарисовки народных «типов». Конечно, многие зарисовки народного характера, встречаемые у авторов XIX в., сегодня выглядят несколько наивными, современная наука более критична и строга в выставлении оценок.

Если говорить о XIX веке – его можно назвать временем бесхитростного наделения изучаемого народа определенными этнографическими «характеристиками». Во многом этому способствовало разделение населения империи в широком смысле на славян и на представителей других этнических сообществ. Наиболее показательным это выглядело на примере законодательных актов об инородцах Сибири (в широком смысле этого слова инородцами назывались все не славяне) и целого ряда законодательных документов о положении евреев (1804, 1818, 1835, 1851 и др.). Понятно, что эти зарисовки этнографических типов зачастую носили предвзятый характер, но с другой стороны они выделяли некоторые черты этнического характера, которые сегодня либо утрачены народом, либо о них не принято говорить. Здесь важно подчеркнуть, что меняющееся время, так или иначе, накладывает отпечаток на межэтническое восприятие народами друг друга. Одним оно было в период традиционного общества, иным оно является сейчас, в период урбанизации и глобалистических мировых процессов, когда человечество выработало целую систему законодательных актов, унифицирующую права этнических сообществ, способствующую правовой регламентации общественного восприятия того или иного этноконфес-

¹ Там же. С. 237-238.

сионального сообщества. Потому замечания автора интересны, в том числе и с этой точки зрения.

«С евреями иметь дело потому хорошо, – отмечает Афанасьев-Чужбинский, что за деньги они исполняют все, что только в их власти, и не задумываются над вашим требованием, как бы ни было оно эксцентрично, и, наконец, чем оно эксцентричнее, тем еврей веселее, потому что рассчитывает на большее вознаграждение...»¹.

Возвращаясь к «типическим представителям» – еще один пример – «Хозяин мой, не помню, бывший или настоящий поверенный откупа оказался бывалым и разумным человеком, и если не был знатоком в изящных искусствах, то обладал обширными познаниями по части разных торговых сделок и верно определял промышленное состояние окрестностей как своих, так и бессарабских. Кроме разных спекуляций он начал заниматься выделкою хорошего чернослива, на манер французского, и вскоре после моего прибытия принес мне полную тарелку отличного чернослива, далеко оставившего за собой буковинский»².

Автор обращает внимание на такие черты, присущие описываемым типажам, как сметливость, сноровка, разумность: «- Я нарочно ездил по Бессарабии и у нас, где выделывают чернослив, и видел, что не так берутся за дело, сказал он (Примечание – В. С. Афанасьев-Чужбинский рассказывает о беседе с евреем, у которого остановился, проезжая местечко Старая Ушица, при впадении реки Ушицы в Днестр).

- Где же Вы научились готовить на манер французского?

- Дошел своим умом. В Каменце я купил коробочку настоящего французского и все придумывал...

- Я уже возил свой чернослив некоторым богатым помещикам в Каменец... Дают лишь несколькими копейками дороже, чем за тот, который продается у нас в бочках.

- Разумеется Вам не выгодно.

- Просто убыток... Нет, я уже придумал, прибавил хозяин с улыбкой, которая показалась мне очень хитрою.

- И думаете получить хорошую выгоду.

Кажется, процентов на сорок. Только вы... Знаете – это...

¹ Там же. С. 152.

² Там же С. 172.

- Я ведь не торгую черносливом.

Да, буду продавать за иностранный, только немного дешевле. Коробочки и этикетки плохо подделывают, да наш брат скоро научится...

- Нет, я вам скажу, нам, торговым людям, нельзя без обмана, говорил мой собеседник в полном убеждении, что сказал великую истину: – правдой возьмешь не много. *Конечно, надо быть честным на расплату, исполнять, что обещаешь, а в товаре без обмана не бывает*¹ (выделено мною – В. С.).

Из беседы с евреем-портным Афанасьев-Чужбинский привел следующий диалог:

«- Вы спрашивали насчет учеников, сказал он, закуривая папиросу... Иного учишь как следует, а иного только по верхам. Согласитесь, если бы я всем показывал все тонкости, у меня скоро отбили бы кусок хлеба... Без хитрости не проживешь на свете, хитрить надо, заключил он решительно»².

Автор также обращает внимание на факт того, что портные, шьющие женские наряды, находились в большем выигрыше, нежели те, которые обслуживали мужскую часть населения³.

Говоря о могилевских евреях-ремесленниках, путешественник отметил их трудолюбие, факт того, что они постоянно заняты – «нет между ними ни пьяниц, ни буянов, обыкновенно расхаживающих в наших городах по праздникам и заводящих драки и ссоры от пьянства и безделья. Евреи в этом отношении безупречны. Они тоже по праздникам не работают, а если иной и выпьет лишнее, то не покажется на улицу в безобразном виде»⁴. В праздник, по словам писателя, особенно следили за тем, чтобы сохранить приличие «я никогда не видел, чтобы пьяные евреи подрались в шабаш», при этом автор отмечает факт того, что среди этого народа распространено «в полной силе правило: “око за око и зуб за зуб”...»⁵.

Оказавшись в среде традиционных общественных межэтнических отношений, автор получил возможность, и, что самое главное,

¹ Там же. С. 171-172.

² Там же. С. 238.

³ Там же. С. 239.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же. С. 253.

сумел воспользоваться ею и остановил свое внимание на характеристике поведения и восприятия друг-друга не только взрослых, но и детей.

Подобного рода отношения, более завуалированные культурой полиэтничности во взрослой жизни, достаточно наглядно представлены автором во взаимоотношениях между детьми, которые бесхитростно проявляли заложенные в обществе этносоциальные противоречия. Автор, в частности пишет – «... я убедился, что еврейские дети не только не ведут знакомства или не вступают в игру с детьми туземцев, а напротив, стараются при малейшей возможности сделать друг другу пакость и нередко выходят на побоище. Обыкновенно поводом для ссор, как водится, служат бранные слова, неприятные каждому племени (ошибочное, но довольно распространенное выражение по отношению к определенной этносоциальной группе современников в XIX в., особенно к народам окраин – В. С.) и именно с этой целью изобретаемые, которых, конечно, в простонародье, как у взрослых, так и у детей, много множество.

Кроме этого молдаване еще дразнят евреев особым способом, вероятно, перенятым от русинов. Стоит только свернуть треугольником полу платья и показать еврею, особенно между детьми – как последний выходит из себя, потому, что подобный треугольник изображает свиное ухо. Но молдавским детям приходится иногда жутко; может быть они и более задирчивы, и всегда зачинщиками в ссорах, но дело в том, что взрослые евреи вмешиваются постоянно. Довольно еврею на улице закричать “гвалт”, равносильное нашему “караул” – как в несколько минут соберется порядочная толпа единоплеменников, и поэтому и дети их прибегают к подобному средству, если не могут одолеть противников. Хорошо, если молдаване успеют скрыться вовремя, а то им частенько достается, что впрочем, не мешает шалунам при первой же возможности возобновлять нападение»¹.

Данный пример обращает на себя внимание и с другой стороны. Евреи России, будучи гонимыми и ограниченными в правах с детства формировали в соотнниках чувство общего этноколлективного, направленного на внешнюю угрозу. Возможно, именно поэтому

¹ Там же. С. 288.

взрослые представители еврейского этноса вмешивались в дела шаливших детей.

Обращает на себя внимание гражданская позиция и смелость автора, подчеркнувшего, что «единственный способ к сближению племен и к гуманизированию массы евреев заключается в дозволении последним селиться по всей империи. Племя это обладает в высшей степени торговыми способностями и умеет пользоваться малейшим случаем наживать копейку... Предположив присутствие еврея вредным, не будет ли справедливее разделить этот вред поровну на все области империи, и тогда со временем он уменьшится сам по себе, а между тем с дозволением евреям селиться где угодно, много пролетариев вышло бы охотно на новые места, разнеся с собою дух предприимчивости и промышленности, и мало помалу, теряясь в большинстве новых элементов, усваивали бы и другие начала, забывая многие недостатки, свойственные, конечно, и прочим племенам, но приписываемые обыкновенно еврейскому»¹. Продолжая мысль, автор подчеркнул – «Евреи отличные конкуренты, и там, где они появляются, товары тотчас же делаются дешевы в силу того простого правила, что малый процент, при более частом обороте капитала дает значительную выгоду, нежели огромные проценты, если капитал лежит мертвым и ожидает больших барышей»².

Вероятно, испытав влияние либерально-народнических идей, Афанасьев-Чужбинский подчеркивал важность просвещения и образования в деле сближения наций. Еще одним серьезным камнем преткновения, способствующим негативному межэтническому восприятию, на который обратил внимание писатель, являлся низкий уровень жизни основной массы населения полиэтнического края в XIX веке³.

¹ Там же. С. 291.

² Там же.

³ Там же. С. 289-290.

*Костаки Георге,
доктор хабилитат права, профессор*

РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ – ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОЛДОВЫ

В современном мире формируется новая образовательная парадигма. Человечество создает другой тип личности – члена информационного общества. Важнейшим элементом данной парадигмы является новая система ценностей, в которой толерантность должна занять свое достойное место.

Реализация идей толерантности в новых условиях немислима без использования правовых механизмов. При этом правовое регулирование в данном случае не может быть эффективным иначе как в тесном и гармоничном взаимодействии с системой норм морали и нравственности. Государства на современном этапе должны стремиться к созданию политико-правового режима в наибольшей степени способствующего укреплению идей толерантности в общественном сознании. Требуется усовершенствования соответствующая система правовых стимулов и ограничений, профилактики и юридической ответственности за правонарушения в данной сфере.

29 ноября 2013 года Молдова парафировала Соглашение об ассоциации с Европейским союзом на саммите в Вильнюсе. Это демонстрирует принятие нашей страной на себя определенных обязательств, в том числе в области развития толерантности и соблюдения прав национальных меньшинств.

Основные ценности Европейского Союза обозначены в договоре об основании ЕС – уважение человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, правовое государство и уважение прав человека, включая права людей, принадлежащих к числу меньшинств. В то же время подтверждено единое видение общества, в котором правят плюрализм, недискриминационный подход, терпимость, справедливость, солидарность. Развитие терпимости, открытости,

равного обращения и интегрированности являются и важными целями развития любого правового государства, лежащими в основе составления интеграционной программы развития.

Толерантность – это способность человека, групп людей или общества относиться с терпением, признанием и доверием к отличающимся от привычных мнениям, верованиям, подходам, обычаям, традициям или культурам, иному складу и своеобразием в целом. На уровне индивида терпимость – это достоинство, поддерживаемое во многих регионах, и на сегодняшний день общепризнанный идеал, терпимость в отношении меньшинств – одна из основных ценностей либерального демократического общества. Национальные и другие меньшинства нуждаются в признании своего положения как особого и обеспечении равенства как в правовом отношении, так и в повседневной неформальной практике. Терпимость признает право быть своеобразным и равноценным, поддерживает чувство собственного достоинства индивидов и групп. Терпимость – это еще и очень важное измерение уровня развития общества: чем более развито и демократично общество, тем больше толерантность в отношении инакомыслящих, различных культур и жизненных укладов, а также в отношении других национальностей.

Терпимость проявляется в установках и поведении. Толерантные установки опираются на общеизвестные ценности, ценности правового государства, толерантное поведение означает подчинение определенным правилам.

Декларация принципов терпимости, принятой резолюцией 5.61 Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года содержит понятие толерантности (терпимости) и определяет основные обязательства государств по ее достижению и поддержанию. Декларация рассматривает толерантность, прежде всего, как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, различных форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности.

Терпимость - это не уступка, снисхождение или потворство, это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием пося-

гательств на эти основные ценности, терпимость должны проявлять отдельные люди, группы и государства¹.

Терпимость - это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Терпимость - это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека.

Проявление терпимости означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

Декларация определяет, что на государственном уровне терпимость требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм. Терпимость также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Отчуждение и маргинализация могут стать причиной состояния подавленности, враждебности и фанатизма.

Для того чтобы сделать общество более терпимым, государствам следует ратифицировать существующие международные конвенции о правах человека и, если это необходимо, разработать новое законодательство с целью обеспечения в обществе равноправного подхода и равенства возможностей для всех групп и отдельных людей.

Отмечено, что терпимость как никогда ранее важна в современном мире. Терпимость необходима в отношениях как между отдельными людьми, так и на уровне семьи и общины. В школах и университетах, в рамках неформального образования, дома и на работе необходимо укреплять дух терпимости и формировать отношения открытости, внимания друг к другу и солидарности. Средства коммуникации способны играть конструктивную роль в деле со-

¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml

действия свободному и открытому диалогу и обсуждению, распространения ценностей терпимости и разъяснения опасности проявления безразличия по отношению к набирающим силу группам и идеологиям, проповедующим нетерпимость.

В целях мобилизации общественности, привлечения внимания к опасностям, кроющимся в нетерпимости, и укрепления приверженности и активизации действий в поддержку поощрения терпимости и воспитания в ее духе Декларация провозгласила 16 ноября ежегодно отмечаемым Международным днем, посвященным терпимости¹.

В 1997 году Генеральная Ассамблея ООН (резол. № A/RES/51/95) также предложила государствам-членам ООН отмечать этот Международный день. Генеральная Ассамблея в этой резолюции ссылается на свои решения о проведении Года Организации Объединенных наций, посвященного терпимости; ссылается на Устав ООН, в котором устанавливается, что принцип терпимости должен применяться при предотвращении войн; принимает во внимание решение ЮНЕСКО об утверждении Декларации принципов терпимости.

В настоящее время проблема формирования толерантности стоит особенно остро². Ее актуальность объясняется рядом причин: резкое расслоение мировой цивилизации по экономическим, социальным и другим, признакам и связанный с этим рост нетерпимости, терроризма; развитие религиозного экстремизма; обострение межнациональных отношений, вызванных локальными войнами, проблемами беженцев и т.д. Толерантность в качестве нового типа социальных отношений представляет проблему не только в сфере взаимодействия различных культур и цивилизаций, но и внутри последних.

Толерантность - это готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных³; это способность мирно жить с людьми, чья религия, национальность отличаются.

¹ Там же.

² Пономарева Л. Понятие "толерантность": введение в социально-правовой аспект // Взгляд молодежи на права человека в современном мире: основные проблемы и пути их решения. Красноярск, 2009. С. 53-62.

³ Гафиятов И., Хайдаров Р., Махмутова Ч. Межэтническая и межконфессиональная толерантность в местном сообществе // Власть. 2010. № 7. С. 74-76.

Проблема толерантности актуальна для современной Молдовы в силу ее многонационального состава¹.

Согласно последней переписи населения (2004 год) в Молдове, по данным Национального бюро статистики РМ, проживают: молдоване (их доля в общей численности населения составляет 75,8% и увеличилась по сравнению с 1989 годом на 5,9%), украинцы - 8,4%, русские - 5,9%, гагаузы - 4,4%, румыны - 2,2%, болгары - 1,9% и другие национальности - 1,0%².

Толерантность, национально-культурная автономия снимает главное противоречие современных национальных движений – противоречие между интересами господствующей нации, не желающей поступиться территорией своей страны, и интересами других проживающих на этой территории народов, стремящихся построить свою жизнь согласно собственным представлениям о Мире³. Национальные меньшинства обладают ограниченными ресурсами для поддержания собственной коллективной идентичности⁴. Для реальной защиты прав национальных меньшинств (в том числе и евреев) необходимо построение правового государства, т.к. только в правовом государстве права национальных меньшинств защищены в полной мере.

Республика Молдова является полиэтничным государством, основной целью национальной политики которой является создание и обеспечение действенных условий развития всех этнических общностей, в том числе и еврейского национального меньшинства. Эффективная реализация прав национальных меньшинств в современной Молдове может быть осуществлена на основе комплексного подхода и лишь правовое государство может обеспечить такой подход⁵.

¹ Костаки Г., Боршевский А. Гражданское образование как необходимая предпосылка построения толерантного общества // Закон и жизнь. 2011. № 6. С. 4-11.

² Caracteristici demografice, nationale, lingvistice, culturale. 2004 Chisinau, 2006. P. 19.

³ Нахманович В. Исторические предпосылки и перспективы возрождения восточноевропейской еврейской общины // Возрождение XXI век. 2000. № 3-4.

⁴ Немечкин В. Н. Реализация прав национальных меньшинств в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат юридических наук. Саранск, 2007. С. 2-14.

⁵ Костаки Георге. Построение правового государства – необходимая предпосылка соблюдения прав еврейского населения Молдовы // Евреи Молдовы и их вклад в развитие молдавского государства. Респ. науч. конф. Кишинэу, 2013. С. 59-60.

Статья 16 Конституции Молдовы гарантирует права национальных меньшинств: все граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения¹.

В Законе о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций отмечено, что в соответствии с международно-правовыми принципами защита национальных меньшинств и прав и свобод лиц, принадлежащих к этим меньшинствам, является неотъемлемой частью защиты прав человека².

Любое лицо, согласно ст. 2 закона, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободно выбирать, считаться ему таковым или нет.

Государство гарантирует лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на равенство перед законом и на равную защиту со стороны закона (ст. 4), право на образование на родном языке на всех уровнях обучения (ст. 6), право беспрепятственно пользоваться родным языком как в письменной, так и в устной форме, иметь доступ к информации на этом языке, распространять такую информацию и обмениваться ею (ст. 7). Нормативные акты, официальные сообщения и другая важная информация публикуются на государственном и русском языках, а в районах, получивших специальный статус автономии – на других официальных языках в соответствии с законодательством³.

Закон определяет (ст. 5), что государство обязуется содействовать созданию необходимых условий для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности лиц, принадлежащим к национальным меньшинствам.

Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право отмечать свои национальные праздники и исторические даты,

¹ Конституция Республики Молдова. Кишинев, 2013.

² Боршевский А., Боршевская Л. Права национальных меньшинств в Молдове: отечественное законодательство // Закон и жизнь. 2009. № 7. С. 40-48.

³ Закон РМ о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций № 382-XV от 19.07.2001 г. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2001. № 107.

принимать участие в совершении обрядов своих народов, использовать в частном порядке свою национальную символику¹.

Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право обращаться в публичные учреждения в устной и письменной форме на государственном или русском языках и получать ответ на языке обращения.

Закон об общественных объединениях предоставляет представителям национальных меньшинств возможность создавать этнокультурные организации для более эффективного представления, продвижения и достижения своих социальных, экономических, языковых, культурных и других интересов².

Важным механизмом для защиты прав национальных меньшинств является построение правового государства, при котором свободы граждан соблюдаются в полном объеме, имеются многочисленные механизмы по защите данных свобод. В правовом государстве существуют реальные политические, экономические и иные предпосылки для реализации прав и свобод человека и гражданина, обеспечивается их судебная защита.

Кроме того, правовое государство устанавливает равноправие граждан, равенство всех перед законом и судом.

Взаимосвязи правового государства и основных прав и свобод человека и гражданина носят объективный характер. Они вызваны реальной потребностью жизни правового государства и представляют собой взаимные связи и действия, направленные на установление, соблюдение и охрану основных прав и свобод человека и гражданина в демократическом гражданском обществе. Особенности этих взаимных связей и взаимодействий состоят в следующем: основные права и свободы человека непосредственно связаны с государством и гражданским обществом; при этом само государство является гарантом установления и соблюдения указанных основных прав и свобод; государство, будучи компонентом демократического общества, разрешает конфликты (через суд, депутатов и

¹ Боршевский А. П. Защита прав национальных меньшинств как механизм сохранения культурного наследия в Республике Молдова// Revista de etnologie și culturologie. 2007. Vol. II. P. 187-191.

² Закон РМ об общественных объединениях № 837 от 17.05.1996 г.// Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 1997. № 6.

др.), возникающие при реализации указанных прав и свобод, и в итоге оно находит согласие, гармонизирует отношения между гражданами, между последними и общественными формированиями, а также между ними и самим государством¹.

Понятие правового государства выражает связанность государства правом, прежде всего, демократической конституцией и правовыми законами, изданными на основе этой конституции.

Особую роль в этой связанности государства правом имеют общечеловеческие ценности по вопросам предоставления и гарантии прав и свобод личности.

К принципу правового государства относится институт гарантии человеческого достоинства, институты свободы и равенства как решающие гарантии, которыми связана государственная власть.

Так, в период игнорирования ценностей правового государства права еврейского населения не соблюдались в должной мере. В начале 90-х годов прошлого века в газете «Вечерний Кишинев» в статье Е. Замуры «Бессарабские евреи: что дальше? Не станет ли в скором времени это понятие достоянием истории? Будут ли жить евреи в Молдове в 2000 году?» автор отмечает, что большинство евреев не знает ни иврита, ни идиша; все чаще раздается вопрос: а будут ли жить в Молдове представители этой нации через 20, 10, через 5 лет? Не станет ли архаизмом понятие «бессарабский еврей». В Молдове они – особая категория граждан, практически исключенная из политической жизни².

Прошло около двадцати лет, в Молдове идет, пусть и недостаточно быстро, процесс построения правового государства. Постепенно происходит возрождение еврейства в Молдове³. В 1940 г. иврит был запрещен и лишь после провозглашения государственной независимости и начала процесса построения правового государства был принят Закон о функционировании языков. В этом документе декларировалось право развивать свою национальную культуру, языки идиш и иврит. И сейчас уже можно констатировать, что евреи в Мол-

¹ Антонов И. Ю. Правовое государство и основные права и свободы человека: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. С. 7-10.

² Шафир Б. Свидетель времени. Кишинев, 2008. С. 82.

³ Там же. С. 83.

дове, и, в частности, в Кишиневе, не просто живут, но живут активной жизнью¹. Еврейская жизнь возродилась, оживилась работа синагоги.

В законодательстве Республики Молдова гарантированы права национальных меньшинств. РМ присоединилась к большинству международных актов, гарантирующим права национальных меньшинств. Все это практически предоставляет евреям полную культурную автономию. И это наблюдается в реальной жизни. Религиозные общины, еврейские школы, детские сады, театры, иешивы, музыкальные ансамбли, художественные коллективы, различные фонды и институты. Евреи могут свободно уехать в Израиль и вернуться.

И это стало возможным лишь с началом построения в Молдове правового государства, в котором права национальных меньшинств закреплены законодательно и гарантируются².

Общеизвестно, что государство как суверенный, демократический, правовой институт призван защитить права и свободы личности и общества. В современных условиях в ряде стран, в том числе и в Республике Молдова, в конституциях закреплён тезис о правовом государстве: «Республика Молдова – демократическое правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются» (статья 1 Конституции Республики Молдова)³.

В XX – XXI веках проблема становления правового государства является одной из важнейших, так как правовое государство – это государство, в котором организация и деятельность власти в ее взаимоотношениях с индивидами и их объединениями основана на праве и ему соответствует. Правовое государство является одним из существенных достижений человеческой цивилизации.

¹ Истоки жизни. 2006. №9.

² Костаки Георге. Построение правового государства – необходимая предпосылка соблюдения прав еврейского населения Молдовы // Евреи Молдовы и их вклад в развитие молдавского государства. Республиканская научная конференция. Кишинэу, 2013. С. 59-66.

³ Костаки Г. Роль Конституции в защите прав и свобод личности // Гражданское образование и права человека. Национальная научно-практическая конференция. Кишинев, 2008. С. 5.

Наибольшее и непосредственное воздействие на построение молдавской государственности оказывает повышение правовой культуры и правосознания граждан. Эти категории выступают тем фокусом, в котором воздействие разнообразных экономических, социальных, политических факторов концентрируется в непосредственном поведении людей.

Нашему государству и обществу нужны новые ценности, и даже символы веры, способные оградить личность от нравственного распада и эгоцентризма, интегрировать молдавский народ, мотивировать поддержку политических реформ, уважение к государству и закону¹.

Принятие Конституции Республики Молдова, других основополагающих законодательных актов, присоединение к международным документам по правам человека является необходимым элементом становления правового государства и создания всех необходимых механизмов, обеспечивающих соблюдение прав и свобод².

Конституция устанавливает главенство ценностей: «личность» – «общество» – «государство». Личность – это свободная, сознательная, самостоятельная – составная часть гражданского общества. Гражданское общество – это самоорганизованный народ – подлинный источник и носитель всякой власти. Государство – это суверенное, демократическое, правовое – защитник интересов и прав личности и общества. В этом плане Конституция выступает как своеобразный общественный договор между гражданином, обществом и государственной властью, недаром предваряет Основной Закон короткая преамбула, суть которой – Конституцию принимает народ – полновластный хозяин страны, выражающий в ней свою волю.

Конституционное закрепление тезиса о правовом государстве – это лишь цель государства и общества, идущего по пути демократизации и либерализации рыночных отношений. Реализация и защита конституционных прав и свобод граждан (в том числе и всех национальных меньшинств), социальная защита граждан, борьба с

¹ Костаки Г. Проблемы и перспективы формирования правового государства в Республике Молдова // Закон и жизнь. 2005. № 6. С. 4-5.

² Боршевский. А. П. Основные права и свободы граждан в ведущих демократических странах мира и в Молдове. Кишинев, 2004. С. 4.

коррупцией, укрепление гражданского общества, развитие интеграции с различными странами – вот комплекс главных проблем, без решения которых невозможно дальнейшее развитие молдавской государственности. Эти и многие другие вопросы должны решаться в рамках правовой основы государства, в рамках Конституции страны и в соответствии с нормами международного права.

Не случайно, что первый раздел конституции – это свод основных принципов конституционного строя, второй раздел – это цельная и емкая система личных прав. Это политические права и свободы, экономические, социальные и культурные, в основе которых лежат Всеобщая Декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах, ряд других международных документов. Раздел о правах человека предваряет раздел о государственной власти, так как не государство дарует права, а гражданин сознательно и ответственно пользуется совокупностью неотчуждаемых прав, данных ему свободой.

Конституция РМ, как уже отмечалось, закрепляет права национальных меньшинств: все граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения¹.

Многие Конституции устанавливают принцип верховенства права, при котором на государство, все его органы и должностных лиц возлагается обязанность действовать в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Факт закрепления в Конституции принципа верховенства права означает не что иное, как обязанность правотворческих и правоприменительных органов действовать исходя из принципов равенства и справедливости.

29 ноября 2013 года Молдова парафировала Соглашение об ассоциации с Европейским союзом.

В преамбуле Соглашения об ассоциации с ЕС Молдова признана европейской страной, чья история и ценности общие с историей и ценностями государств-членов ЕС. Европейский союз приветствует

¹ Конституция Республики Молдова. Кишинев, 2010.

выбор страны, в том числе обязательство развивать устойчивую демократию. Политическая ассоциация и экономическая интеграция Молдовы в ЕС будут зависеть от достижений во внедрении Соглашения об ассоциации, а также от результатов Молдовы в обеспечении уважения к общим ценностям и в достижениях по сближению с политической, экономической и правовой областями ЕС, отмечено в тексте документа.

Данное парафирование также означает, что Молдова взяла на себя дополнительные обязательства по построению правового государства, где права каждого человека, в том числе и национальных меньшинств, гарантированы и надежно защищены.

В заключении отметим, что лишь построив правовое государство, мы добьемся того, что права всех граждан, в том числе и национальных меньшинств (евреев, украинцев, русских, гагаузов, болгар, цыган и др.) были не только гарантированы, но и реально соблюдались¹.

¹ Костаки Георге. Построение правового государства – необходимая предпосылка соблюдения прав еврейского населения Молдовы // Евреи Молдовы и их вклад в развитие молдавского государства. Республиканская научная конференция. Кишинэу, 2013. С. 59-66.

*Аниқин Владимир,
доктор хабилитат политологии,
доктор философии, конференциар*

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОЛДОВЫ И БЕССАРАБИИ (XIV – XIX вв.)

В 2014 году в нашей республике будет отмечаться 655-летие образования Молдавского государства. Бурная многовековая история Молдовы – свидетельство многотрудной судьбы молдавского народа, края, находящегося, по свидетельству летописца, «на пути всех бед». Вассальная зависимость от польской короны, турецкое нашествие, фанариотский гнет, последствия нескольких русско-турецких войн, присоединение Бессарабии к России, две мировые войны в XX веке, наконец, долгожданное обретение утерянной независимости – вот лишь основные вехи пройденного пути.

Нисколько не умаляя многих достоинств, присущих молдавскому народу, справедливости ради можно сказать, солидаризуясь с известным отечественным историком права Андреем Галбенем (ректор Международного независимого университета – ULM), что одной из главных составляющих, позволивших преодолеть поистине неисчислимыя беды и трудности, выпавшие на долю этого края, была, есть и будет «атмосфера этнической терпимости, уважения и взаимного понимания между людьми разных национальностей, характерная для нашей страны, – явление историческое, признак высоких нравственных качеств народного большинства. Так было с начала начал земли Молдавской...».

Отечественные летописцы упоминают много народов, живущих в нашем крае вместе с молдаванами, которые трудились и защищали в единстве с коренными жителями страны стародавние рубежи молдавского государства. В Кишиневе долго сохранялись старинные названия улиц: Арнаутская, Еврейская, Греческая; еще остались Армянская и Болгарская. В недавние годы одной из улиц присвоено название «Романэ» (Цыганская).

Известно, что дружеским расположением к «иноверцам» и «инородцам» отличались самые выдающиеся среди молдавских господарей. Александр Добрый (1401–1433 гг.) приютил в своей вотчине многочисленные общины чехов-гуситов, спасавшихся от преследований со стороны католических властей Богемии. В годы его правления и позднее жили, занимались ремеслами и торговлей греки, венецианцы, генуэзцы, немцы, русские, поляки и многие другие «инородцы». Документ от 1574 г. устанавливает факт проживания евреев в Молдове еще в правление Романа I (1391–1394 гг.) и упомянутого Александра Доброго. Считается, что первыми носителями еврейской культуры в Молдове являлись немногочисленные сефарды – потомки евреев средневековой Испании и Португалии, пришедшие в Молдавское княжество с Балкан, из Турции и Крыма в XIV–XV столетиях. Оба названных правителя дали евреям хризуллы (по-греч. букв. «золотая печать», тип византийских грамот), предоставлявшие им право повсеместного жительствова, а также некоторые другие льготы.

Исторические хроники свидетельствуют, что в правление самого известного молдавского господаря – Штефана Великого (1457–1504 гг.) «в Сучаве, тогдашней столице Молдовы, были евреи, торговавшие рогатым скотом. У Стефана при дворе был, в качестве интенданта, еврей Исаак бен Вениамин Шор, который был возведен в звание логофета (этот факт отражен в Еврейской энциклопедии).

Документы также повествуют, что население Молдавии, особенно ее восточной части (в междуречье Прута и Днестра), долгое время оставалось незначительным. Защита рубежей молодого государства и хозяйственное развитие края требовали его заселения не только коренными жителями, но и «инородцами» и «иноверцами».

Население страны состояло главным образом из молдаван. Кроме них повсюду, особенно на севере, проживали руснаки, или малороссы. По всей стране были рассеяны цыгане и татары.

Пеструю многонациональную картину современной ему Молдавии отразил в своем известном труде «Описание Молдавии» господарь Дмитрий Кантемир (1673–1723 гг.): «... вряд ли в каком другом государстве, заключенном в столь тесных границах, как Молдавия, живет столько разных народностей. Кроме молдаван, большинство которых пришло из Марамуреша, его населяют греки, ал-

банцы, сербы, болгары, поляки, казаки (читай: украинцы – В. А.), русские, венгры, германцы, армяне, евреи и плодовитые цыгане. Греки, албанцы, сербы и болгары живут свободно и занимаются здесь отчасти торговлей, отчасти служат в войске господаря на жаловании. Германцев, поляков и казаков немного, и они бывают либо воинами, либо слугами при дворе; некоторые из поляков нередко достигают даже боярского звания, армяне считаются подданными господаря и платят ему те же налоги, что и остальные граждане и торговцы в других городах и местечках Молдавии, наравне с католиками имеют свои церкви, достаточно большие и не менее богато украшенные, чем православные храмы, где свободно исполняют свои обряды, евреи также рассматриваются как подданные государства и должны платить ежегодно денежный налог, но более высокий, чем обычно; кроме торговли и шинкарства ничем другим не занимаются...».

Именно евреи, преимущественно занимавшиеся торговлей и ремеслом, расселялись в городах и крупных населенных пунктах. Основу ашкеназско-еврейской культуры заложили мигранты из Польши и Германии, массовый приток которых начался в первые десятилетия XVI века.

Разумеется, отношение господарской власти к представителям «инородцев» и «иноверцев», проживающих в Молдавском княжестве, не всегда бывало доброжелательным. Например, господарь Стефан Молодой при заселении страны жителями Галиции (преимущественно из Львова) отдавал предпочтение христианам, даруя им всевозможные льготы. При Петре Рареше уже начались правовые ограничения евреев, у которых, как и у армян, стали отбирать лошадей. В 1579 году господарь Петр Хромой изгнал евреев из Молдавии, однако изгнание это было непродолжительным. Во всяком случае, как указывается в Еврейской энциклопедии, при Стефане Томше II (1612 г.) они снова стали селиться в стране. Сообщается также, что, хотя господарь Иммануил-Арон вступил на молдавский престол при сильной поддержке со стороны турецкого дипломата-еврея Соломона Ашкенази и, как многие утверждают, сам был еврейского происхождения, он был жесток к евреям.

Некоторые ограничения в отношении евреев ввел господарь Василий Лупу, однако в целом он относился к ним благосклонно. В

середине XVII столетия часть евреев вынуждена была эмигрировать из Молдавии в связи с участвовавшими под влиянием казацкой вольницы, в том числе и воинства под водительством сына Богдана Хмельницкого, случаев физического насилия и грабежа. Практически в этот самый период, наряду с эмиграцией, происходит расселение евреев «во многих местах Молдавии, где их раньше совершенно не было». В это же время начинается организация евреев в общины, во главе которых стоял назначаемый господарем хахам-баша (в Танахе – человек, обладающий ученостью, а также мудростью). Последний, понятно, пользовался большими привилегиями. Хотя функции хахам-баши были скорее светского, чем религиозного характера, но в большинстве случаев он назначался из числа пользовавшихся известностью раввинов. Под властью хахам-баши находились его помощники, возглавлявшие отдельную сколько-нибудь значительную общину. По рекомендации хахам-баши господа назначали нотаблей (авторитетнейшие члены особого рода собраний).

В этот период численность евреев в Молдавском княжестве заметно возрастала. По свидетельству немецкого исследователя Зульцера, в середине XVIII века в княжестве не было ни одного города и значительного местечка, где не существовало бы еврейской общины. Перепись 1803 года засвидетельствовала, что евреи жили во всех 24 молдавских городах, а также во многих местечках и селах. Характерно, что значительное число евреев считались *rămînteni*, от земли, т. е. *коренными* и пользовались значительными привилегиями. Указанная перепись установила четыре тысячи евреев – плательщиков налогов. По существовавшим в Молдавском княжестве законам и обычаям, крещеные евреи освобождались лично навсегда от уплаты податей и отправления повинностей (закон 28 ноября 1830 года заменил эту пожизненную льготу трехлетней).

Сохранившиеся архивные данные свидетельствуют, что в начале XIX столетия численность еврейского населения благодаря промышленному оживлению страны неуклонно возрастала, особенно в северной части княжества, а также в крупных городах. К 1859 году в Молдавском княжестве насчитывалось 118 922 еврея, что составляло 9,8% всего населения. Значительное число евреев в основном

проживали в городах: Яссах (36,3 тыс.), Ботошанах (21,2 тыс.), Нямце (9,3 тыс.), Сучаве (8,5 тыс.), Бакэу (7,3 тыс.) и др.

В упомянутой выше книге господаря Дмитрия Кантемира сообщаются некоторые подробности ущемления «иноверцев» и «иностранцев»: «... русские и венгры в Молдавии обречены на постоянную неволю», «...нет почти ни одного боярина, который бы не владел несколькими цыганскими семьями...»; «евреи... могут иметь свои деревянные синагоги, но не каменные»; туркам, занимающимся торговлей в Яссах и других городах, «не дозволено покупать землю в собственность или дома в каком-нибудь городе или селе. В особенности им запрещено строить храмы или совершать публично моления по их иноверным верованиям...».

Объективности ради следует отметить, что во время правления отдельных господарей-фанариотов (Григорий Гика, Николай Маврокардат) всячески ущемлялись и права представителей коренного населения – молдаван (бояр, служивых людей и др.). К примеру, известный молдавский летописец Ион Некулче даже обвинял господаря Григория Гику в том, что «местные бояре никуда пробиться не могли, все доходные должности были захвачены греками».

После присоединения части Молдавского княжества (т.н. Бессарабии) к России (1812 г.) территория Пруто-днестровского междуречья, получившая статус области, значительно «потерялась» в количественном отношении: этот край был слабо населен и, кроме того, уступал запрутской Молдове и по полиэтническому составу населения. Однако это отставание было недолгим. Южная часть края, так называемый Буджак, стал усиленно наводняться колонистами – «задунайскими переселенцами» (болгарами, гагаузами, греками), а также немцами, французами и представителями других народностей. В северную, восточную и центральную часть края, на свободные земли целенаправленно переселялись жители ряда центральных, а также соседних с Бессарабией губерний, особенно Подольской, Волынской, Херсонской и др.

В результате, за счет переселенцев и естественного прироста, за какие-нибудь два десятилетия население Бессарабии более чем удвоилось. По-прежнему интернациональными и поистине стремительно развивающимися по количеству жителей оставались города. Так, уже в 1818 году в главном городе области – Кишиневе по пе-

реписи было установлено, что здесь проживало 30% молдаван, до 30 процентов евреев, 20% болгар, 7% русских, 3% армян, 3% цыган, 2% сербов, один процент греков, 0,6 процента немцев. Возрастанию еврейского населения в Бессарабии, конечно же, способствовало включение края в черту оседлости, переселенческое движение и естественный прирост. По переписи 1847 года в области насчитывалось 20 232 еврея и 5751 еврейское семейство.

На протяжении всего XIX столетия основу национального состава практически всех двенадцати городов Бессарабии составляли представители молдавской, еврейской, русской, украинской и болгарской народностей. Разумеется, в этих городах проживали и армяне, греки, поляки, цыгане и др., но в гораздо меньшем количестве. Сравнительный анализ статистических данных за 1844 и 1862 годы показывает, что в процентном отношении численность еврейского населения в ряде крупных городов соответственно выглядела следующим образом: в Хотине – 37,6 и 44,5%, Бельцах – 37,4 и 55,0%, Кишиневе – 30,1 и 24,6%, Сороках – 27,8 и 51,7, Оргееве – 21,3 и 61,8, Бендерах – 9,5 и 21,8%. Правда, в городах южной части края – Аккермане, Измаиле, Килии и Рени процент еврейского населения был гораздо ниже. При этом отметим, что итоги первой всеобщей переписи населения России 1897 г. засвидетельствовали значительный рост еврейского населения практически во всех городах: в Хотине до 50,0%, Бельцах до 55%, Кишиневе до 45,0%, Сороках до 57,0%, Оргееве до 58,0%, Бендерах до 34,0%, Килии до 17,0%, Рени до 10,5%. Причем евреи поселились даже в тех городах, где им жить не разрешалось: например, в приграничном Кагуле, а также в Болграде (9,8%).

Особо надо сказать о таком социально-территориальном явлении, каким являются местечки (разрешение на преобразование селений в местечки последовало в 1838 году). Не будет преувеличением утверждать, что многие рядовые молдавские села, в которых поселились евреи, со временем превратились в большие селения городского типа с довольно развитой для своего времени инфраструктурой. Уже в конце XIX столетия только в одном Хотинском уезде еврейские общины преобладали в местечках Атаки, Бричаны, Единцы, Липканы, Новоселица и Секуряны. Немало евреев проживало в селениях Болбока, Волошково, Клишковцы, Непоротово и др.

Всего же в Хотинском уезде насчитывалось около 48 тысяч евреев (19,2% к общему числу населения). В самом Хотине, наряду с синагогой и шестнадцатью еврейскими молитвенными домами, действовали три православных церкви, одна католическая часовня, армяно-григорианская церковь – настоящий конфессиональный интернационал. Такая же картина была характерной и для густо населенных евреями Бельцкого, Кишиневского, Оргеевского и Сорокского уездов. Преобладающими общинами большинства крупных местечек края являлись молдавская и еврейская. К началу XX столетия в среднем по губернии городское еврейское население занимало вторую позицию вслед за «великороссами» и составляло 37,2 процента всех горожан. Преобладающим оно было в Бельцах (55,9%), Оргееве (59,5%), Сороках (57,4%), Хотине (50,1%).

Остановимся на роде занятий еврейского населения Бессарабии, определяющем его социальный статус. Как известно, «Устав образования Бессарабской области» 1818 года выделил евреев в особое «состояние», согласно которому они должны были вступить в одно из сословий: «купеческое, мещанское или земледельческое, уплачивая подати и повинности наравне с прочим населением»; евреи были исключены из категории лиц, пользовавшихся правом государственной службы (наряду с цыганами). В 1842 году евреям было запрещено брать на откуп у помещиков и «резешей» земли, обрабатываемые свободными поселянами. Правда, в последующие годы некоторые жестокие ограничения для евреев были несколько смягчены.

Преимущественно сельскохозяйственный характер экономического развития края, сложившиеся жилищно-бытовые условия диктуют бессарабским евреям род занятий для обеспечения собственного существования. В первую очередь отметим ремесленничество. Уже в 1813 году гражданский губернатор, согласно ходатайству кишиневских ремесленников, утверждает шесть «вечных» еврейских ремесленных цехов: портняжный, столярный, плотницкий, каменщиков, стекольщиков и кожевников (впоследствии их стало девять). В дальнейшем наблюдалась расширенная специализация и рост численности ремесленников. Например, в 1852 году их число возросло в 3,5 раза и достигло 5554. Согласно Всероссийской переписи 1897 года, каждый четвертый взрослый еврейский мужчина

являлся ремесленником. Из их числа пошивом одежды и обуви занимались около 43%, изготовлением изделий из кожи – 15%, деревообработкой – 10%, производством продуктов питания – 8%, металлообработкой – 6%, строительным и керамическим ремеслом – 6,2% и т. д.

Завидную активность деловые люди из евреев проявляли в откупе (система сборов налогов и других государственных доходов по согласованным между государством и откупщиком так называемым «кондициям» (правилам) в немалой степени способствовавшем накоплению у откупщиков первоначального капитала для последующей предпринимательской деятельности. Заметен их вклад в развитие мануфактуры, в становление фабрично-заводской промышленности, в частности в развитие свечной, мыловаренной, мукомольно-крупяной, пивоваренной, винодельческой, коньячной, деревообделочной, табачной и других отраслей. Все это способствовало укреплению рыночных отношений и становлению товарно-капиталистического способа производства в крае. Именно представителям еврейских деловых кругов принадлежала ведущая роль в организации производств, базирующихся на обработке местного сырья – шерсти, кож и сала, продуктов сельского хозяйства, а также производства строительных материалов (в частности сырого и жженого кирпича).

Преимущественное положение в крае занимали евреи и в торговле. Это почему-то раздражало начальствующих лиц. Между тем, по закону рынка, кто-то же должен был заниматься посредничеством между производителем продукции и потребителем. Еще господарь Дмитрий Кантемир сетовал на нежелание коренного населения заниматься торговлей: «...редко среди молдаван бывают торговцы, ибо им присуща гордость или отсутствие предприимчивости, и они считают, что всякого рода торговля недостойна их, за исключением продажи плодов земли, собранных в своих владениях». Господарь приводил в пример «торговцев иностранного происхождения» – турок, евреев, армян. Евреев заниматься торговлей по большей части заставляла нужда. С цифрами в руках (по данным переписи 1897 года) можно смело сказать, что 43% еврейского населения Бессарабии «кормились» именно торговлей. Почти половину ее объема составлял сбыт зернового хлеба и продуктов сель-

ского хозяйства, затем скота (около 20%), мелкая торговля (7%), торговля тканями и одеждой, или «платьем» (3,5%), изделиями обработки дерева (3%) и т. д. В «питейной торговле» было занято около двух тысяч человек. И вообще, цвет и силу бессарабского купечества на две трети составляли евреи.

В обрабатывающей и добывающей (соль, камень-известняк, песок) отраслях промышленности доля еврейского населения составляла соответственно 23 и 8%. Предметом повседневных занятий евреев была и частная служба (рабочие, прислуга, поденщики). Немалое число евреев занималось извозным промыслом. Свыше тысячи отбывали воинскую службу. Кстати, евреи не чурались и самой «грязной» работы (трубочисты, ассенизаторы). Наконец, частная юридическая, врачебная и санитарная, учебная и воспитательная деятельность, работа в кредитных и коммерческих учреждениях – вот далеко не полный перечень занятий бессарабских евреев.

Александрены и Згурица, Капрешты и Маркулешты, Домбровены и Бричева, Валя-луй-Влад и Вертюжаны, Люблин и один из лучших на всем Юго-западе Российской империи плодово-ягодный питомник Еврейского колонизационного общества близ Сорок... Эти дорогие для многих, воспетые даже в поэмах и в сердечных воспоминаниях названия – славный результат рачительного и вдумчивого хозяйствования евреев на ставшей для них на века родной бессарабской земле. Вопреки досужим суждениям о якобы неспособности евреев к занятиям земледелием, купленные и взятые в аренду (в конце 30-х – начале 50-х годов XIX в.) сельскохозяйственные колонии стали во многом образцовыми хозяйствами, населенными зажиточными, грамотными и жизнерадостными людьми. И это происходило в условиях, когда обустройство колонистов, начиная со строительства домов и до приобретения необходимых сельхозорудий и инвентаря, осуществлялось за собственный счет и своими силами. Занимаясь хлебопашеством, колонисты выращивали озимую и яровую пшеницу, ячмень, кукурузу, просо, горох и фасоль, заводили крупный и мелкий домашний скот. В конце XIX столетия земледелием (главным образом в Сорокском, Оргеевском и Бельцком уездах) было занято свыше 16 тыс. человек, или 7,1% всего еврейского населения. Кроме того, несколько тысяч занимались садоводством, табаководством и виноградарством.

Упоминаемая выше перепись 1897 года отражает интересные тенденции, связанные, в частности, с уровнем владения жителями края, помимо родного, и другими языками. Во многих уездах на первых местах в абсолютных цифрах – как в позиции «грамотных по-русски», так и по знанию других языков – находятся представители сначала еврейского, затем молдавского и далее – польского обществ.

Оправдывая свое историческое призвание «народа Книги», бессарабские евреи ревниво овладевали знаниями, делали все от них зависящее для обеспечения достойного образования своих чад. Практически во всех населенных пунктах, где проживали евреи, действовали как платные хедеры («народные вероисповедальные школы»), так и общественные (бесплатные) талмуд-торы. Благодаря этому евреи в широкой массе своей оставались грамотными и сохранили приверженность к родной вере. В большинстве крупных населенных пунктов действовали частные училища. Пользуясь, опять-таки, данными переписи 1897 года, можно прийти к выводу, что грамотность мужчин среди иудеев составляла 49,6%, а женщин – 24,3%.

Это был третий показатель по грамотности после представителей протестантского и римско-католического вероисповедания. Заметный процент составляли еврейские юноши и девушки в ведущих гимназиях края. Так, в 1878 году каждый четвертый учащийся старшей в крае Кишиневской 1-й мужской гимназии являлся евреем. Всего за 75 лет своего существования (1833–1908 гг.) в этом весьма престижном для своего времени учебном заведении полное и неполное классическое гимназическое образование получили 2350 еврейских юношей, или 39,43% от общего числа обучившихся. С 1871 по 1918 годы 161 юноша окончили Кишиневскую 2-ю мужскую гимназию. За двадцать пять лет своего существования (1873–1898 гг.) свидетельство об окончании Кишиневского реального училища получили 65 еврейских юношей (23,13% от всего состава выпускников). Немалое число выпускников названных учебных заведений продолжили учебу в престижных высших и средних учебных заведениях России и Западной Европы, зарекомендовав себя на родине хорошими специалистами в области здравоохранения, на инженерном и врачебном поприщах, в области юриспруденции, в

финансово-банковском деле и других сферах. В женских гимназиях и профессиональных училищах обучались и еврейские девушки.

Начиная со второй половины XIX в. еврейское население Бессарабской губернии возрастало за счет естественного прироста: еврейские семьи, как правило, были многодетными. Перепись 1897 г. зафиксировала 228,5 тысячи евреев (11,8% всего населения губернии). Почти половина из них проживали в городах. По своей численности евреи уступали лишь молдаванам и украинцам (малороссам). В дальнейшем темпы роста еврейского населения замедлились (сказались ухудшавшаяся экономическая ситуация, погромы и связанная с этим эмиграция, другие факторы).

Евреи не затерялись среди живущих на «земле Молдавской» народов. Более того, несмотря на чинимые в разное время властями преграды, они сумели внести заметный вклад в хозяйственное, культурное и духовное развитие края. «Благословенны препятствия – ими мы растем!», как сказал один еврейский мудрец.

Библиография

1. Еврейская энциклопедия. Т. IV. Москва, 1991. С. 372-391 (репринтное издание).
2. Еврейская энциклопедия. Т. XI. Москва, 1991. С. 217-218 (репринтное издание).
3. Кантемир Дмитрий. Описание Молдавии: Историческое, географическое и политическое описание Молдавии. Кишинев, 1973.
4. Лашков Н. В. Кишиневская областная, впоследствии губернская, ныне первая гимназия (1833- 1908 гг.). Кишинев, 1908.
5. Галбен А. Во имя нашего единства // Независимая Молдова. 2001. 31 января.
6. Аникин Владимир. Этническая терпимость как историческое явление: уроки Молдовы // Наукові записки. Киев, Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2010. № 2(46). С. 245-258.
7. Кокырла П. С. Социально-экономическое развитие молдавского города в конце XVII – нач. XIX в. Кишинев, 1989.

*Болученкова Анна,
доктор истории, конференциар*

РАЙСА КЕЛЬМАНОВНА ВОЛОДАРСКАЯ – ПЕДАГОГ-МАСТЕР, ПЕДАГОГ-НОВАТОР

Профессия учителя – самая древняя на земле. Упоминание о воспитателе мы встречаем с тех пор, как только человек стал способен фиксировать и сохранять информацию. Без способности передавать свой человеческий опыт мы не можем состояться в социуме. Он помогает нам формироваться и становиться личностью. Главной фигурой в этом непростом процессе становится учитель. Можно сказать, что в это мы вкладываем следующий смысл: учитель – это лицо, которое обучает чему-либо, преподаватель.

Учитель – одна из тех редких профессий, где личность педагога, его опыт, характер, мировоззрение являются инструментом профессиональной деятельности¹. За этим определением стоит сущностная характеристика его профессиональных качеств. Существенно важно, чтобы эти качества были в полной мере сформированы у каждого педагога. Когда все это присутствует в деятельности воспитателя-наставника, то о нем можно сказать, что это человек с большой буквы. Почему именно в первую очередь «человек» и его гуманистическая направленность? На этот вопрос хорошо ответил в свое время великий чешский педагог Я. А. Коменский который обозначил его как человека, выдающегося своей нравственностью, ему вторит немецкий педагог А. Дистервег: «Идея, которой служит учитель, состоит в насаждении нравственности в роде человеческом»².

Истинное назначение учителя – возвращать человеческое, культивировать ту духовность, которая характеризует человеческое общество в отличие от всего другого животного мира. Профессия учителя является основополагающей в нашем мире, потому что она

¹ Наумчик В. Н. Педагогический словарь. Минск, 2006. С. 255.

² Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах / Сост. В. Н. Назаров. М., 1989. С. 462.

воспроизводит все человеческое сообщество во всех проявлениях и гарантирует будущее развитие во всем его многообразии.

С первых минут соприкосновения с миром ребенок подражает, копирует и упражняется, проигрывает те функции, которые помогают ему освоить взрослый мир взрослого человека. Вот почему необходимо всегда на пути взросления иметь перед собой достойные образцы человеческого сообщества. Учитель-воспитатель – это центральная, главная фигура такого идеала, образца, эталона. Вначале неосознанно, а потом целенаправленно личность формируется в зависимости от этих образцов человеческого мира. Вот почему в нашей памяти навсегда на подсознательном и осознанном уровне живут и «вмешиваются» в нашу судьбу наставники, руководя нашими помыслами и поступками. И это нетехнические устройства, машины, масс-медиа, а живые люди. Уже тысячелетиями такое живое участие подтверждает хорошо известную аксиому педагогической науки: «личность воспитывается личностью». Еще в XIX веке великий русский педагог К. Д. Ушинский писал по этому поводу в статье «Три элемента школы»: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм, как бы хорошо он ни был продуман, не может заменить личности в деле воспитания... Без личного непосредственного влияния воспитателя на воспитанника истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно. Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер»¹.

Такие прекрасные педагоги всегда встречались на нашем пути и всей своей жизнью оправдывали свое великое и благородное предназначение. Имя Раисы Кельмановны Володарской вот уже 59 лет значится на педагогическом поприще Молдовы. Она родилась 23 ноября 1936 г. в селе Каушаны в Молдавии. Начинала свою педагогическую деятельность в 1954 году и весь ее жизненный путь – это постепенное освоение всех ступеней профессионального роста учителя. Они включают в себя такие уровни как – педагогическая умелость, мастерство, творчество и новаторство. Сейчас ей подвластно

¹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т.2. М.-Л., 1948. С. 63, 64.

все, что определяет эффективность ее социально-культурной деятельности. Все основные стороны ее деятельности направлены на создание, освоение, сохранение, распространение и развитие ценностей культуры. Делает она это она это мастерски, в этом ей помогает ее замечательный школьный предмет – русский язык и литература.

Эта специфическая школьная дисциплина, которая имеет вектором освоения – человековедческую направленность, познание и оценивание поведения, а следовательно учит нас нравственному поведению. Через анализ многообразных поступков героев литературных произведений мы формируем ценностные ориентиры личности. Вся деятельность учителя этой дисциплины состоит в том, что она организует своих воспитанников на осмысление и оценку ими социальных значений, процессов, объектов окружающей действительности и формировании в этой связи их личностных смыслов. Поскольку личностный смысл есть отражение свободы личности в ее оценках, привязанностях, симпатиях и антипатиях, то назначение ценностно-ориентационной деятельности заключается в формировании интеллектуально-нравственной свободы личности, т.е. в развитии ее как субъекта познания, труда, общения – полноправного гражданина общества. Образно этот процесс можно представить как работу души, сердца и разума в их единстве. Именно в предмете литература мы находим возможность сформировать у учащихся адекватное отношение к обществу, коллективу, человеку как высшей ценности, природе, науке, религии, искусству. Каждый из этих объектов осмысления и оценивания в конкретном преломлении содержания литературных произведений дает массу действительных ценностей (мир, дружба, семья, мать, отец, Родина и ее защита, здоровье, труд, совесть, индивидуальность и т.д.).

Такая деятельность учителя литературы протекает в период любого взаимодействия с воспитанниками, поэтому можно говорить, что она организовано и не организовано осуществляется повсюду и даже помимо участия сознания, т.е. на бессознательном, интуитивно-эмоциональном уровне. И здесь мы сталкиваемся с явлением культуры педагогического труда. В ней выражается совокупная характеристика его квалификации, которая затрагивает сознательное и бессознательное в его личности. Для нас особенно важно

увидеть следующее в его характеристике: сформированность профессионально-педагогической направленности; научно-педагогическое мышление; культура общения и поведения учителя; педагогический опыт; потребность в самообразовании; индивидуальное творчество учителя; его исполнительские качества¹.

Все эти черты присутствуют в образе Р. К. Володарской, они были сформированы с первых лет ее осознанной жизни. Уже в далеком 1944 г. в Казахстане мама ее напутствовала: «Запомни на всю жизнь: для того чтоб тебя никто не мог унижить и обидеть, будь всегда лучше всех». И вот уже на следующий день после беседы с мамой она лучше всех написала в классе букву «Т» и учительница во всеуслышание отметила это. Быть отличницей, проявлять себя только с лучшей стороны, основательно и ответственно относиться к делу – это стало лейтмотивом всей ее последующей жизни.

Маленькая Раиса всегда представляла себя в роли учительницы, она ежедневно играла в школу со всеми ее атрибутами, она как бы проигрывала те социальные роли, которые определяют облик учителя-мастера, высококлассного специалиста, человека с большой буквы. Все дальнейшие способности она формировала сначала эмпирически как пионерская вожатая и учительница математики в молдавской школе села Зубрешты Страшенского района, а затем как выпускница Кишиневского государственного педагогического института им. И. Крянгэ. С первых минут своего педагогического поприща она стала организатором учебно-познавательной деятельности детей на уроках и всех видов развивающей деятельности в качестве пионерской вожатой, организатора внеклассной работы. Раиса Кельмановна никогда не была «урокодателем», она всегда была «инженером» человеческих душ, в ее облике дети видели заинтересованного старшего товарища, помощника, мудрого взрослого, которому можно доверять, делиться теми проблемами, о которых неудобно говорить с родителями и близкими. Она никогда не считалась с личным временем. Рабочий день заканчивался только тогда, когда она выполняла все запланированное и необходимое, это был ненормированный график работы и он определялся интересами ее любимых и таких разных воспитанников. Она просто всегда очень любила человека как такового, была искренней с каждым,

¹ Наумчик В. Н. Педагогический словарь. Минск, 2006. С. 255.

умела понимать внутренний мир и находить адекватные меры воздействия, т.е. направлять любую ситуацию в позитивное русло, создавать ситуацию успеха и вселять уверенность в своих учеников. Все это развивало достоинство и целеустремленность ее воспитанников. И вот уже в их письмах и сочинениях мы читаем: «благодаря вам нам не страшно выходить на большую, неизведанную дорогу в жизнь, потому что вы научили нас любить людей такими, какие они есть, выбирать главное в жизни, и я думаю, что с этими навыками мы не потеряемся в жизненном омуте и найдем свою звездочку. Я благодарю за все, что вы для меня лично сделали, я никогда не забуду ваши уроки литературы, вашу заботу о нас, ваши добрые глаза полные любви к нам, вашу улыбку» (Женя Мизяковская).

Раисе Кельмановне Володарской удавалось формировать и достойные нравственные ориентиры, которые помогли ее воспитанникам определять свою цель, свое счастье. Именно уроки литературы и собственная позиция педагога-мастера сформировали у Скурту Дмитрия его представление о счастье. Он хорошо запомнил и высказывание великого русского писателя Л. Н. Толстого об этом: «Счастье есть совпадение линии жизни с линией идеала». В своем последнем сочинении на уроке литературы он сформулировал эту важнейшую нравственную категорию следующим образом: «Счастье должно сопутствовать каждому, кто готов к нему, кто нравственно превзошел самого себя, кто не живет за счет других.., судьба человека это то, что он смог сделать в жизни, что совершил, что превзошел, от чего воздержался, кому помог».

Другая ее ученица отмечает гуманистическую основу всего мировоззрения гражданина нашей планеты, того, что объединяете все человеческое сообщество и помогает ему уважать человека как высшую ценность на земле. Ее позиция ярко отразила мысли немецкого педагога А. Дестервега, который выступил с идеей общечеловеческого воспитания. Любовь к человечеству и своему народу должна развиваться у людей в теснейшем единстве. «Человек – мое имя, немец мое прозвище», - говорил А. Дестервег¹. И вот уже после замечательных уроков литературы и убежденной личности самого педагога-наставника у юной ученицы рождаются строки: «В чело-

¹ Константинов Н. А. Учебник для студентов педагогических институтов. М., 1982. С. 87.

веке надо видеть всегда и прежде всего человека; человек – его первое имя кем бы он ни был. В человеке надо воспитывать человека. И для того, что бы это делать успешно, надо до глубины сердца любить людей, любить жизнь».

Ученики Володарской Р. К. – это в последствии трудолюбивые, прилежные, целеустремленные люди. Собственным примером, организацией их деятельности, требовательностью и совестью она сформировала и отношение к основополагающей человеческой ценности – трудолюбию. Ее ученики, казалось, мыслили с древнегреческим философом Платоном в едином русле. «Трудолюбие, – писал он, – это безупречная способность и добровольная склонность к труду». Именно так стала понимать его выпускница 10-го класса. Она восприняла его как самую большую радость и важную составляющую человеческого существования: «Мне кажется, что счастье – это работа для всех людей».

Володарская Р. К. всегда выходила за рамки чисто филологической науки. Она находила подтверждение, аргументацию знаниям в своем предмете и в связи с другими составляющими духовной культуры человека. Дидактический принцип наглядности, как золотого правила дидактики, она смело и широко вводила в школьную действительность, в структуру урока. Общеизвестно, что урок – это центр, вокруг которого вращаются и к которому возвращаются все мысли и действия учителя. Именно урок является тем основным звеном образовательного пространства, в котором «как солнце в капле воды, отражаются все его стороны. Если не все, то значительная часть педагогики концентрируется на уроке»¹.

Ученые подсчитали, что за весь свой педагогический стаж учитель в среднем дает более 25 тысяч уроков, учитывая, что Раиса Кельмановна в два раза превысила срок своей профессиональной деятельности и трудится на педагогическом поприще 59 лет, то можно сказать, что на ее счету более 50 тысяч проведенных уроков.

Что же является особенностью ее уроков? Прежде всего, самое характерное – творческое отношение к его проведению. Он составляет подбор содержания организацию на процесс усвоения, постоянный и многоплановый отбор средств обучения. Обязательная подготовка к уроку всегда включает в себя постоянное чтение

¹ Скаткин М. Н. Совершенствование процесса обучения. М., 1971. С. 149.

учебников по предмету, книги психолого-педагогического и методического характера, просмотр комплектов методических журналов, статей. В арсенале замечательного педагога библиографическая картотека, конспекты, планы, проекты, записи уроков других учителей. Помогает учительнице огромная библиотека художественной литературы, книги из смежных человековедческих дисциплин, кинофильмы, картины, музыкальные собрания. Каждый этап урока у нее строго продуман, подчинен основной дидактической цели и обязательно сопровождается средствами, которые создают эмоционально-интеллектуальный фон урока.

Володарская Р. К. умеет формировать у воспитанников определенное личностное отношение к изучаемому. Психологи считают положительные эмоции могучими побудителями и вдохновителями человеческой деятельности. Именно человеческая эмоция побуждает искать истину. Это хорошо знает мастер-педагог. Она умеет поддержать ее различными способами. На уроках педагога постоянно присутствует интересная информация в содержании изучаемого и дополнительного материала; она использует на уроке сведения о разных событиях, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся людей; умело включает учащихся в интересную для них творческую работу; умеет эмоционально выразить свое отношение к учебному материалу. Самое главное в ее повседневных буднях – это вовлечение воспитанников в общий труд учения, умение вызвать у них радостное чувство успеха, движение вперед, развития. Талантливый педагог понимает внутренний мир своего ученика, потому что снимает чувство страха на уроке, делает его раскованным, свободным, вселяет уверенность в собственные силы, она видит в каждом полноценного и способного к творчеству человека. Раиса Кельмановна стала для своих учеников нечто большим, чем учитель-наставник, она стала для них родным человеком. И вот уже в сочинениях, которые подводят итоги ее кропотливой работы ребята признаются: «Наша дорогая, обожаемая, уважаемая, классная, прекрасная мама! Я вас очень люблю! Я рада, что перешла в эту школу. Вы самая настоящая школьная мама! Вы всегда отзывчивы, внимательны к нам. Жаль, что наша школьная жизнь уже закончилась. Но я надеюсь, что мы встретимся, и еще не раз... Я всегда буду любить вас и помнить».

Поистине Володарская Р. К. обладает особой чувствительностью при формировании умений обучаемого. Это проявляется в том, что она ищет и находит в каждом его ответе что-то положительное, особенное и примечательное. Педагог понимает, что каждый обучаемый – это неповторимая индивидуальность. И это своеобразие ярко проявилось в личностях ее лучших выпускников. Вот их имена: Татьяна Вояковская, Алик Экдишман, Анна Болученкова (выпуск 1976 г.); Любовь Яровая, Оксана Андриевская (выпуск 1989 г.); Ирина Назарко, Ирина Чумаченко (выпуск 1996 г.); Евгения Мизяковская, Алла Петкова, Ксения Новикова (выпуск 2000 г.).

Раису Кельмановну всегда отличает особая душевная чуткость, она умеет ставить своих воспитанников в ответственное положение не с помощью окрика, приказа или морализации, а с помощью веры в успех. Она воплощает в себе основные качества педагога с большой буквы, а это – чувствительность, деликатность, юмор, проявление интуиции. Все что накопила она в средней образовательной школе она перенесла и преломила через новую задачу – преподавание в еврейской школе №15 «Хабад-Любавич», которая несет свет еврейской культуры и усвоение национальных традиций.

Здесь уже начался новый этап ее жизни. Необходимо было разработать программу по еврейской литературе. А это означало новый подход к отбору и содержанию научной информации по предмету. Возникла проблема ее количественного содержания, классификации. Встал вопрос о критерии отбора тех персоналий, которые внесли свой вклад в развитие еврейской культуры. Общеизвестно, что многие русские по национальности писатели создавали произведения на еврейскую тему (Барто, Заходер, Маршак, Светлов, Квитко), а в советских энциклопедиях названы русскими писателями.

Очень опытный учитель, она уже овладела к этому времени исследовательско-творческим видом педагогической деятельности. Новое выходило за рамки известных теоретических положений и это потребовало новых оснований, определенной «иерархии», чтобы логично выстроить программу и дать студентам полное, объективное и хронологически выверенное представление о еврейской литературе.

«По словам Раисы Кельмановны, работая над программой, она чувствовала, что душа ее наполняется гордостью за свой народ, давший миру многие удивительные таланты и имена»¹.

Особый вклад Володарской Р. К. в популяризацию поэтического наследия Рахили Баумволь, которую называют «еврейской Ахматовой». В 1957 г. в начале хрущевской «оттепели» имя и стихи Баумволь вернулись из небытия. И по сей день Раиса Кельмановна выступает с лекциями о творчестве поэтессы, открывая для граждан Молдовы имя замечательной представительницы еврейского народа.

Володарская Р. К. обладает основополагающим критерием педагога – умение «заразить своей личностью», или умением вызвать любовь к себе. Это выражается в том, что даже неспособные к данному предмету ученики любят и с удовольствием выполняют все задания учителя. Заядлые математики и физики обожают филологию, потому что любят своего учителя и их отношение к нему они переносят и на его предмет. Такое происходит и на уроках Раисы Кельмановны. Ее студентки стали соревноваться друг с другом в познании еврейской литературы, пытались любыми способами доставать редкостные издания и бежали в библиотеку как в свой родной дом. Раиса Кельмановна в постоянном творческом поиске. В этом ей помогает огромный опыт наставника, организатора воспитательных мероприятий. Она проводит нестандартные уроки и литературно-музыкальные композиции. За последнее время она разработала и провела 10 литературно-музыкальных композиций. («Я тебя до конца рассказала» – посвящена еврейским поэтессам; «Мир тебе, святой Иерусалим!» и др.). Самые последние оригинальные «литературные шоу» были посвящены миру животных. Юношество узнало о писателях и поэтах, которые посвятили свое творчество братьям нашим меньшим. Все воспитанники с удовольствием участвовали в литературных вечерах. Это были театрализованные представления: «Литературные кошки» и «Литературные собаки». Она продолжает активно разрабатывать оригинальные литературные вечера о творчестве и жизни М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, В. Маяковского, А. Блок.

¹ Веселовская Мария. Такая счастливая женщина // Еврейское местечко. 2004. №35. С. 3.

Государство оценило профессиональные достижения Володарской Р. К. Она была отмечена как лучшая старшая вожатая республики в деятельности Всесоюзной детской пионерской организации кишиневской общеобразовательной школы №10. Затем ее наградили значком «Отличник народного образования МССР» в ноябре 1963 г. В апреле 1989 г. Министерство народного образования Молдавской ССР присвоило ей звание «Старший учитель». Именно о таком педагоге как Раиса Кельмановна Володарская высказался К. Д. Ушинский: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности»¹.

Свою профессиональную пригодность Раиса Кельмановна доказывает ежедневно, она всегда животворила, наставляла, возвращала, лелеяла человеческое, доброе, вечное. Она смогла на своем педагогическом поле взрастить плоды истинной человеческой культуры, обогатить своими идеалами неокрепшие детские души, просвещать умы. И по сей день она «насаждает» нравственность в роде человеческом.

¹ Наумчик В., Савченко Н. Этика педагога: Учебно-методическое пособие. Минск, 1999. С. 180.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И БОРЬБЫ С АНТИСЕМИТИЗМОМ

Развитие Республики Молдова как многонационального, демократического, правового государства, обеспечение его национальной безопасности и сохранение территориальной целостности возможны только в условиях межнационального мира и гражданского согласия. Начавшиеся в конце 1980-х - начале 1990-х годов сложные и во многом противоречивые процессы обновления общества и государства резко обозначили проблемы национальных отношений в нашей стране. Последние десятилетия характеризуются возросшим национальным самосознанием, образованием и активизацией деятельности значительного числа национальных общественных организаций. Со всей остротой поднимаются вопросы правового обеспечения конституционных принципов на свободное национальное развитие каждого человека, возможностей сохранения его этнокультурной самобытности¹.

Наряду с позитивными тенденциями в национальной сфере более жестко проявились и некоторые негативные процессы, связанные с нарушением национального равноправия, ксенофобией, дискриминацией по признаку национальной принадлежности, развитием национализма и антисемитизма. Это должно побуждать государство уделять растущее внимание развитию в обществе толерантности, налаживанию межэтнического и межконфессионального согласия в целях устранения угроз безопасности РМ в области этнонациональной политики и одновременно - решать вопросы усиления ответственности за разжигание национальной розни.

¹ Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2005. С.3-4.

В Республике Молдова, наряду с титульной нацией, проживают и другие этносы, в том числе и евреи¹. Все они нуждаются в защите своих прав, учитывая их небольшую численность, и, в этой связи, определенную уязвимость.

Впервые в Европе детально проблема защиты прав национальных меньшинств была выделена в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) от 1 августа 1975 года, впервые было закреплено обязательство государств-участников "уважать права лиц, принадлежащих к таким меньшинствам" и защищать их законные интересы.

Значение этого факта трудно переоценить, если учесть, что на международном универсальном уровне вплоть до 1992 года, когда в ООН была принята "Декларация о правах лиц, принадлежащих национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам", с осторожностью относились к выделению национальных меньшинств в особую общность индивидов, нуждающихся в защите². В Комиссии ЭКОСОС по правам человека на начальной стадии ее деятельности, например, считали, что если национальные меньшинства приобретут специальную защиту по международному праву, то с учетом фактического проживания представителей того или иного народа на территории ряда государств могут возникнуть противоречия между отдельными странами³. Обратим также внимание на то, что в нормативных актах универсального характера того периода (в том числе Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года) о национальных меньшинствах не упоминается и речь в них шла об "этнических, религиозных и языковых меньшинствах" (ст. 27 Пакта).

Акты других европейских организаций о защите национальных меньшинств появились также после Заключительного акта ОБСЕ 1975 года (Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам - в 1994 году; Рамочная Кон-

¹ Anuarul statistic al Republicii Moldova. Chişinău, 2009. P. 40.

² Пешперова И. Ю. Права национальных меньшинств и их защита в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СПб., 1998. С. 3-5.

³ Thornberry P. International Law and the Rights of Minorities. Oxford, 1991. P. 160.

венция Совета Европы о защите национальных меньшинств - 1995 году)¹.

Большинство социологических и политологических теорий признают то, что этнос является самостоятельным и едва ли не ведущим субъектом мировой истории. Однако юридически субъектами международного права признаны не этносы, а нации².

В современном праве подходы к регламентации статуса этнических общностей разнятся от полного отрицания каких-либо их прав до принятия специальных нормативно-правовых актов, формирующих их специальный юридический статус³.

Стремление групп, не относящихся к доминирующей части населения, сохранить свои культурные, религиозные или этнические особенности проявилось одновременно с возникновением национальных государств в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Начало детальному признанию и защите прав меньшинств в международном праве было положено Лигой Наций, принявшей несколько «трактатов по правам меньшинств». Когда на смену Лиге Наций в 1945 году пришла Организация Объединенных Наций, она тоже постепенно разработала ряд норм, процедур и механизмов, касающихся меньшинств⁴.

Защита прав национальных меньшинств продолжает оставаться слабым звеном в общей системе защиты прав человека вообще. Эти права часто нарушаются, а имплементация норм общего международного права в этой области обставлена целым рядом оговорок.

Между тем, все более широкое признание получает понимание прав человека как ограничителя произвола властей государств, как фактора, препятствующего утверждению авторитарных или тоталитарных режимов. Права индивида выполняют роль буфера в предотвращении обособления государства от общественной системы. И неслучайно после Второй мировой войны принцип уважения прав человека, включая и прав национальных меньшинств, стано-

¹ Пешперова И. Ю. Указ. соч. С.3-6.

² Катько Н. Коллективные права меньшинств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 4.

³ Там же.

⁴ Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению. Нью-Йорк и Женева, 2010. С. 1.

вится одним из важнейших императивных норм международного права¹.

В деле поощрения и защиты прав меньшинств требуется уделять особое внимание таким вопросам, как признание существования меньшинств; принятие мер, направленных на обеспечение гарантий их прав на недискриминацию и равенство; содействие поликультурному и межкультурному образованию; содействие их участию во всех сферах общественной жизни; учет их интересов в процессах развития и сокращения масштабов нищеты; существование диспропорций в социальных показателях, таких, как занятость, охрана здоровья и жилищные условия; положение женщин и особые интересы детей, принадлежащих к меньшинствам.

Лица, принадлежащие к национальным, религиозным и языковым меньшинствам, зачастую становятся жертвами множественной дискриминации и могут быть лишены, в частности, доступа к надлежащему жилищу, земле и собственности и даже гражданству².

Подавляющее большинство исследований подтверждают, что создание условий для полноценного участия национальных меньшинств в жизни общества является залогом более сильного и сплоченного общества, в то время как лишение прав и возможностей может привести к политической нестабильности, конфликту и в наиболее тяжелых случаях может породить геноцид.

Равноправие всех проживающих в Молдове этносов является одним из условий обеспечения социальной справедливости, а также необходимой и основной предпосылкой построения правового государства, так как человек, его права и свободы являются высшей ценностью правового государства³. Национальные меньшинства должны обладать определенными правами, уже в силу того, что они являются значимыми субъектами политической жизни госу-

¹ Пешперова И. Ю. Права национальных меньшинств и их защита в рамках организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). СПб., 2001.

² Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению. Нью-Йорк и Женева, 2010. С. 1.

³ Сосна Б., Боршевский А., Петров В. Права человека в странах Европейского Союза. Измаил, 2009. С. 1-5.

дарства¹. Несмотря на то, что в основу конституционного устройства Молдовы официально не положен этнический принцип, его особая значимость подчеркивается уже тем, что именно народу Республики Молдовы принадлежит национальный суверенитет.

Любые меры по защите лиц, принадлежащих к меньшинствам, должны быть направлены прежде всего на защиту физического существования лиц, принадлежащих к меньшинствам, включая защиту от геноцида и преступлений против человечества. В Дурбанской декларации 2001 года подчеркивается, что «этническая, культурная, языковая и религиозная самобытность меньшинств, там где они существует, должна быть защищена и что лица, относящиеся к таким меньшинствам, должны иметь равное положение и пользоваться своими правами человека и основными свободами без какой бы то ни было дискриминации» (пункт 6б).

Как отметил Кофи Аннан (Генеральный секретарь Организации объединенных наций в 1997-2006 гг.) на Стокгольмском международном форуме в январе 2004 года: «Мы должны защищать особенно права меньшинств, поскольку они чаще всего становятся объектом геноцида»².

В вопросе о правах меньшинств центральное место отводится поощрению и защите их самобытности, что позволяет предотвратить принудительную ассимиляцию и утрату культур, религиозных верований и языков, являющихся фундаментом богатого разнообразия мира и частью его общего достояния. Недопущение принудительной ассимиляции предполагает не только терпимое отношение к разнообразию и плюрализму самобытной идентичности, но и требует их защиты и уважения. Право не подвергаться дискриминации имеет первостепенное значение для защиты прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Принцип недискриминации запрещает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, имеющие целью или следствием сведение на нет или умаление признания, использования или осуществления на равных началах

¹ Регеда Е. В. Коллективные права этнических общностей в конституционном праве Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Пенза, 2009. С. 1-7.

² Права меньшинств. Международные стандарты и руководство по их соблюдению. Нью-Йорк и Женева, 2010. С. 8.

всех прав человека и основных свобод. Нормами международного права запрещается как прямая, так и косвенная дискриминация. Участие лиц, принадлежащих к меньшинствам, в делах государства и во всех областях политической, экономической, социальной и культурной жизни страны, в которой они проживают, имеет кардинальное значение для сохранения их самобытности и борьбы с социальной отчужденностью. Необходимы механизмы, позволяющие обеспечить такое положение, при котором разнообразие в обществе, опосредованное существованием групп меньшинств, находит свое отражение в государственных институтах, таких, как национальные парламенты и гражданская служба, включая полицию и судебные органы, а лица, относящиеся к меньшинствам, имеют в них надлежащее представительство, и их мнение учитывается при принятии решений, затрагивающих их или территории и районы, в которых они проживают. Такое участие должно быть действенным, а не просто символическим.

В ходе своей второй сессии 12 и 13 ноября 2009 года Форум по вопросам меньшинств сосредоточил свое внимание на эффективном участии меньшинств в политической жизни. Ключевым положением, рассматривавшимся на этом Форуме, служил пункт 2 статьи 2 Декларации Организации Объединенных Наций о правах меньшинств, в котором предусмотрено право лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам «активно участвовать в культурной, религиозной, общественной, экономической и государственной жизни». Чтобы участие лиц, принадлежащих к меньшинствам, было эффективным, недостаточно, чтобы государства обеспечивали только их формальное участие; государства должны также принимать меры к тому, чтобы участие представителей меньшинств оказывало значительное влияние на принимаемые решения, позволяя тем самым обеспечить, по мере возможности, совместное авторство таких решений¹.

Одним из важнейших показателей демократичности государства является законодательное закрепление прав национальных мень-

¹ Там же. С. 9-14.

шинств¹, ратификация Парламентом основных международных актов в этой сфере. Это особенно актуально в многонациональных странах, где проживает большое количество различных этносов, в том числе и для Республики Молдова в силу ее многонационального состава.

Существует большое количество международных актов, гарантирующих права национальных меньшинств². Важнейшими среди данных актов являются: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и прежде всего Протокол № 12 к данной конвенции, Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств и др.

Всеобщая декларация прав человека гласит, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения³.

Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет обязательство каждого участвующее в Пакте государства уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или соци-

¹ Ковригина М. В. Обеспечение прав национальных меньшинств в демократическом государстве // Международное публичное и частное право. 2007. № 5. С. 2-4.

² Боршевский А. П. Права национальных меньшинств: международное законодательство и ситуация в Республике Молдова // Republica Moldova – casa noastră comună. Materialele conferinței republicane științifico-practice. Chișinău, 21 august 2006. Culegere de lucrări științifice. Chișinău, 2006. P. 42-47.

³ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

ального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства¹.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации гласит, что государства-участники осуждают расовую дискриминацию и обязуются безотлагательно всеми возможными способами проводить политику ликвидации всех форм расовой дискриминации и способствовать взаимопониманию между всеми расами².

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств гласит, что стороны обязуются гарантировать любым лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на равенство перед законом и на равную защиту закона. В связи с этим любая дискриминация, основанная на принадлежности к национальному меньшинству, запрещается.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод³, и, прежде всего, Протокол № 12 к данной Конвенции также содержат нормы по защите прав национальных меньшинств.

Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств направлена на защиту и поддержку региональных языков или языков меньшинств. Хартия – это конвенция по защите и развитию региональных языков и языков меньшинств как части европейского культурного наследия, находящегося под угрозой исчезновения⁴.

При анализе международных актов необходимо отметить, что для определения данной группы населения используемая терминология изменялась в каждом отдельном документе. Например, в Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (а также в ряде других документов) говорится о «национальных меньшинствах», в то время как в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него используется понятие «национальной, этнической, расовой или религиозной группы», а в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации применяется выражение «расовая или этническая группа». В

¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

² http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml

³ <http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm>

⁴ http://eycb.coe.int/compass/ru/chapter_6/6_11.html

правовых актах Содружества Независимых Государств используется термин «национальное меньшинство»¹.

Одним из качественных критериев, позволяющих отличать меньшинство населения от его большинства, является обладание устойчивыми этническими, религиозными и языковыми характеристиками. Если обратиться к международным документам, то многие из них как раз и подчеркивают именно эти качественные признаки меньшинств. Достаточно в этой связи назвать статью 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, содержащую формулировку «этнические, религиозные и языковые меньшинства»; Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам и другие документы.

Исходя из названий и формулировок этих документов очевидно, что группы, обладающие отличными этническими, религиозными и языковыми характеристиками, могут образовывать этнические, религиозные и языковые меньшинства.

Такой подход был применен в документе Копенгагенского совещания по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. В разделе IV этого документа упоминаются преимущественно «национальные меньшинства», хотя в действительности речь идет о различных меньшинствах. Безусловно, что это является оправданным. Согласно нормам международного права любое меньшинство, будь то этническое или религиозное, нуждается в специальной защите. Именно в связи с этим в международно-правовых документах термины «этнические», «религиозные», «языковые» меньшинства нередко объединяются и фигурируют вместе без закрепления каких-либо различий в правовом статусе.

«Проблемы, касающиеся различных разновидностей меньшинств, - по справедливому замечанию С. Пунжина, - в принципе сходны», и поэтому вполне правомерно использование обобщающего термина «национальное меньшинство» или просто «меньшинство» ко всем категориям меньшинств².

¹ Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 13. Ст. 1489.

² Пунжин С. Проблема защиты прав меньшинств в международном праве // Государство и право. 1992. № 8. С. 125.

Важно обратить внимание также на то, что в документах ОБСЕ однозначно употребляется понятие «национальное меньшинство» в отличие от большинства документов ООН. Созданный в 1992 г. в рамках ОБСЕ пост также называется Верховный Комиссар по национальным меньшинствам.

Различная терминология содержится и в двусторонних соглашениях между государствами. В связи с этим в доктрине международного права постоянно продолжается активная работа над определением понятия «национальные меньшинства». Как правило, при решении вопроса об определении данного понятия все исследователи сходятся в том, что в основу разработки должен быть положен подход, направленный на всеобъемлющий охват меньшинств и коренных народов, который включал бы все типологическое и видовое разнообразие этих групп и в то же время базировался на каких-то общих критериях. Такие критерии, несмотря на то, что некоторые из них вызывают споры, уже выработаны в теории и практике международного права.

В случае меньшинств подобные базисные критерии сформулированы в попытках итальянского профессора Франческо Капоторти и канадского магистра Жюля Дешене дать определение этого понятия.

Так, по мнению Ф. Капоторти, меньшинством является группа, численно меньшая, чем остальное население того или иного государства, и не занимающая доминирующего положения, члены которой имеют этнические, религиозные или языковые особенности, отличающие их от остального населения, и которая, пусть даже имплицитно, обладает чувством солидарности в деле сохранения своей культуры, традиций, религии и языка¹.

Ж. Дешене, в свою очередь, дает несколько иное определение, которое во многом дополняет предыдущее: группа граждан того или иного государства, составляющая численное меньшинство и не занимающая доминирующего положения в этом государстве, представители которой обладают этническими, религиозными или языковыми особенностями, отличающими их от большинства населения, и которых объединяет и поддерживает пусть даже имплицитно,

¹ Капоторти Ф. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Нью-Йорк. ООН, 1979. С. 6-7.

коллективное стремление выжить и добиться фактического и юридического равенства с большинством населения.

Как легко заметить из предложенных определений, сходные черты и различия обоих подходов очевидны. С одной стороны, оба автора едины в том, что касается численного меньшинства этих групп населения; отсутствия доминирующего положения в обществе; их общих этнических, религиозных или языковых особенностей; чувства общности и наличия коллективного стремления сохранить свои традиции и образ жизни.

Вместе с тем, Ф. Капоторти прежде всего подчеркивает факт численного меньшинства, тогда как Дешене выделяет факт гражданства членов этих групп и стремление к «фактическому и юридическому равенству» с большинством населения соответствующего общества. По словам Ж. Дешене, «юридическое равенство с большинством населения» может быть достигнуто лишь на основе юридических институтов доминирующей части соответствующего многонационального общества, а не на основе правовой культуры этих меньшинств.

Одним из качественных критериев, позволяющих отличать меньшинство населения от его большинства, является обладание устойчивыми этническими, религиозными и языковыми характеристиками. Если обратиться к международным документам, то многие из них как раз и подчеркивают именно эти качественные признаки меньшинств. Достаточно в этой связи назвать статью 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, содержащую формулировку «этнические, религиозные и языковые меньшинства»; Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г. и другие документы.

Исходя из названий и формулировок этих документов очевидно, что группы, обладающие отличными этническими, религиозными и языковыми характеристиками, могут образовывать этнические, религиозные и языковые меньшинства.

Такой подход был применен в документе Копенгагенского совещания по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. В разделе IV этого документа упоминаются преимущественно «национальные меньшинства», хотя в действительности речь идет о различных ме-

ньшинствах. Безусловно, что это является оправданным. Согласно нормам международного права любое меньшинство, будь то этническое или религиозное, нуждается в специальной защите. Именно в связи с этим в международно-правовых документах термины «этнические», «религиозные», «языковые» меньшинства нередко объединяются и фигурируют вместе без закрепления каких-либо различий в правовом статусе.

«Проблемы, касающиеся различных разновидностей меньшинств, – по справедливому замечанию С. Пунжина, – в принципе сходны», и поэтому вполне правомерно использование обобщающего термина «национальное меньшинство» или просто «меньшинство» ко всем категориям меньшинств¹.

Важно обратить внимание также на то, что в документах ОБСЕ однозначно употребляется понятие «национальное меньшинство» в отличие от большинства документов ООН. Созданный в 1992 г. в рамках ОБСЕ пост также называется Верховный Комиссар по национальным меньшинствам.

В статье 1 Декларации Организации Объединенных Наций о правах меньшинств, принятой в 1992 году консенсусом, говорится о меньшинствах как о самобытных национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых группах, и предусмотрена обязанность государств охранять их существование. Согласованного на международном уровне определения того, какие группы являются меньшинствами, не существует. Нередко подчеркивается, что существование меньшинства является вопросом факта и что любое определение должно включать в себя как объективные факторы (как, например, наличие этнической, языковой или религиозной общности), так и субъективные факторы (в том числе идентификацию индивидами себя как членов меньшинства).

Одной из форм национальной нетерпимости, выражающейся во враждебном отношении к евреям как этнической или религиозной группе является антисемитизм, который часто основан на предрасудках. Антисемитизм является одной из разновидностей ксенофобии².

¹ Пунжин С. Указ.соч. С. 125.

² Крапивенский С.Э. Еврейское в мировой культуре. Москва, 2007. С. 217-241.

В Декларации принципов терпимости (принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года) отмечена тревога в связи с участвовавшими в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, *антисемитизма*, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам¹.

Важное значение для борьбы с антисемитизмом имеет итоговый документ Конференции ОБСЕ по борьбе с антисемитизмом и другими формами нетерпимости («Кордобская декларация»). Данная конференция прошла 8-9 июня 2005 года в «городе трех культур» - Кордобе.

Данная конференция была направлена на увековечивание шестидесятой годовщины окончания Второй мировой войны, в ней отмечена скорбь о десятках миллионов жертв войны, Холокоста, оккупаций и репрессий, содержится осуждение всех формы этнических чисток.

В Декларации осуждается расизм, ксенофобия, антисемитизм, и другие формы нетерпимости и дискриминации, включая те, которые направлены против мусульман и христиан, а также подстрекательства к преступлениям ненависти на почве расы, цвета, пола, языка, религии, политических или других мнениях, национальном или социальном происхождении, рождении или другом статусе, подтверждаются существующие обязательства ОБСЕ в этих областях.

В Кордобской декларации отмечено, что случаи нетерпимости и дискриминации являют угрозу демократии, также указано, что международные события или политические проблемы никогда не являются оправданием для расизма, ксенофобии, дискриминации, включая мусульман, христиан и членов других религий, и что международные события или политические проблемы в Израиле или где-либо еще на Ближнем Востоке никогда не оправдывают антисемитизм.

В Декларации подчеркнуто обязательство развивать эффективные методы сбора и хранения надежной информации и статистики об антисемитских и других преступлениях ненависти и похожих

¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml

инцидентах обусловленных нетерпимостью для выработки стратегии борьбы с ними; отмечено, что законодательство и деятельность правоохранительных органов необходимы для преодоления нетерпимости и дискриминации и что власти государств-участников ОБСЕ играют ключевую роль в принятии и внедрении такого законодательства и осуществлении эффективного мониторинга и деятельности правоохранительных органов;

В документе подчеркивается роль образования, включая образование о Холокосте и антисемитизме, как мерах предотвращения и ответа на все формы нетерпимости и дискриминации, а также содействия интеграции и уважения многообразия;

В Декларации подчеркнута решающая роль национальных парламентов в принятии необходимых законов, а также места для национальных дебатов... в отношении расизма, антисемитизма, ксенофобии и других форм нетерпимости и дискриминации.

В заключение Декларация признает, что гражданское общество является ключевым партнером в борьбе против дискриминации и нетерпимости и что развитые коммуникации и диалог между государствами и гражданским обществом могут улучшить осуществление обязательств и последующей активности на национальном уровне.

*Брик Евгений,
доктор экономики*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОЛОКОСТА В МОЛДОВЕ

Проблемы изучения вопросов Катастрофы евреев на территории Молдовы в годы Второй мировой войны (Холокост), связаны во многом с особенностями территориального и исторического плана. Современная территория Молдовы отличается от Бессарабской губернии в составе России, Бессарабии в составе Румынии и Молдавской АССР в составе СССР. Поэтому отличаются как оценки проживавшего на территории современной Молдовы еврейского населения в 1940 году, так и число евреев, погибших в годы войны. В 1941 году была образована Транснистрия. Там с 30 августа 1941 года действовала румынская администрация. Территория включала и часть современной Молдовы, и часть современной Украины.

В Транснистрии погибали как местные евреи, так и высланные с территории Румынии, Бессарабии и Буковины. Многим евреям, пережившим ужасы первого этапа уничтожения в 1941-1942 годах, удалось выжить.

На территории Румынии, Бессарабии, Буковины и Транснистрии в акциях уничтожения и убийствах участвовали:

- немецкие офицеры и солдаты подразделений СС (погром в Яссах, расстрелы в Кишиневе, расстрел в Дубоссарах, расстрел гетто в Тирасполе и т.д.);
- румынские жандармы и солдаты (большинство акций уничтожения, убийства депортированных, охрана и убийства в гетто и лагерях);
- украинская полиция и националисты (в основном на территории концентрационных лагерей в Транснистрии);
- местные коллаборационисты и бандиты (нападение на евреев во время депортации, погром в местечке Валя луй Влад в Молдове, убийства в Кишиневе и т.д.)

- немецкие колонисты (на территории современной Одесской области, в Транснистрии)
- венгерские солдаты и жандармы (на территории Трансильвании)
- власовцы и солдаты других восточных легионов СС (отмечено в воспоминаниях узников гетто в Рыбнице и других местах)¹.

Число погибших бессарабских евреев, то есть евреев, проживавших на современной территории Молдовы, оценивались разными учеными и исследователями по-разному. Они колебались от 87000 (Натан Ак) до 250000–300000 (Рав Мозес Розен)².

К декабрю 1941 года абсолютное большинство евреев Бессарабии было уничтожено или выслано в Транснистрию. Бессарабия (как, например, и Эстония) была объявлена территорией «очищенной» от евреев (Judenfrei). В Бессарабии пережило Катастрофу менее 1000 человек (в том числе евреи, спасенные праведниками мира)³. Около 14000 бессарабских евреев выжило в Транснистрии и дождалось освобождения⁴.

Еврейские общины Румынии смогли несколько раз добиться отмены массовых депортаций в Транснистрию и в лагеря уничтожения Польши, требований носить шестиконечную звезду (ее обязаны были носить евреи Транснистрии и Бессарабии), добиться после 1942 года оказания помощи заключенным в Транснистрии и возврата некоторых категорий (например, сироты) в Румынию.

Еврейским общинам Румынии удалось добиться определенной поддержки внутри страны и международных еврейских организаций. Например, в Румынии их поддержала и способствовала спасению многих людей королева-мать (мать короля Михая) которой присвоено звание Праведника Мира. Были случаи спасения и со

¹ Ткач Е. Антииудаизм и пещерный мир. Кишинев, 1998.

² Наиболее подробно эти цифры и проблема раскрыты в работе: Дорон Д. Кишиневское гетто – последний погром. Кишинев, 1993. С. 93-111.

³ Брик Е., Брик М. Исторические этапы проживания евреев на территории прутоднестровского междуречья // Сборник научных трудов Института иудаики. Выпуск II. Кишинев, 2011. С.104

⁴ Назария С. Дискуссии по проблеме о последствиях фашистской оккупации Молдовы для еврейского населения // Сборник научных трудов Института иудаики Выпуск II. Кишинев, 2011. С. 31.

стороны отдельных членов румынской администрации. Например, мэр Черновиц известен тем, что спас около 20000 евреев Буковины от депортации. Ему присвоено звание праведника мира.

Только в Транснистрии было уничтожено около 88000 румынских евреев, в том числе около 19000 было уничтожено немцами. Всего в Транснистрии было уничтожено не менее 220000 евреев¹.

Рассмотрим некоторые особенности Холокоста на территориях Румынии, Бессарабии и Транснистрии.

Румыния. Мы согласны с концепцией Института Изучения Холокоста им. Элли Визеля, что хронологически антиеврейские акции можно рассматривать с января 1938 года². После публикации правительством Октавиана Гоги антисемитских декретов, более 200000 евреев было лишено еврейского гражданства.

В июле 1940 года проходит еврейский погром в Дорохое, устроенный румынскими солдатами.

В августе Северная Трансильвания, в которой проживало 160000 евреев, переходит в состав Венгрии. Судьба этих евреев складывается трагически после 1944 года, когда в результате переворота Саллаши большинство венгерских евреев оказываются уничтожены.

С 21 по 23 января 1941 года, во время бунта легионеров, в Бухаресте происходит еврейский погром. В результате погрома погибает 120 евреев, разгромлено 25 синагог, 616 еврейских магазинов и 547 домов, где проживало около 3600 евреев. Малоизвестен факт, что во время погрома группа молодых румын во главе с Ионом Ветрилой вступают в схватку с железногвардейцами и пытаются, в частности, защитить евреев. Все участники группы гибнут, самого И. Ветрилу захватывают в плен и зверски убивают на бойне, повесив на крюк для мясных туш и подвергнув садистским пыткам.

С 29 июня по 6 июля проходит кровавый погром в Яссах, где зверски убивают не менее 13000 евреев.

В августе 1941 года выходит первый указ об обязательном ношении евреями звезды Давида; евреев высылают из некоторых районов города Яссы.

В сентябре 1941 года евреев Румынии освобождают от необходимости носить знак звезды Давида, однако приказ действует на

¹ Fisher J.S. Transnistria: The forgotten Cemetery. NY, 1969.

² Demnitare în vremuri de restriște. Buc., 2008

других территориях. Начинается первый этап депортации евреев в Транснистрию. В октябре, ноябре и декабре президент Федерации Еврейских общин В. Фильдерман обращается с письмами к И. Антонеску, пытаясь остановить депортации. В декабре начинаются массовые, зверские убийства евреев в Богдановке (Транснистрия)

В феврале 1942 года отправляется в Палестину пароход «Струма» с 700 евреев на борту. Пароход не пропускают через Турцию, он атакован советской подводной лодкой и все пассажиры погибают.

В июле рассматривается вопрос о депортации в Транснистрию евреев из Старого королевства и южной Трансильвании.

В сентябре появляется послание министра иностранных дел США с поздравлением евреев с Рош ха шаной и высказаны симпатии евреям. Руководство еврейских организаций обращается с просьбой не допустить депортацию евреев в немецкие лагеря смерти и прекратить депортацию в Транснистрию. В ноябре община просит дать разрешение выкупить выживших в Транснистрии 75000 евреев.

Венгерское правительство мобилизует 15000 румынских евреев Северной Трансильвании в маршевые и строительные военные части и отправляет их на фронт. Больше половина из них погибает, в том числе расстреливается немцами.

В январе 1943 года проходят первые попытки оказать помощь румынским евреям в Транснистрии и вернуть детей-сирот. В мае месяце еврейская община облагается гигантской контрибуцией в 4 млрд. лей, с угрозой возможных наказаний. В декабре удается добиться возврата первой группы из Транснистрии – 1500 евреев из Дорохоя.

В феврале-марте 1944 года в Румынию возвращаются 1846 детей-сирот из Транснистрии. В течение последующих месяцев дается право вернуться выжившим румынским евреям из Транснистрии в Румынию. Из Румынии в Палестину отправляется несколько небольших кораблей с выжившими узниками из Транснистрии. В августе оказывается свергнут режим Антонеску, и Румыния официально вступает в войну против нацистской Германии. В декабре 1944 года официальным указом отменены все антиеврейские законы, принятые и действующие во времена Антонеску.

Бессарабия. В июне 1940 года Бессарабия становится частью СССР. Совместно с МАССР образуется Молдавская ССР, на территории которой проживает около 300000 евреев. Судьба евреев Бессарабии в годы Холокоста складывается наиболее трагично. С началом Великой Отечественной Войны, в каждом населенном пункте происходят массовые убийства евреев. Часто убийства сопровождаются садистской жестокостью. Например, в Резине около 1000 женщин и детей сжигают заживо в печах для обжига извести¹, людей заживо закапывают, вешают живыми на железных крючьях и т.д.²

Уже в июле 1941 года начинают образовываться гетто. Первые 25000 евреев высылаются на территорию, оккупированную немцами Украины, при оккупации Кишинева немецкие и румынские солдаты убивают не менее 10000 евреев³.

К августу 1941 года в Бессарабии существует 7 больших гетто и еврейских концентрационных лагерей, где содержатся около 65000 евреев.

В гетто и лагерях происходят постоянные акции уничтожения. С сентября 1941 года начинается депортация евреев в Транснистрию. До декабря 1941 года практически все еврейское население гетто депортировано, условия депортации ужасны и тысячи людей гибнут по дороге и во время переправ. Бессарабия объявлена Judenfrei, несколько сотен евреев, оставшихся в кишиневском гетто и на других территориях, высылают в начале 1942 года. В Кишиневском гетто осталось, например, не более 15 человек.

Несколько десятков семей сумели спастись, переправившись с помощью родственников и друзей в Румынию, однако эти случаи единичны⁴.

В отличие от территории Румынии, Транснистрии и даже Буковины, к концу 1941 – началу 1942 года практически все еврейское население Бессарабии было либо уничтожено, либо депортировано в Транснистрию. По нашему мнению, с учетом спасенных правед-

¹ Ткач Е. Антииудаизм и пещерный мир. Кишинев, 1998

² Дюков А. Румынская оккупация Молдавии глазами очевидцев: три частные истории // Забытый агрессор. Москва, 2010.

³ Demnitate în vremuri de restriște. București, 2008

⁴ Aroni S. Memories of the Holocaust. Kishinev 1941 – 1944. Los Angeles: University of California (UCLA), 1995.

никами мира и другими неизвестными героями, к моменту освобождения территории Бессарабии в 1944 году осталось в живых не более 1000 евреев.

Транснистрия. Территория между Днестром и Бугом была передана под управление румынской администрации в августе 1941 года под названием Транснистрия. В Транснистрию высылали евреев Бессарабии, Буковины и Румынии. Для многих из них она стала кладбищем.

В сентябре 1941 года произошел массовый расстрел евреев в Дубоссарах, во время которого было убито 18000 евреев. В расстреле принимали участие и немецкие офицеры.

В период с сентября по декабрь во многих регионах Транснистрии происходили массовые расстрелы и убийства депортируемых евреев и евреев, проживавших в данном регионе. Происходили убийства и расстрелы в Тирасполе, Рыбнице, Колбасном и т.д.

В ноябре 1941 года был организован лагерь смерти в Печоре, в котором погибло около 8000 человек.

В декабре 1941 года начались массовые убийства в гетто Богдановка, где были уничтожены около 50000 человек.

В ноябре 1941 года, губернатор Транснистрии издает приказ о создании в Транснистрии трудовых колоний для евреев (слово «гетто» не применялось).

Особенность региона Транснистрии была в том, что с осени 1942 года туда стала поступать помощь из Румынии, а в 1943 году некоторые лагеря посетила комиссия Красного креста из Швейцарии. У переживших страшную зиму и акции 1941-1942 годов появилась возможность выжить.

Всего в Транснистрии выжило 93000 евреев, в том числе около 14000 бессарабских и 50000 румынских евреев. Уничтожено же на территории Транснистрии было не менее 220000 евреев.

Наиболее страшными местами уничтожения были: Богдановка (около 50000 убитых), Доманевка (18000), Печора (8000), Акмечетка (4000). В Березовском районе эсэсовцы Отто Олендорфа уничтожили 40000 евреев.

Больше всего евреев выжило: в Могилев-Подольске (13000 человек) евреев, Бершади (около 11000), Жмеринке (3500), Шаргороде (более 2000), Томашполе (1000), Копайгороде (1000) и т.д.

*Галущенко Олег,
доктор истории, конференциар*

**ЕВРЕИ В СОСТАВЕ РУКОВОДЯЩИХ
КАДРОВ МОЛДАВСКОЙ АССР:
АБРАМ ЛЬВОВИЧ ГРИНШТЕЙН (1890 – 1937 гг.)**

В этом году исполняется девяносто лет со времени образования Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики. 12 октября 1924 г. в составе Украинской союзной республики была создана Молдавская АССР. Главной внешнеполитической причиной ее образования было стремление советского руководства к экспорту революции в Бессарабию, Румынию и далее на Балканы. Основной внутривластной причиной выступало стремление распространить свою национальную политику на молдаван Левобережья Днестра и многочисленные национальные меньшинства.

В создании Молдавской АССР активно участвовали евреи. Особо важную роль в этом процессе сыграл Абрам Львович Гринштейн. Он родился в Бессарабии в мещанской семье города Бельцы в 1890 г. Образование – незаконченное высшее. На первых порах получил домашнее начальное ортодоксальное образование, а с 11 лет стал обучаться светским наукам. В 1911 г. окончил среднюю школу. С 1912 по 1914 годы продолжил обучение за границей, где познакомился с Н. И. Бухариным.

В революционное движение А. Л. Гринштейн вошел в 1905 г. в Одессе. В том же году стал членом Бунда в Бельцах. В январе 1919 г. вступил в РКП(б). В начале 1917 г. А. Л. Гринштейн активно участвовал в политической борьбе в Петрограде. Затем вместе с группой будущих руководителей Сфатул Цэрий прибыл в Кишинев. Был товарищем председателя Центрального бюро профсоюзов Бессарабии и членом Исполкома Совета крестьянских депутатов. Осенью 1917 г. А. Л. Гринштейн был избран товарищем председателя Кишиневского исполкома.

С января 1918 г. А. Л. Гринштейн стал одним из организаторов Красной Гвардии, секретарем и казначеем Военного Совета Тирас-

польского отряда. Румынским судом был заочно приговорен к пожизненной каторге. В Красной Армии находился до осени 1920 г., где занимал преимущественно политические должности – начальник политического отдела дивизии, начальник политического отдела армии, военный комиссар дивизии и др.

После демобилизации из Красной армии А. Л. Гринштейн в 1920 – 1922 стал членом коллегии Закордота [отдел пограничной работе ЦК КП(б)У – О. Г.], ответственным за работу в Бессарабии. Он возглавлял отделение (секцию) Закордота в Одессе, решением Политбюро ЦК КП(б)У от 11 ноября 1921 г. переименованное в Бюро КП Бессарабии и Буковины. А в 1922 – 1927 гг. работал в Народном Комиссариате финансов Украины¹.

Фактически А. Л. Гринштейн в то время руководил коммунистическим подпольем в Бессарабии. Он был председателем Бессарабского коммунистического бюро, в состав которого входили Г. И. Старый и Л. Маков (Александров). О размерах его реальных полномочий можно судить по такому факту. В связи с арестом П. Ткаченко А. Л. Гринштейн в апреле 1921 г. направил письмо Бессарабскому обкому РКП(б): «Из-за провала Яши **назначаю** [выделено нами – О. Г.] Временный Бессарабский парком в составе товарищей Мили [имя С. М. Бубновского – О. Г.], Пузатого [псевдоним Ф. Похило – О. Г.] и Бочачера, и одного кандидата в лице Бонапарта [псевдоним А. Е. Доброчаева – О. Г.]».

Французская контрразведка характеризовала А. Л. Гринштейна следующим образом: «Начальник Закордота (секция коммунистической пропаганды и шпионажа за границей), бывший адвокат в Бельцах и преподаватель древнееврейского языка в Кишиневе». В другой картотеке этой же организации сказано: «...глава террористов в Одессе». Мнение румынской сигуранцы таково: «Эта секция, названная «Ански» является филиалом Закордота из Харькова, и в настоящее время ею руководит один еврей, а именно Гринштейн».

Совершенно особую роль сыграл А. Л. Гринштейн в образовании Молдавской АССР. В начале 20-х годов внимание новой власти к проблемам межэтнических отношений нарастало. На состоявшемся в марте 1921 г. X съезде РКП(б) было принято постановление «Об

¹ http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5803.

очередных задачах партии в национальном вопросе». В нем ставилась задача помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию. Помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства и власти, составленные из людей местных, знающих быт, психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке и т. д.¹

После очередного постановления в реальной жизни нерусских народов существенных изменений происходило немного, что понятно, если учесть объективную ситуацию, а также негативную позицию большого числа партийных кадров. Все же обстановка в верхних эшелонах власти стала меняться в связи с подготовкой к образованию Советского Союза. Состоялась дискуссия по национальному вопросу, по проблеме государственного обустройства многочисленных этносов, проживавших на территории бывшей царской России. В. И. Ленин отрицательно отнесся к идее автономизации, то есть к вхождению Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, Грузии в состав Российской Федерации на правах автономных республик².

И. В. Сталин вначале придерживался другого мнения: «3. За четыре года гражданской войны, – подчеркнул он 22 сентября 1922 г. в письме В. И. Ленину, – когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы;

4. Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах **игру в независимость** [выделено

¹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. Москва, 1963. С. 603, 604.

² См. подробнее: Плимак Е. Политическое завещание В. И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. 2-е изд. Москва, 1989.

нами – О. Г.] отказываются понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик;

5. Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном, безусловно, должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик¹.

И. В. Сталин сформулировал вопрос весьма конкретно: «Одно из двух: либо действительная независимость и тогда – невмешательство центра, ... либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т. е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вудел, земледелия и прочее»².

Точка зрения В. И. Ленина победила. Советский Союз был юридически создан как союзное государство. Однако полемика продолжилась в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б), что рельефно проявилось в ходе работы его секции по национальному вопросу. На заседаниях секции позиция И. В. Сталина была подвергнута серьезной критике. Возражая своим оппонентам, он говорил: «Нельзя бухарца назвать – я даже не знаю как уж его назвать – но вводить туда свои войска можно? С точки зрения определения прав национальностей этого делать нельзя. В чем же дело? В том-то и дело, что в национальном вопросе есть свои пределы. Это – важный вопрос, но есть другой вопрос, более важный, вопрос о власти рабочего класса. Вот в чем дело. Мы обязаны проводить в жизнь принцип самоопределения народов, безусловно, но кроме этого, есть право рабочего класса на свою власть, есть право на укрепление своей власти. Вы должны честно и открыто сказать всем на-

¹ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? Сб. документов. Москва, 1992. С. 109.

² Несостоявшийся юбилей... С. 108.

ционалам (национал, кажется, теперь ругательное слово), что мы иногда вынуждены идти против права самоопределения национальностей, против их интересов за сохранение рабочими своей власти. В этом не вина, а беда наша. И те, которые здесь охотно раздают всякие обещания, должны это сказать честно, что мы нарушаем право на самоопределение и не можем не нарушать, ибо вопрос национальный есть подчиненный вопрос в отношении к вопросу рабочему»¹.

Далее И. В. Сталин, отметив необходимость создания национальных воинских частей, вернулся к вопросу о выводе русских войск с территорий юридически независимых республик. «Первое требование самоопределения, – отметил он, – это вывод войск. Сейчас мы себе этой роскоши позволить не можем. Вот в чем беда. Если вывести войска из Грузии, туда войдут турки, пострадает революция. Если вывести из Украины, туда войдут сначала бандочки полуукраинские, полупольские, потом они начнут крупнеть и сами же украинцы потребуют ввести русские войска, иначе их задушат»².

В такой атмосфере в конце января 1924 г. на похороны В. И. Ленина в Москву приехало значительное число коммунистов Советского Союза, а также из-за границы. Они обсуждали между собой многочисленные вопросы, в том числе и о путях распространения мировой революции, о формах государственного устройства страны, о национальной политике и целый ряд других.

Состоялся ряд встреч бессарабских и румынских коммунистов. Одна из них прошла 4 февраля и была посвящена обсуждению двух основных вопросов: организации в границах Украины Молдавской автономной области на левом берегу Днестра и поселению в ней бессарабских беженцев, а также демобилизованных красноармейцев. Повестка дня обусловила, видимо, участие в заседании группы высокопоставленных военных, в том числе Р. П. Эйдемана – заместителя М. В. Фрунзе. В докладе по первому вопросу И. Дик заявил, что по вопросу о Бессарабии сложились две точки зрения. Х. Г. Раковский предлагал, по утверждению И. Дика, в случае, если Румы-

¹ Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Документы и материалы. Москва, 1992. С. 211.

² Национальный вопрос на перекрестке мнений... С. 211.

ния не вернет провинцию, настаивать на проведении референдума о самоопределении с дальнейшим разделом Днестровско-Прутского междуречья СССР и Румынией. М. М. Литвинов, якобы, считал возможным в результате каких-то уступок со стороны Румынии признать ее права на Бессарабию¹.

И. Дик выступил в поддержку мнения Х. Г. Раковского. Он заявил, что уступка Румынией Бессарабии Советскому Союзу будет означать политическую капитуляцию румынской буржуазии. К тому же, образование Молдавской автономной области в Приднестровье еще раз продемонстрирует заботу новой власти о национальных меньшинствах и создаст точку притяжения не только для населения Бессарабии, но также Буковины и даже Трансильвании. И. Дик зачитал проект письма в высшие партийные инстанции и подчеркнул, что с ним ознакомились М. В. Фрунзе и Г. И. Бройда – ранее заместитель И. В. Сталина в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, которые выразили позитивное отношение к идее создания Молдавской автономной области².

Р. П. Эйдеман задал вопрос о численности и степени компактности проживания молдаван в Приднестровье. Затем он высказался в том смысле, что можно говорить об автономии административной и культурной, при этом последняя абсолютно необходима. Предложения следует направить в Политбюро ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У и только после их одобрения начать проведение агитации среди молдавского населения. Следует выделить также предложение С. С. Тимова, который, сославшись на внешнеполитические причины, предложил просить о создании Молдавской республики, а не автономной области с тем, чтобы она в дальнейшем смогла претендовать на объединение с Бессарабией. Предложение С. С. Тимова активно поддержали П. Ткаченко и И. Дик, заявившие о необходимости создания на Левобережье Днестра молдавской государственности. Было решено аргументировать просьбу как моментами внешнеполитическими, так и этническими, культурными, экономическими, то есть интересами населения Приднестровья³.

¹ Cojocaru G. E. Cominternul și originile “moldovenismului”: Studiu și doc. Chișinău, 2009. P. 87, 88.

² Cojocaru G. E. Cominternul și originile “moldovenismului”... P. 88.

³ Cojocaru G. E. Cominternul și originile “moldovenismului”... P. 88-90.

5 февраля 1924 г. прошло второе заседание инициативной группы, полностью одобрившей текст «Докладной записки о необходимости создания Молдавской Советской Социалистической Республики». Ее подписало десять человек. Началась продолжительная и довольно упорная борьба за принятие идеи создания Молдавской республики на левом берегу Днестра. Она завершилась в июле 1924 г.

29 июля состоялось решающее заседание Политбюро ЦК РКП(б). Следует отметить отсутствие на заседании влиятельных противников создания Молдавской республики – К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина и А. П. Смирнова. Вопрос «О Молдавской ССР (ПБ 24.VII пр. № 12 п. 1 ж)» доложили Г. В. Чичерин, М. В. Фрунзе и Х. Г. Раковский. Среди докладчиков соотношение сторонников и противников образования в Приднестровье Молдавской АССР было два к одному. В результате состоявшейся дискуссии

Политбюро постановило:

«а) Считать необходимым, прежде всего по политическим соображениям, выделение молдавского населения в специальную автономную республику в составе УССР и предложить ЦК КПУ дать соответствующие директивы украинским советским органам.

б) Предложить ЦК КПУ сделать сообщение в Политбюро ЦК РКП через месяц о ходе работ по организации Молдавской Автономной Республики.

в) Поручить тов. Фрунзе наблюдение за быстрейшим проведением этого вопроса»¹.

13 августа, председатель ВУЦИКа Г. И. Петровский написал письмо, адресованное Одесскому губернскому комитету КП(б)У. В нем, в частности, говорилось: «От ЦК РКП нами получены директивы о создании Молдавской Автономной Республики, которая должна находиться в автономной связи с УССР.

...Тов. Гринштейну даны необходимые инструкции, план и некоторые перспективы об организации Молдавской республики, особенно центра партийного и советского, Ваше участие, связь с центром и целый ряд других мер, которые Вам тов. Гринштейн скажет. ЦК КП(б)У предлагает оказать всемерное содействие т. Гринштей-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 453. Л. 2, 3.

ну, необходимые средства ему даны...

1. Итак, первое – за дело организации Молдавской республики нужно приняться немедленно. Содействие т. Гринштейну оказать полное.
2. Через месяц нас обязал ЦК РКП сделать доклад.
3. Тов. Гринштейну даны директивы о согласованной работе с губкомом.
4. Необходимо по партийной линии иметь Одесскому губкому с Молдавской республикой организационные связи по Вашему усмотрению.

С товарищеским приветом Петровский»¹.

Созданием Молдавской АССР непосредственно руководил уроженец Бессарабии А. Л. Гринштейн. Но поскольку он был убежденным троцкистом, советская историография не акцентировала внимание на этом факте. Секретарь Молдавского обкома КП(б) Украины И. И. Бадеев позднее отмечал, что А. Л. Гринштейн: «...был моим непосредственным начальником по Закардоту». Не менее конкретен председатель ЦИКа, а затем СНК автономии Г. И. Старый: «Я работал вместе с ним в Закардоте. С организацией Молдавской республики в 1924 г. [Гринштейн – О. Г.] был постпредом МАССР при Украинском правительстве и фактически являлся идейным руководителем всех дел Молдавии, как партийных, так и советских. Часто решал вопросы сам. Поскольку он был другом секретаря Молдавского обкома партии Бадеева, он в своих действиях не встречал никаких возражений».

Поступки А. Л. Гринштейна были чрезвычайно оперативными и решительными. В Одессе он поселился в гостинице, куда пригласил своих бывших подчиненных – работника транспортного отдела Одесского губернского комитета КП(б)У Г. И. Старого и резко конфликтовавшего с ним еще с 1919 года зав. агитпропом Николаевского окружного партийного комитета И. И. Бадеева, находившегося в это время на отдыхе в Одессе. На эту встречу пришли также С. М. Бубновский и Б. И. Борисов (Шут) – сотрудник для особых поручений уполномоченного разведывательного управления РККА в Украине.

¹ Образование Молдавской ССР и создание Коммунистической партии Молдавии. Сб. документов и материалов. Кишинев, 1984. С. 57.

На следующий день, 16 августа, А. Л. Гринштейн пришел в Одесский губком, где было созвано экстренное закрытое заседание секретариата, которое утвердило решение о создании Организационной комиссии по созданию Молдавской АССР, во главе с ним.

Через четыре дня, 20 августа, на заседании бюро Одесского губкома КП(б)У было заслушано сообщение А. Л. Гринштейна о ходе работы по созданию Молдавской республики. В это время заметно обострилась борьба за лидерство между бессарабцами и румынскими политэмигрантами, вылившаяся в конфликт между группами агитаторов с полномочиями от Организационной комиссии и преподавателями, студентами Румынского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, действовавшими от имени инициативной группы.

Наиболее резко отреагировал на сложившуюся ситуацию преподаватель КУНМЗа И. Дик, обратившийся с письмом в ЦК РКП(б), копии которого он направил по многим авторитетным адресам. В документе подчеркивались заслуги румынских политэмигрантов в принятии политического решения об организации Молдавской республики, однако лавры победителей несправедливо, по мнению И. Дика, достались другим: «В настоящее время ЦК РКП принял наше предложение и постановил создать МССР. ...Во исполнение вышеуказанного, ЦК КП(б)У направил в Одессу с мандатом о провозглашении республики и организации Ревкома тов. Гринштейна»¹.

По поводу этого назначения И. Дик высказался так: «Наши сообщения следующие:

1) Для достижения максимального эффекта в Бессарабии и Румынии провозглашением Молдавской республики, поставить во главе представительного органа одного румынского или молдавского товарища, а тов. Гринштейн не выполняет это условие.

2) Тов. Гринштейн совершенно скомпрометирован в Румынии и Бессарабии своей известной деятельностью во главе не менее известного Закордота – учреждения, которое принесло столько бедствий болгарской и румынской братским компартиям, революционно-коммунистическому движению в Бессарабии и которые из-за этого были ликвидированы в условиях, известных всем.

3) Тов. Гринштейн, молодой член партии, был все время очень

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1522. Л. 105.

враждебно настроен к румынским и молдавским товарищам, которым неоднократно всеми силами старался мешать проведению идеи МССР. Поэтому считаем, что нельзя поручать ему ведение данной работы...

4) Тов. Гринштейн в своей работе по созданию МССР уже начал проводить дух и методы печальной памяти пресловутого Закордота, окружая себя без всякого разбора лицами, совершенно не отвечающими заданиям настоящего дела. Мы имеем в виду членов созданного тов. Гринштейном комитета, секретаря его – беспартийного Бубновского, дезертира Румынской компартии; Раевича – бесарабского коммуниста-сепаратиста и других сотрудников Закордота»¹.

Юридическое оформление создания Молдавской АССР произошло на III сессии восьмого созыва Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, работавшей 8-12 октября 1924 года в г. Харькове (столица Украины с 1918 по 1934 год). После этого А. Л. Гринштейн был назначен на должность постоянного представителя Молдавской АССР при правительстве УССР. Одновременно он продолжил работать в Наркомфине Украины.

А. Л. Гринштейн являлся убежденным троцкистом, открыто высказывался во второй половине 20-х годов в поддержку Л. Д. Троцкого. За это по инициативе И. И. Бадеева был снят с должности постоянного представителя МАССР при правительстве Украины. В 1928 г. он исключен из партии за принадлежность к оппозиции. По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 25 января 1929 г. за антисоветскую деятельность был заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на 3 года. 14 декабря 1931 г. срок заключения А. Л. Гринштейна продлен на 2 года, а 22 ноября 1933 г. он был выслан в Казахстан на 3 года. Проживал в г. Алма-Ата. Был арестован первым отделом СПО УГБ УНКВД 9 января 1935 г. Обвинялся по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Был осужден 10 сентября 1937 тройкой при УНКВД по Дальстрою к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован посмертно².

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1522. Л. 105.

² <http://rosgenea.ru/?alf=4&serchcatal=%C3%F0%E8%ED%F8%F2%E5%E9%ED&r=4;>
[http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5803.](http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5803)

*Кушнир Жозефина,
доктор филологии*

ВЫБОР ГОСПОДИНА ФОН ЛЕВЕНДАЛЯ, ИЛИ К ВОПРОСУ О КИШИНЕВСКОМ ПОГРОМЕ 1903 ГОДА

Информация о погроме 1903 года – а ей в этом году тоже исполняется 110 лет – являет собой поистине невообразимую смесь правды и лжи, материалов, уже адекватно осмысленных, и материалов, настоятельно требующих адекватного осмысления, но даже еще не идентифицированных в этом качестве.

Существуют самые различные подходы к теме погрома. Неизменным остается одно: прямо или косвенно, осознанно или нет, любым исследователем оказывается затронут этический аспект, аспект выбора того или иного человека между добром и откровенным злом.

Это неудивительно. Погром 1903 года – тяжелый сбой в этической эволюции человечества, происшедший в один из наиболее важных ее моментов¹. Сбой, повлекший за собой катастрофические последствия, которых никто из его устроителей сознательно не желал и не ожидал.

В данной статье мы ограничиваемся задачей выявить механику погрома через рассмотрение действий одного из людей, погром осуществлявших. А точнее – проявить внимание к моменту выбора,

¹ Конец XIX – начало XX века – это Второе осевое время, когда открытие индивидуального начала и его сакральности уже стало общим достоянием человечества. Напомним: К. Ясперс назвал «осевым временем» период около 500 лет до н.э., когда «произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью», представляющее собой важнейший интеллектуально-духовно-этический «скачок» «человечества в целом», но тогда еще не ставшее «общим достоянием» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва, 1991. С. 32-33).

Наша экстраполяция идеи К. Ясперса включает в себя не только упомянутое Второе, но и Третье осевое время (вторая половина XX – начало XXI века) – когда человечество осваивает информацию о сакральности индивидуального начала на уровне широкого практического применения. (См.: Кушнир Ж. Обучение творческой свободе как необходимый компонент современного гражданского воспитания // Активные методы гражданского образования. Комрат, 2013. С. 131-139).

к «точке перехода», определившей действия этого человека. Именно такой подход к этическим проблемам, мы полагаем, продуктивен; ведь внимание, проявленное к «точке перехода», снимает иллюзию предопределенности зла.

Для самого субъекта мотивация его негативного выбора может выглядеть как угодно: от завуалированной до очевидной.

1. Имя господина Левендаля

Как повествует краевед, молодой Левендаль сначала служил «в артиллерии, затем в корпусе жандармов. Перемена службы была связана с материальными мотивами (в корпусе жандармов платили больше)»¹.

Напомним: Отдельный корпус жандармов был политической полицией. Видимо, поэтому семья расценила практичный шаг молодого офицера не более и не менее, как «точку перехода» к служению злу. И приняла все меры, дабы его отрезвить: чете Левендалей немедленно, хоть и «мягко было указано на нежелательность их появления на семейных журфиксах»².

Далее барон всю жизнь обходился уже без журфиксов, но зато: «Дослужился до чина полковника»³.

Причем поворотной точкой в его карьере стала именно организация погрома в Кишиневе.

Итак, все, что фон Левендаль сделал, было вполне осознаваемым поступком. Мотивация его выбора, как мы видим, крайне банальна (деньги, ради которых он был готов на многое; карьера).

Но исследователям погрома этот человек до сих пор предстает окутанным тайной. Даже имя его, даже инициалы почему-то не называются; звучат лишь фамилия и титул. Так, Э. Джадж обозначает его как «наиболее таинственного» из «всех официальных лиц в Кишиневе»⁴ и называет «барон Левендаль».

Вся таинственность барона, однако, объясняется простым фактом: «Левендаль прибыл как представитель Особого отделения в Департаменте полиции Министерства внутренних дел»⁵.

¹ Лаврентий Николаевич Левендаль // www.kazy.narod.ru/r/Persons/Levendal_LN.htm

² Там же.

³ Там же.

⁴ Джадж Э. Пасха в Кишиневе: Анатомия погрома. Кишинев, 1998. С. 50.

⁵ Там же.

События же с таинственным его участием – в самом общем их виде – разворачивались так.

Прибыл Левендадь в Кишинев как глава только что созданного министром Плеве Бессарабского охранного отделения. Прибыл он в декабре 1902 года и над чем-то трудолюбиво, неотрывно работал.

А в апреле разразился погром.

Летом 1903 года Левендадь был щедро награжден повышением в должности и переводом в Киев. Итак, пробыл он в Кишиневе недолго, но эффективно – судя по награде. Ничего значительного, кроме погрома, повлекшего за собой жертвы и разрушения, в период службы Левендадя здесь не произошло.

Отметим также: инициалы и имя-отчество таинственного Левендадя неизвестны лишь тем, кто ограничивает себя материалами, целиком посвященными погрому 1903 года¹. А в других источниках эти данные имеются. Например, «Комментарии» к «Запискам» С. Урусова сообщают читателю: «барон Л. Н. Левендадь» возглавлял «Кишиневское охранное отделение», а «летом 1903 года» его на этом посту сменил П. Заварзин². Полное имя Левендадя Лаврентия Николаевича, вместе с пояснением: «начальник бессарабского губернского охранного отделения, один из главных организаторов кишиневского погрома 1903»³, – приведено в справочнике Л. Л. Полевого. Биография Л. Н. Левендадя (1874-1918) имеется на краеведческом сайте⁴.

А вот в сковывающих рамках постпогромных обстоятельств имя усердного барона не упоминалась. Весьма неробкий князь С. Д. Урусов, отлично знавший имя Левендадя, предпочитал даже фамилию его в своих «Записках губернатора» (Москва, 1907; Берлин, 1908) обозначать лишь буквой «Л.».

2. Место действия: бессарабская идиллия

В Кишиневе к выбору Лаврентия Николаевича вдруг примешались необычные обстоятельства. Они до сих пор малоизвестны, хо-

¹ Напр.: Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. 1. Петроград, 1919. (Далее сокращенное обозначение: МИАПР).

² См.: Хайлова Н. Б. Комментарии // Урусов С. Д. Записки. Три года государственной службы. Москва, 2009. С. 723.

³ Полевой Л. Л. Русские евреи. Аналитический справочник // <http://archive.is/TFOP>

⁴ Лаврентий Николаевич Левендадь // www.kazy.narod.ru/r/Persons/Levendal_LN.htm

тя и были засвидетельствованы большим числом людей под протокол¹, что нечасто случается с метафизической информацией.

В Кишиневе никакой межэтнической вражды исстари не было, зато была межэтническая гармония. Такая вот интересная особенность пространства.

«<...> ирландские и американские путешественники, которые посетили город сразу же после побоища <...> увидели плодородную и процветающую землю, где традиционно существовали добрые отношения между основной частью населения и довольно многочисленным еврейским меньшинством, по-настоящему добрые, ибо, когда в 1881-1883 годах по всему югу России прокатились погромы, бессарабские крестьяне отказались принять в них участие. “Если царю угодно убивать евреев, – говорили они, – то для этого у него есть армия. Но мы не станем избивать евреев”»².

Доктор Слуцкий характеризовал здешние межэтнические отношения как «умилительные»:

«Существовала ли до погрома вражда между христианами и евреями? Я категорически утверждаю, что никаких признаков такой вражды не было, как я об этом указывал в предисловии. Могу лишь добавить следующее. Я много лет жил в своем доме недалеко от

¹ См., напр., следующие выдержки из протоколов допросов от 18 апреля 1903 г. Свидетельствует Иезекиль Мучник, врач:

«Как уроженец г. Кишинева, получивший здесь первоначальное и гимназическое образование, как врач и общественный деятель, работающий в городе непрерывно, начиная с 1886 года, должен констатировать, что раньше о расовой, религиозной или национальной вражде здесь не было слышно. <...> Это видно уже из того, что после издания Временных правил 1882 года многие деревни просили об оставлении у них “жиданов” (евреев), указывая на то, что без них им невозможно обойтись. Не было этой национальной розни и в городском населении, что лучше всего доказывает отсутствие всяких столкновений в памятные голодные годы, когда эта вражда, имея она место, скорей должна была прорваться». См.: Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов. Кишинэу: Ruxanda, 2000. С. 236. (Сокращенное обозначение далее: КП1903Г).

Свидетельствует Виктор Иванович Шмитов, дворянин, православный: «Я, живя в Кишиневе с 1870 года уже 33 года и сталкиваясь по моей деятельности с евреями и русскими и их взаимными интересами, не замечал, чтобы между этими жителями Бессарабии были вражда и антагонизм, <...> и бывший погром, по моему мнению, нельзя приписать этому». См.: КП1903Г. С. 234.

² Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». Москва, 1990. С. 71-72.

окраин и в качестве врача часто ездил как к живущим там христианам, так и евреям и часто бывал свидетелем таких умильных сцен: на квартире тяжело больного еврея я заставлял соседей христиан, которые поддерживали больного, когда я его исследовал, сопровождали меня при выходе и интересовались исходом болезни, прибавляя: “Дай Бог, чтобы он выздоровел, хороший человек”»¹.

3. Удары по бессарабской идиллии

Такой феномен, как межэтническая идиллия, неизбежно должен был подвергаться ударам в условиях государства, во главе которого находился самодержец-ксенофоб. Подобные чувства Николая II к евреям, армянам, полякам, финнам, японцам и т.д. для историков не тайна. А его хвалы Союзу русского народа ужаснули даже Суворина. Поскольку отношение самодержца к евреям было особенно жестким, то тех из его подданных, кто был неразборчив в средствах, это провоцировало на юдофобские проекты.

Министр внутренних дел Плеве, стремившийся продвинуть свою карьеру, выслужился перед царем именно таким образом. Его проект погрома, который предусматривал разрушения и жертвы, был явно или неявно одобрен Николаем и очень явно им подстрахован: иначе к организаторам применили бы законные санкции. Вместо этого имели место поощрения. Этот преступный акт был продиктован самодержцу его безоглядной нерассуждающей верой в эффективность разрушения, которая в итоге и привела к гибели все, что император любил: его семью и его империю².

Да, по сравнению с императором-ксенофобом и беспринципным министром барон, лишенный семейных журфиксов, фигура малозначительная. Но мы – вслед за доктором М. Слуцким – полагаем справедливым, чтобы стали общеизвестны имена и мотивы всех основных организаторов и исполнителей погрома 1903 года.

¹ Слуцкий М. Б. В скорбные дни. О погроме 1903 года. Кишинев, 1930. С. 34.

Моисей Слуцкий был главврачом еврейской больницы, куда свозили искалеченных и мертвых жертв погрома и куда погром не ворвался лишь чудом и еще потому, что доктора Слуцкого все в Кишиневе привыкли глубоко уважать. М. Слуцкий противостоял погрому сначала в качестве врача, а затем в качестве «диагноста» погрома. См.: Слуцкий. Указ.соч.

² Подробнее см., напр.: Геллер М. Я. История Российской империи. В трех томах. Москва, 1997. Т. 3; Витте С. Ю. Воспоминания. В 3-х т. Москва, 1960. Т. 2., Т. 3.

Одним из тех, кого спровоцировал антисемитизм самодержца, был некий Павел Крушеван. Приоритет атаки на бессарабскую идиллию по справедливости принадлежит ему.

Когда-то Крушеван был мелким акцизным чиновником в Сороках. Затем стал «публицистом-«ищейкой»¹ в газете «Виленский вестник». Побывал он и литератором: крушеванские «“Миллионы”», например, спровоцировали большой скандал, т.к. некоторые персонажи были идентифицированы современниками, а многие описанные в романе факты совпадали с реальными случаями»².

Хотел Крушеван солидного успеха и вдобавок верил, что безоглядная готовность к низости – его залог. А толку все не было.

Недоучившийся гимназист, солидную карьеру на официальном поприще он сделать не мог. Книги его печатались и издавались, а желанного успеха тоже не принесли. На текстах Крушевана в полной мере сказывалась художественная, интеллектуальная, духовная ограниченность автора, от которой тот и не пытался избавиться.

Как успех можно было рассматривать благодарственное письмо Крушевану от Министра Народного Просвещения, отправленное по поручению самого Николая II: «Государь Император <...> Всемилостевейше соизволив на принятие экземпляра изданной Вами книги под заглавием “Что такое Россия?”, Высочайше повелел благодарить Вас, Милостивый Государь, за означенное подношение»³.

Книгу Крушеван писал именно в расчете на предполагаемые вкусы императора. Под видом путевых заметок автор прозрачно выстраивал мировую человеческую иерархию⁴. На самом верху находился «великоросс»: он неподражаемо выговаривал слово «чего-с?», а грубость его по отношению к какой-нибудь там француженке

¹ Газетчик, под видом фельетонов промышлявший доносами «то на лавочника, то на кабатчика, то на мелкого служащего»; исполнитель этой жесткой разновидности скандальной хроники. См.: Сиг. Паволакый Крушеван. Одесса, 1903. С. 13.

² Ижболдина И. Павел Крушеван в русской литературе Бессарабии. Жанровое многообразие и структурно-стилистические особенности художественной прозы // *Revista de Etnologie și Culturologie*. Chișinău, 2010. Vol. 7. С. 87.

³ Цит. по: Беринский. Несколько напоминаний к не совсем круглой дате // *Кодры*. Молдавия литературная. 1989. №3. С. 145.

⁴ Из указанной книги П. Крушевана Л. Беринским осуществлена весьма выразительная выборка цитат; ее можно рекомендовать для ознакомления с вопросом; она используется нами далее в данном абзаце. См.: Беринский. Указ. соч. С. 144.

или мусульманам-возницам была исполнена очарования¹. Рангом помельче и поплоче, но все же «братьями» его славянскими представляли «малоросс», «белорус» и поляк. Поляку настойчиво предлагалось «слиться тесней» с помянутой вершиной мироздания; что подразумевалось под этим «слиться» – не уточнялось, но «чем скорей, тем лучше». Несколькими рангами ниже в крушеванской иерархии помещались англичане, немцы и французы, умеренно отвратительные. Еще ниже – умеренно гадкие калмыки, татары и прочие. Неграм была доверена честь стройную крушеванскую иерархию замыкать. Ниже негров, по Крушевану, находились лишь обезьяны. Автор зачем-то приглашал читателя перед помянутой иерархией «преклониться»². А вот вне иерархии, не располагая в крушеванском мироздании даже правами обезьян, пребывали евреи – отвратительные неумеренно, вредные для человека и обреченные на самую жалкую участь. А именно: с передовых позиций дарвинизма, евреи являлись левой рукой человечества и потому должны были вообще атрофироваться. Неизбежность этого труднопредставимого бедствия доказывалась печальным, но очевидным, с точки зрения Крушевана, фактом – полным отсутствием у евреев каких-либо проявлений творческой деятельности³.

Если верить Крушевану, сходным пороком страдал и Лев Толстой. Во всяком случае, в своей газете «Бессарабец» пылкий редактор написал, адресуясь к Толстому: «Вы – идиот!... Вы – бездарность!... Вы пишете без всякого воодушевления»⁴.

В «Бессарабце» Крушеван отрабатывал не всю гамму этих приятных самодержцу убеждений, а лишь «еврейскую» ее часть: в многонациональной Бессарабии идея второсортности «всех» по сравнению с «великороссом» к массовому энтузиазму взывать не могла. Впоследствии, однако, выход был найден: всех, кто не евреи, Крушеван приглашал считать себя «истинно русскими» и не-

¹ Крушеван П. Что такое Россия? Путевые очерки. Москва, 1896. С. 78, 107-108.

² Крушеван пишет: «Наиболее близкое сходство и по черепу, и по объему мозга, и по анатомии – существует между обезьяной и негром, а затем между обезьянами и желтой расой. Наименее близок к обезьяне – представитель белой расы. Это факт, перед которым остается только преклониться». Цит. по: Беринский. Указ. соч. С. 144.

³ Подробнее см.: Крушеван П. Указ. соч. С. 17, 355-365.

⁴ Цит. по: Сиг. Указ. соч. С. 21.

навидеть евреев; всех, кому хоть что-нибудь в этом не нравилось, приравнивал к евреям; а все евреи могли считать себя покойниками в отпуске¹.

С легкой руки императора, подобная тональность расценивалась в Главном управлении по делам печати как «здоровое направление»². Газету поэтому не закрывали, и постепенно она сформировала свою публику.

В 1902 году редактор отличился, обрушив на евреев кровавый навет – клевету, давно нигде не практиковавшуюся. Крушеван ее реанимировал: заявил, будто юноша, найденный мертвым в колодеце, был убит евреями в ритуальных целях. Убийцу тогда быстро нашли и навет Крушевана не сработал.

¹ С 1905 года эти тезисы активно поддерживались деятельностью Союза русского народа, который осуществлял разнообразные убийства невинных людей, причем щедро финансировался Николаем II и последовательно выводился им из-под действия законов, карающих убийц (см., напр.: Витте. Указ. соч. Т. 3. С. 180). Разлакомившись, «союзники» подумывали об убийстве самого Николая II (см.: Ганелин Р. От черносотенства к фашизму // *Ad hominem*. Памяти Николая Гиренко. СПб., 2005 // http://ec-dejavu.ru/b-2/Black_Hundred.html). Их политика сыграла несомненную роль в гибели монархии, причем: «Царизм субсидировал “союзников” как бы специально для того, чтобы быть ими обманутым», – пишет удивленный историк (см.: Ганелин Р. Царизм и черносотенство // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни: Сборник. М., 1993. Он-лайн: <http://www.memo.ru/hr/referats/hatespch/index.htm>).

В 1905 году Крушеван возглавил бессарабское отделение Союза русского народа. И наконец-то решил свои финансовые проблемы, а также удовлетворил аристократические притязания. Ранее на свое «Прошение “ищущего дворянства”» он получил лишь четкий «отказ “по недостаточности вошедшего в состав одного документов на дворянство рода Крушеванов”» (Беринский. Указ. соч. С. 143). А в 1907 году, вопреки «недостаточности документов», Крушеван стал счастливым обладателем новехонького официального свидетельства о своем потомственном дворянстве (см.: Colesnic I. *Basaribia necunoscută*. Vol. 3. Chişinău, 2000. С. 35).

² «Авторитет Крушевана в глазах его читателей <...> поддерживался явным покровительством, оказываемым ему в Главном управлении по делам печати, результатом чего было бессилие местной администрации умерить его юдофобский пыл. Преследования против него управлением возбуждались вяло, а к жалобам его на местную цензуру там прислушивались охотно, и мне самому пришлось услышать от начальника Главного управления по делам печати, сенатора З[верева] мнение, что направление и деятельность Крушевана имеют здоровую основу и что прекращение его издания с правительственной точки зрения нежелательно». (Урусов С. Д. Записки. Три года государственной службы. Москва, 2009. С. 406).

Но в результате националистических стараний Крушевана и особенно кровавого навета в 1902-м Плеве и выбрал для погрома Кишинев. Здесь было кому идеологически обслуживать процесс и при необходимости принять на себя славу погромного организатора вместо Плеве.

О том, что Кишинев – пространство идиллии, Плеве либо не знал, либо не придал этому значения.

Между тем, некоторый риск имелся. А вдруг Левендаль внезапно впечатлится идиллией и откажется ее разрушать? Подастся опять в артиллерийские офицеры и будет допущен к журфиксам? А вдруг похожее начнет происходить с каждым, кого Плеве станет назначать на это место? А вдруг сам Плеве заедет в Кишинев узнать, что творится, и неожиданно поймет: карьера не стоит кровавых преступлений?

Ничего этого, впрочем, не произошло.

Но для организации погрома на территории, столь неудобной для указанной акции, Левендалю, конечно, пришлось потрудиться.

4. Труды господина Левендаля

Была ли кровавая акция 1903 года организована сверху, в угоду царю? И действительно ли барон Левендаль стал ее главным организатором здесь, на месте событий?

На первый вопрос ответ существует давно. Он дан еще князем Сергеем Урусовым в его знаменитой речи, которую современники прозвали «крылатым словом»¹.

Урусов произнес эту речь 8 июня 1906 года перед коллегами по Государственной думе, фактически выявив ту типовую схему, по которой в России начала XX века организовывались «так называемые погромы»², на самом же деле – акции, заказанные Николаем II и замаскированные под стихийные беспорядки.

¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. Москва, 2000. С. 398.

² Урусов. Указ. соч. С. 667.

Шквал аплодисментов, которым Дума встретила его «крылатое слово», был данью уважения человеку, умудрившемуся виртуозно выговорить правду и этим не совершить самоубийства¹.

Поразительно, что в современных нам публикациях о погроме 1903 года ссылки на речь Урусова почему-то, как правило, отсутствуют² – как если бы ее содержание было вообще неизвестно авторам! Но ведь историк, исследующий проблематику погрома 1903 года, не может не знать о сути связанных с ней фактов, имевших место в 1906 году.

Именно выявленные князем Урусовым типовые моменты организованного властью погрома и обеспечивались в Кишиневе бароном Левендалем. Конечно, лишь те, что были в сфере его компетенции. Перечислим главные из них.

1. «Погрому всегда предшествуют толки о нем».

2. Толки о погроме всегда сопровождаются «широким распространением воззваний, возмущающих население», или «воззваний погромного содержания», которые изготовлены сотрудниками Департамента полиции.

3. «<...> в действиях погромщиков усматривается своего рода планомерность».

¹ Более того, Урусов умудрился в своей речи фактически, хоть и неявно предложить Николаю II выход из погромного тупика. А именно: все погромные преступления Николая II будут забыты, но он, «Верховная власть», больше не должен позволять «неведомым темным силам» направлять себя по гибельной дороге. (См.: Урусов. Указ. соч. С. 671). Николай II, лично знавший Урусова, сказал как-то о тексте его телеграммы: «Это писал добросовестный человек» (Там же. С. 596). Выход из грядущей опасности Николаю подсказывал тот же добросовестный человек. Но к подобным призывам последний император России был глух; к «темным силам» же благосклонен. Отмечая тяжкую губительность этого личного произвольного (хоть и под нажимом императрицы) выбора Николая II как для судеб России, так и для самого государя, граф С. Витте с горечью пишет: «Подумаешь, отчего зависят Империя и жизни десятков, если не сотен миллионов существ, называемых людьми» (Витте. Указ. соч. Т. 3. С. 287).

² Так, речь С. Урусова (8 июня 1906 г.) в Госдуме отсутствует в объемной библиографии к монографии о кишиневском погроме 1903 года профессора Э. Джаджа. Необъяснимо проигнорировав столь важный источник, исследователь получает возможность сделать крайне ошибочные выводы (о причинах погрома 1903 года; о характере виновности российского МВД) и вдобавок гордиться, что они отважно противостоят «долго сохранявшейся теории» (Джадж. Указ. соч. С. 189).

4. Погромщики всегда «действуют в сознании какого-то права, в сознании какой-то безнаказанности».

5. Погромщики «действуют лишь до тех пор, пока это сознание не будет в них поколеблено, после чего погром прекращается необыкновенно быстро и легко. Это всегда так бывает».

6. Численность жертв строго регулировалась; в беспределе, который творит государство, всегда присутствует контроль. Урусов упоминает скандальную ситуацию в 1906 году, когда в Департаменте полиции была обнаружена типография, печатавшая погромные воззвания, которые затем развозились полицией в заранее запланированные для погромов города России: «<...> когда лицо, открывшее эту типографию, обратилось с вопросом к Комиссарову об успехе дела, он ответил: “Погром устроить можно какой угодно; хотите на 10 человек, а хотите и на 10 тысяч”. Это фраза историческая».

7. «У кого-нибудь из служащих жандармского, и чаще охранного, отделения вдруг появлялись какие-то особые суммы, к нему начинали ходить неизвестные люди, из числа тех, о которых я упоминал ранее (из числа “подонков населения” – Ж.К.)»¹.

Эта картина целиком соответствует погрому в Кишиневе. Что же касается причастности к ней Левендаля, то доказательства имеются лишь косвенные, зато весомые.

В Кишиневе барон «появился в конце 1902 года и был переведен в другое место менее чем через десять месяцев»².

Другими словами, явился примерно за четыре месяца до погрома и покинул Кишинев тогда, когда стараниями нового губернатора С. Урусова ситуация в постпогромном городе обрела стабильность.

Чем бы Левендаль эти десять месяцев ни занимался, он делал это хорошо и получил справедливую награду: «он получил хорошее место в управлении киевского генерал-губернатора Клейгельса»³.

Кое-что из его деяний того периода, впрочем, тайной не является: «Подозрительны и любопытны для данного вопроса были в нем (Левендале – Ж.К.) две черты: во-первых, близость к Пронину и, во-вторых, начет казенных денег, который был произведен на него

¹ См.: Урусов. Указ. соч. С. 667-671.

² Джадж. Указ. соч. С. 50-51.

³ Урусов. Указ. соч. С. 408.

по оставлении им должности и в котором он не смог оправдаться. Тем не менее, его карьера не пострадала»¹.

Стало быть, Левендаль либо украл казенные деньги, либо истратил их неудобосказуемым, но предписанным Плеве образом. Вора, однако, хорошей должностью не награждают. Значит, эти деньги были теми «особыми суммами», которые, по наблюдениям Урусова, появлялись у служащих охранного отделения, когда к ним начинали частенько заходить агенты, организующие погром.

С этим вполне корреспондирует и информация о контактах Левендаля с Г. Прониным – одиозной фигурой, чья роль в подготовке погрома несомненна (властям лишь с трудом удалось избавить Пронина от заслуженной судебной ответственности²).

О контактах Левендаля с Прониным и с неизвестными личностями знали и хозяева дома, где по приезде в Кишинев поселился Левендаль: «Он (Левендаль – Ж.К.) приехал в Кишинев в декабре 1902-го года и поселился в доме С. Ландау по Александровской улице. Хозяева дома знали, что он назначен начальником охраны, они видели, что к нему приходят какие-то неизвестные люди, что к нему заходит Пронин, но им, конечно, не приходило в голову, с какою миссией он приехал»³.

Среди этих посетителей был и некто Г. Драчинский, который 20 ноября 1903 года пришел к прокурору Горемыкину и заявил, что апрельский погром организовали агенты Левендаля:

«Григорий Александрович Драчинский <...> секретно заявил, что он был знаком с бароном Левендалем, который нуждался в деньгах. Показателю известно, что агенты Левендаля сами устроили еврейский погром <...>. Верность сего показания Драчинский готов подтвердить Прокурору Судебной Палаты, даже в присутствии барона Левендаля»⁴.

Горемыкин выяснил: «Драчинский состоял у Бар. Левендаля секретным сотрудником», а затем предложил свои услуги П. Завар-

¹ Урусов. Указ. соч. С. 408.

² См.: Там же. С. 403.

³ Слуцкий. Указ. соч. С. 54.

⁴ МИАПР. С. 319.

зину (новому главе местной охранки), но, получив отказ, решил своим доносом в прокуратуру охранке отомстить¹.

Прокурор Поллан, исходя из того, что «в заявлении Драчинского указывается на неправильные по службе действия б. начальника Кишиневского охранного отделения Барона Левендаля», счел нужным «препроводить это заявление, на точном основании 1085 ст. уст. угол. суд., на распоряжение командира корпуса»². Но, как уже было сказано, Левендаль получил лишь повышение за свою кишиневскую деятельность.

Никаких революционных организаций Левендаль не разоблачил. Его делами в Кишиневе могли быть лишь организация погрома и общее наблюдение за его последствиями.

Погромные «толки» и «воззвания» возникли здесь после прибытия фон Левендаля и – вкуче с действиями крушевского «Бессарабца» – обеспечили погром идеологически³.

Особо остановимся на «исторической фразе» о четко запланированном числе жертв погрома.

В случае Кишинева 1903 года этот факт явил себя особенно ярко: именно в связи с ним Левендаль оказался вынужден практически открыто «засветиться». Иначе норма убийств оказалась бы недополнена. Истребляемая идиллия внезапно явилась, откуда не ждали, и чуть не прикрыла обреченных Левендалем людей от убийц.

Сперва события разворачивались по плану. 7 апреля небольшие – человек по 10-15 – отряды погромщиков, предводительствуемые агентами Левендаля и однотипно вооруженные (ломики, дубинки), методично расправлялись с городом: было предписано насмерть

¹ См.: МИАПР. С. 322-323.

² Там же. С. 318.

³ И так удачно, что некий М. Тимошук сообразил: явилась возможность безнаказанно убить 14-летнего племянника Мишу, исколоть труп ребенка ножом, имитируя провозглашаемый «Бессарабцем» кровавый еврейский ритуал, и присвоить возделенное наследство Миши. В другой обстановке профессионалы быстро выявят корыстного убийцу-родственника; а вот при подготовке к погрому начальство им этого категорически не позволит. Расчеты Тимошука оправдались – вопреки всем уликам, добытым сыщиком К. Матвеевым, вопреки всем усилиям прокурора А. Поллана отдать уличенного убийцу под суд. Так Миша Рыбаченко, нееврей, пал первой жертвой проекта кишиневского погрома 1903 года. Подробнее см.: Кушнир Ж. По следам Дубоссарского дела (преддверие кишиневского погрома 1903 года) // Проблемы истории и права евреев Молдовы. Кишинев, 2011. С. 23-42.

проламывать головы евреям-мужчинам, старикам и подросткам в том числе. Во избежание особого возмущения общественности, Левендаль рекомендовал своим наймитам: убивать, особо не изощряясь; не убивать женщин и детей; не издеваться над трупами убитых. Этими рекомендациями убийцы зачастую пренебрегали, что было неизбежно. Задача по возможности отрицать их особые зверства возлагалась на суд и постпогромную прессу («Бессарабца» и «Знамя» Крушевана; при необходимости – «Новое время» Суворина).

Списками еврейских адресов убийц снабдили заранее; но поручили заранее уточнить, обходя город, нет ли каких изменений¹.

Полиция «магическим образом» была извещена своим начальством (Плеве и Лопухиным) о том, что должна ни в чем не препятствовать погромщикам, но неукоснительно разоружать и разгонять еврейскую самооборону – если понадобится, при помощи войск. Евреев следовало заставить встречать смерть дома, посемейно, пусть и со всей отвагой². Полиция и войска сумели это, в общем, обеспечить. Хотя не без отдельных удач сопротивляющихся и даже не без бессильного негодования со стороны ряда офицеров³.

В результате этой четкой организации город превратился в арену массовых убийств.

Многие неевреи прятали у себя дома евреев – соседей и друзей, хотя знали, что рискуют за это поплатиться⁴; но всех не спрячешь.

Эффективно остановить гекатомбу мог – кроме Левендаля – лишь один человек. Бессарабский губернатор фон Раабен имел право отдать приказ войскам, чтобы те остановили погромщиков. Это

¹ «На ту же предварительную подготовку указывает и случай в доме Дубины (сообщенный на суде свидетелями Карлом и Александром Шмидтами), когда на возражение хозяев, что в доме живут исключительно русские, один из погромщиков вынул записную книжку и спросил: а разве это не дом № 7? Здесь же следует отметить и сообщение на суде Александра Шмидта о том, что за несколько дней до погрома в доме, где проживала г-жа Паризо, являлись неизвестные лица и справлялись, не живут ли здесь евреи» (КП1903Г. С. 337).

² К примеру: «В доме Коваля жил сам хозяин дома с женой и дочерью, приехавший в гости жених дочери, только что возвратившийся с военной службы, и еще несколько евреев. <...> Попытки защищаться ожесточили погромщиков, и Дувид, жена его, дочь, ее жених и еще 3 еврея были убиты» (Слущкий. Указ. соч. С. 26).

³ См., напр.: КП1903Г. С. 71, 333-334.

⁴ «<...> городской Бодан предупреждал молдаван, что “если у них во время погрома найдут евреев, то и им будет, как евреям”» (КП1903Г. С. 401).

было даже оговорено и разъяснено будущим убийцам заранее: едва войскам начнут подвозить патроны, погромщикам разбегаться и погром прекращать.

По закону губернаторы не были подчинены Плеве. А на практике очень старались не портить с ним отношений. Фон Раабену намекнули, чтобы в погром не вмешивался: все под контролем Левендаля. Губернатор и не вмешивался. Дома сидел или в клубе в карты играл.

Наступил, однако, момент, когда фон Раабен, добродушный по природе, не устоял перед мольбами своих зверски убиваемых сограждан и готов был сесть в экипаж и отправиться на их защиту. Но, пока экипаж закладывали и готовили для выезда, к губернатору вдруг явился Левендаль и потребовал конфиденциальной беседы. (Вероятно, его человек следил за действиями губернатора). Их встреча была недолгой. После нее фон Раабен почему-то уже никуда не поехал, а погром – с раздроблением голов дубинами – продолжался.

Для доктора Слуцкого все это выглядело так:

«А губернатор, как мне доподлинно известно, оба вечера 6-го и 7-го апреля провел в клубе за картами. Утром 7-го апреля нашлись смельчаки, которые, оставив свои дома и семьи, пришли к дому губернатора. Пристав Козловский, встретив их, заявил, что губернатор еще спит. <...> Тогда бросились к вице-губернатору Устругову, но и от него получился ответ, что ничего сделать не может, что все зависит от губернатора. И толпа евреев с риском для жизни вновь направилась к губернатору. К ним присоединились доктор Мучник, адвокат Кенигшац и раввин Этингер. На сей раз губернатор вышел и заявил, что сейчас едет в город и примет меры, и действительно приказал заложить экипаж. Когда запряженный экипаж стал у подъезда, явился начальник охранного управления Левендаль и зашел к губернатору. О чем он говорил с губернатором, неизвестно, но после ухода Левендаля последовало распоряжение распречь лошадей, и губернатор велел передать собравшимся евреям, что не может отойти от телефона, ибо должен по телефону отдавать распоряжения. Стоял ли он у телефона, неизвестно, но что никаких распоряжений не последовало это факт. Впрочем, для охраны банков, почтово-телеграфной станции, водопровода и присутственных

мест были приняты меры; только об охране мирных граждан никто не подумал»¹.

Левендаль с фон Раабеном в такой ситуации могли не думать об охране мирных граждан при одном условии: порученный Левендалю проект лишь в том и заключался, чтобы определенное число этих граждан кроваво истребить.

Когда же к вечеру 7 апреля основная норма убийств была выполнена, фон Раабену больше не препятствовали отдать приказ войскам о прекращении погрома.

Свидетель Евгений Кенигшац под протокол (18 апреля 1903 г.) сообщает следователю о том, как это все в целом выглядело:

«Особое неистовство и жестокость громил и разбойников, избивавших дубинами, концами водопроводных труб и ножами, проявлялось в чудовищных размерах вследствие отсутствия каких-либо мер к прекращению возникшего бесчинства и погрома. Грабители и убийцы, <...> не встречая преград и сопротивления извне, совершенно озверели и превратились в палачей, глумившихся и издевавшихся над своими жертвами. Достаточен один внешний осмотр десятков убитых и сотен тяжело раненных, чтобы выяснить, до каких пределов дикой, неслыханной жестокости дошла ничем не сдерживаемая толпа. Обзор домов, где разрушены печи и потолки, вид всех погромленных лавок и квартир, где крупные предметы обстановки и товара превращены в щепы и мелкие клочки, указывает, как широк был простор для действующих грабителей и как свободно они могли распоряжаться в сотнях уничтоженных ими помещений.

<...> в 6 часов вечера в понедельник <...> разрешено было стрелять, дерзкие разбойники, насильники <...> исчезли отовсюду, и войскам, призванным, наконец, от простого присутствия при <...> кровопролитии приступить к действию, не оказалось надобным выпустить ни одного патрона, не обнажить ни одной сабли. Не было уже с кем вести борьбу <...>»².

Предположим, выживший из ума, на диво непрофессиональный или же до невероятия трусливый губернатор почему-то не прини-

¹ Слуцкий. Указ. соч. С. 30-31.

² КП1903Г. С. 238-239.

мал никаких мер. Однако наблюдающий все это начальник охраны для спасения города не делает ничего.

Может быть, он обращался к губернатору, побуждая его к выполнению прямых его обязанностей, но не преуспел? Почему он тогда не сообщил обо всем начальству в Петербурге? У него тоже не принимали телеграмм, как их не принимали на почте у евреев?

Левендаля П. Заварзин (он впоследствии сменил коллегу на этой должности) описывает как «молодого, добродушного, глубоко заинтересованного в своей работе человека»¹.

Природное его добродушие – уместяющееся, впрочем, в рамках его выбора и ни на миллиметр не большее – отлично гармонизировало в нем с практичностью. (Вспомним: о нужде Левендаля в деньгах, причем не к месту, говорил даже Драчинский). И эта практичность господина Левендаля предоставила нам еще одно косвенное доказательство его причастности к организации погрома.

«Когда вспыхнул погром, Левендаль успокаивал своих хозяев (евреев Ландау, хозяев дома на Александровской улице, где Левендаль, приехав в Кишинев, сразу поселился – Ж.К.), гарантируя им безопасность, и в дом Ландау стали стекаться с разных концов города их многочисленные родственники. Но если Левендаль гарантировал безопасность своим хозяевам “по знакомству”, то за приличную мзду, как говорили, он обеспечил безопасность некоторым богатым коммерсантам»².

Поразительно, но весь арсенал погромных зверств и подлости не смог окончательно уничтожить бессарабскую идиллию. Начать с того, что эта идиллия активно стремилась себя защитить; она целеустремленно сопротивлялась погрому: и евреи, и неевреи пытались противостоять подлой бойне всеми мыслимыми способами. О чем, к сожалению, сегодняшней ноосфере не известно практически ничего. Хотя свидетельств об этом множество: и исследовательских, и чисто документальных³. Всю эту информацию, однако, до сих пор пересиливает прямая клевета на людей Кишинева, которая, во-первых, целенаправленно распространялась министром Плеве, а во-

¹ Джадж. Указ. соч. С. 52.

² Слуцкий. Указ. соч. С. 54-55.

³ См., напр.: МИАПР; КП1903Г; Кишиневский погром 1903 года. Кишинев, 1993; Оклик через жизнь: К столетию кишиневского погрома. Тель-Авив, 2003.

вторых, была невротически воспроизведена поэтом Х.-Н. Бяликом в поэме «Город резни». Бялик, лично собиравший свидетельства о погроме, хорошо знал, что клеветает на погибших. Но поддался невротической иллюзии, будто его низкая клевета воодушевит остальных российских евреев, заставив их проникнуться идеей национального достоинства.

Чтобы остановить подонков, которые собрались угождать «царю-батюшке» погромами на каждый христианский праздник, Плеве прислал в растерзанный город нового губернатора, князя Урусова. И он вместе с кишиневцами, евреями и неевреями, сумел за несколько дней восстановить в городе атмосферу жизни. Это взаимное чудо было настолько явным, что князь проникся к людям Кишинева уважением и благодарностью.

5. Гибель господина Левендаля

Следствие и суд после массовых убийств в Кишиневе были проведены с вопиющими нарушениями законов, чтобы обеспечить максимальную безнаказанность убийцам. В мире поднялась буря возмущения, которая доказывала, что в начале XX века такого рода акции представлялись непозволительными. Однако свое дело погром сделал: массовые убийства в эпоху индивидуальности оказались возможны; психологическим следствием этого «черного ритуала» стали ужасы революционного и нацистского террора, гражданских и мировых войн XX века.

Судьба словно подчеркнула особое место трагедии 1903 года в этом печальном ряду. Нечасто бывает, что виновники массовых убийств тоже умирают насильственной смертью. Так случилось с Николаем II и с его министром Плеве (он погиб от бомбы террориста). Так случилось и с Лаврентием Левендалем. Возможно, он полагал, что ему не грозит никакое более суровое наказание, чем утрата журфиксов. Был, видимо, не в курсе некоторых закономерностей, проистекающих из служения злу. Иногда результаты такого служения лавинообразны. В 1918 году фон Левендаль оказался уничтожен («зверски убит»¹) властью большевиков, которая стала одним из последствий спровоцированных им процессов.

¹ Лаврентий Николаевич Левендаль // www.kazy.narod.ru/r/Persons/Levendal_LN.htm

*Боршевский Андрей,
доктор истории, и.о. конференциара*

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ЕВРЕЕВ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В БЕССАРАБИИ. ОТЛИЧИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА ЕВРЕЕВ И МОЛДАВАН

Чтобы понять настоящее, человечество всегда обращалось и будет обращаться к прошлому, к исторически апробированным культурным ценностям. И это не дань традиции, а естественная потребность каждого поколения. Поэтому с уверенностью можно отметить, что к исторически апробированным еврейским культурным ценностям относятся, в первую очередь, обычаи и традиции еврейского народа.

К сожалению, сравнительное исследование обычного права и правовых обычаев Бессарабии как источников правовой мысли до сих пор не привлекло к себе серьезного внимания. Между тем история развития любого этноса неразрывно связана с его обычным правом. Еврейский народ не исключение: далекие предки руководствовались своим обычным правом. Данный феномен, как аспект еврейской культуры, и является предметом нашего внимания.

История обычного права и правового обычая еврейского народа своими корнями уходит в глубокую древность. Свидетельством этому не только многочисленные мифы и легенды, но и письменные источники, прежде всего религиозные.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЫЧНОГО ПРАВА. Важную роль в жизни общества играли обычаи, которые в тот период являлись источниками права.

Обычай мог являться источником права лишь при следующих условиях:

а) он должен был содержать в себе юридическое воззрение, так как никакое другое воззрение не может породить права.

б) юридическое воззрение должно был неоднократно проявляться в действительности и, следовательно, соблюдаться в течение более или менее продолжительного времени. Чем больше случаев, в

которых проявилось одно и то же юридическое воззрение, тем легче судить о существовании обычного права; чем менее – тем труднее. Точно так же и относительно времени соблюдения можно сказать, что оно должно быть достаточно для того, чтобы юридическое воззрение проникло в сознание народа как право, и, разумеется, чем реже встречаются случаи применения какого-либо юридического воззрения, тем более нужно времени, чтобы это воззрение получило значение обычного права.

с) юридическое воззрение должно было проявляться постоянно однообразно; в противном случае не может образоваться обычай. Но это не значит, что каждое уклонение от юридического воззрения препятствует ему сделаться обычным правом. Напротив, если уклонение представляется в виде исключения, то тем самым указывается на существование обычного права.

d) обычай не должен был противоречить нравственности. Впрочем, это условие заключается уже в том, что обычай должен содержать в себе юридическое воззрение, которое и есть не что иное, как проявление нравственного закона.

В процессе развития производительных сил и производственных отношений еще в раннефеодальный период обычай становился правилом поведения, т.е. нормой. Обычай, став нормой, иногда санкционировался и в таком случае приобретал нормативно-правовой характер, становится правилом поведения различных социальных групп в силу не только привычки, но и сознания их обязательности, своеобразной святости и моральной обязанности, нарушение которых санкционировалось принуждением. Однако подобные обычаи могли регулировать отношения только до тех пор, пока не отмирали или не отменялись в связи с развитием классового феодального общества. Разделение труда в результате роста экономического и социального развития производственных отношений явилось причиной превращения обычая в норму.

Обычаи, исполнение которых обеспечивается принудительной силой, приобретали правовой характер. Достаточно было обычную форму поведения, установившуюся в обществе, наделить санкцией, чтобы она стала правовой.

Правовые обычаи – это исторически сложившиеся, более или менее устойчивые нормы общественного поведения людей, их об-

раза жизни и быта, которые передаются от поколения к поколению и охраняются силой общественного мнения, а затем санкционируются государством.

Признавая санкционированный обычай нормой права, государственная власть таким образом берет под защиту уже существующие, действующие правила общественного поведения, которые отвечают интересам правящего класса.

Обычай как источник права называется обычным правом. Оно представляет собой совокупность норм, которые вырабатываются в течение длительного времени в какой-нибудь общественной сфере и становятся юридическими, получив закрепление тем или иным способом со стороны органов государственной власти, обеспечивающих своей принудительной силой их закрепление и соблюдение.

Обычное право – это самая ранняя форма правовых отношений, которая, как господствующая и единственная, соответствует первоначальным ступеням классового общества. Развитие обычного права, как и права вообще, определяется общим ходом социально-экономического развития и отражает соответствующие общественные отношения. Поэтому можно без преувеличения сказать, что материалы обычного права являются одним из важнейших источников не только для освещения общеисторических и социологических проблем различных народов, но и для разрешения проблем развития права этих народов.

Нелегко установить точное определение для такого подвижного, многообразного и состоящего из разнородных элементов социального феномена, каким представляется обычное право. Казалось бы, просто определять его как право, которое не есть писанный закон, или как право, которое возникает помимо и независимо от закона. Но такое определение было бы слишком общо и только отрицательно: оно не давало бы никакого положительного признака и вводило бы в обычное право, не разделяя друг от друга, столь разнообразные явления, как внесудебная практика, юридическая доктрина и множество других фактов общественной жизни, обладающих чертами неписаного права, но вовсе непригодных для характеристики того, что составляет именно обычное право.

XIX век получил в наследие от предшествующей ему эпохи теорию едино-господствующего и единомогучего закона, всеохваты-

вающего собою и всеопределяющего. В корне этой теории лежало известное представление школы "естественного права" о разуме как конечном основании права, дающем своей собственной, т. е. чисто логической силой, начало всему праву. Поэтому право и считалось свободным и самостоятельным актом самосознющего законодателя, действующего вне объективных условий, а законодательство – идеалом всякого правообразования. Все, кроме закона, и в том числе обычное право теряло при такой субъективно-абстрактной точке зрения самостоятельное значение и выступало с характером зависимого и производного от закона факта. Поэтому и основание обычного права видели с этой точки зрения не в чем ином, как в санкции того же законодателя, и определяли обычное право как совокупность фактически существующих обычаев, за которыми, хотя и признавалось выражение народной воли, но юридическое значение приписывалось только санкционированной законом практике многократно и однообразно повторяемых действий.

О неправильности подставлять под обычное право санкцию законодателя мы уже говорили, а против понимания обычного права в смысле совокупности фактически существующих обычаев или привычек можно привести следующие соображения. Во-первых, с подобными привычками мы встречаемся и в животном мире, на который было бы странно распространять понятие обычного права, а во-вторых, представление об обычном праве как совокупности привычек не дает ответа на вопрос, почему некоторые обычаи, соблюдаемые в силу любезности, различных общественных склонностей и воззрений, не переходят в область права. Напр., обычный гонорар врача не дает этому последнему права на судебное осуществление этого гонорара свыше установленной таксы – так же, как и обычные подарки, получаемые на праздники детьми, супругами и другими лицами, не дают никому из них защищенного судом права на эти подарки. Правда, для признания фактически существующих обычаев обычным правом господствовавшая в Средние века и до начала XIX в. теория требовала, с одной стороны, упражнения обычая в течение определенного промежутка времени и переносила в это учение сроки, установленные для давности; с другой стороны, она настаивала и на доказательстве обычая той стороной, которая на него ссылалась, и, притом, вперед установленного доказательст-

ва, состоящего в указании на определенное число случаев применения данного обычая, известные качества этого обычая, прецеденты и т. д. Эти требования не могут иметь в настоящее время никакого значения, так как формальная теория доказательств сменена теперь свободной оценкой их, и судьям, в силу правила *jura novit curia*, вменено в обязанность знать и осведомляться всеми возможными для них способами об обычном праве, наравне с правом, основанным на законе. Что касается перенесения на обычное право сроков давности, то это недопустимо уже потому, что давностью устанавливаются или прекращаются конкретные юридические отношения, тогда как обычному праву приписывается значение юридических норм, стоящих независимо от тех или других отношений участвующих или имеющих участвовать в них лиц. Неправильность указываемой точки зрения на обычное право доказывается, наконец, тем, что обычное право, по общему правилу, предшествует в порядке исторической последовательности праву, исходящему от законодателя, а не следует за ним.

Честь устранения абстрактно-субъективной точки зрения не только на обычное право, но и на все правообразование принадлежит исторической школе в юриспруденции, предложившей, как известно, для процесса правообразования органическое объяснение, т. е. развитие права в силу внутренней необходимости из "духа народа", или совокупности условий народной жизни. Так возникло сменившее старое и господствующее поныне представление об обычном праве как о "народном правосознании" или "правовых убеждениях народа". И такое обычное право выступает в учении исторической школы не только самостоятельным, но и единственно нормальным, единственно "органическим" и преимущественным перед всеми другими источником права. Оно заключает в самом себе свое основание и служит "первоначальной" формой, из которой выливаются и развиваются все последующие формы права.

По мнению Пухты, Савиньи и их приверженцев обычное право заключено непосредственно в народном убеждении, так что самый обычай, т. е. внешнее выражение этого убеждения в действительной жизни, составляет как будто не условие существования, а лишь свидетельство упражнения и простое средство для распознавания обычного права. Следовательно, обычное право в виде убеждения

существует по этой теории перед обычаем и независимо от обычая, почему к нему и подходило бы более название "народного", чем "обычного" права. Но такое отождествление права с народным убеждением не может быть допущено, и не только потому, что сознание и убеждение суть лишь внутренние и субъективные состояния отдельных индивидов, а обычное право, раз оно признается как право, должно иметь объективное существование, стоящее над всяким отдельным убеждением. Это отождествление было бы недопустимо даже в том случае, если бы мы признали причинную связь между народным убеждением и правом. И в этом случае не всякое убеждение могло бы произвести право, а лишь такое, которое было бы настолько энергично, чтобы перейти в практику жизни. Сам Пухта, родоначальник так наз. "исторической" теории правообразования, не выводил из нее такого заключения и говорил, напротив, что не один случай применения, а лишь повторное и однообразное применение какого-либо обычая может служить основанием для возведения его на степень обычного права. Но последователи учения Пухты оказались более последовательными, чем их учитель, и признали обычное право даже при отсутствии обыкновенно сопровождающего его применения, так как, раз применение есть только один из способов распознавания обычного права, то заключение о существовании последнего может быть сделано, очевидно, и на основании других способов его распознавания.

Из сказанного уже видно, что если господствовавшая до исторической школы теория преувеличивала явно значение обычаев как внешнего выражения обычного права, то об исторической школе можно, наоборот, сказать, что она недостаточно оценивала роль этого фактора в образовании обычного права. Всякое право выступает необходимо внешним образом, и как не может быть закона, прежде чем он не опубликован, так не может быть и обычного права, прежде чем оно не обнаруживается в форме какого-либо внешнего обычая. Что касается отождествления народного убеждения с правом, то и оно ведет ко множеству недоразумений. Из него вытекает, напр., полная зависимость законодательства от обычного права, тогда как законодатель может быть и новатором, и завоевателем, и узурпатором, предписывающим законы, стоящие в режущем противоречии с правовым сознанием народа. Сводить и такое право к

народному убеждению на основании только того, что народ не может не подчиниться этому праву и по необходимости терпит его, значило бы впадать в явный софизм. При подобном отождествлении народного убеждения с правом пришлось бы поставить на счет обычного права всевозможные промахи, ошибки и увлечения законодателя или же отвергнуть совсем возможность влияния на законодателя заблуждения, произвола и других случайностей. Все эти предположения не выдерживают критики и говорят против теории Пухты и Савиньи, впавшей, очевидно, в крайний спиритуализм и в такое обоготворение обычного права, которое заставляет теперь большинство немецких юристов если не отказываться от нее, то представлять ее в несколько ином и более материализованном виде.

Господствующее мнение считает по-прежнему обычное право первоначальным источником права и понимает его как совокупность народно-правовых убеждений. Но необходимым условием признания этих убеждений за обычное право оно ставит проявление их в действительной жизни, т. е. факт самого обычая или продолжительного применения и повторения одних и тех же юридических действий в жизни, – факт, которому теория Савиньи и Пухты не придавала, как мы это видели, существенного значения, принимая его только за средство распознавания обычного права. Этот факт применения обычая признается теперь необходимой формой проявления или необходимым условием существования обычного права, которое и определяется поэтому уже не просто как совокупность народно-правовых убеждений, а как совокупность таких правовых убеждений народа или отдельных его классов, которые образуются и обнаруживаются путем продолжительного применения одних и тех же юридических действий.

Приведенная формула заимствует из старого взгляда на обычное право то, что в нем было верно, а именно – указание на существенную роль обычая в деле образования обычного права и исправляет этим чрезмерный спиритуализм теории Пухты и Савиньи. С другой стороны, она значительно изменяет старый взгляд, принимая за обычное право, согласно указаниям исторической школы, не совокупность обычаев, а совокупность народных воззрений на то, что следует признавать за право, и что выступает как таковое в практи-

ке повседневного упражнения одних и тех же юридических действий. Следовательно, внутренний и внешний моменты обычного права сливаются в приведенной выше формуле обычного права в одно целое: с одной стороны, убеждение в юридическом характере нормы, с другой – осуществление этого убеждения на практике.

Такое указание на взаимное отношение обоих элементов обычного права было бы правильно, если бы и в него не вкрадывалось следующее заблуждение. Под внутренним или субъективным моментом обычного права продолжают понимать какие-то мистические воззрения такого же мистического народа на право, а не реальное убеждение каждого исполняющего норму обычного права лица в том, что оно исполняет именно норму права, а не какую-либо иную норму, не заключающую в себе признаков права. Это и есть так наз. *opinio necessitatis*, т. е. убеждение каждого исполняющего обычай лица об его юридической обязательности, – убеждение, которое отличает обычное право от простых обычаев или обыкновений, не влекущих за собой юридических последствий. Но когда это убеждение квалифицируют как "народное" и выводят из него все право, то неизбежно предполагают реальный народный организм и впадают, как мы покажем это ниже, в уничтожающий всю теорию мистицизм. Сверх того, господствующую теперь теорию обычного права следует упрекнуть в том, что, упуская из виду одно из чрезвычайно важных различий между обычным правом и законом, она становится в противоречие с историческим процессом развития права, устраняющим общепринятое предположение как об общности юридического строения закона и обычая, так и о первоначальности и чуть ли не исключительности обычного права в ряду всех источников древнего права. Эти недочеты господствующих представлений об обычном праве требуют исправления и особого рассмотрения, к которому мы теперь и переходим.

Обычное право, по общему правилу, предшествует праву, основанному на законе уже потому, что первое есть индивидуальное и конкретное, а второе – общее и абстрактное правообразование. Поэтому все древнейшие сборники положительного права представляют собой в то же время и сборники юридических обычаев. Но эти сборники не обнимают собой всего существующего во время их действий обычного права; рядом с ними живет и применяется в

широком объеме никем еще не записанное, или так назыв. "неписанное" обычное право.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ЕВРЕЕВ. Начало древнееврейского права относится ко времени полуполюгендарного пророка Моисея (XIII в. до н. э.), с именем которого связывается начало освоения евреями Палестины, составление религиозных заповедей и первых законов. Реально большинство приписанных Моисею правовых предписаний, вошедших в ветхозаветные книги Библии «Исход» и «Левит», появляются в Иудейском царстве в IX – VII вв. до н. э. Около 622 г. до н. э. в связи с народными волнениями в Иудее создается новый свод, повторяющий и развивающий Моисеевы законы, – «Второзаконие». К этому же времени относится составление сборников обычного древнееврейского права, признанного таковым священнослужителями (основные судьи у евреев). После возвращения из вавилонского плена, как бы в наставление и в воспоминание о прежних временах был составлен сборник древних юридических обычаев – Галахом; хранителем древнего закона и обычая провозглашался высший религиозный и судебный совет – синедрион.

Несмотря на священно-религиозное отношение к древним законам и обычаям, еврейская традиция не запрещала истолковывать старое право – так к началу I в. н. э. у евреев стали возникать юридические школы и направления.

Первые законодательные нормы появились у евреев уже в племени, вождем которого был Авраам. Очевидно, это были традиционные для родоплеменного социума нормы так называемого обычного права. Такие нормы не фиксируются письменно (что было бы и невозможно в бесписьменном обществе), они сохраняются в устной передаче, и хранителями их являются, как правило, вожди и старейшины племени. Едва ли можно сомневаться, что нормы обычного права были позаимствованы соплеменниками Авраама у своих семитских предков.

О нормах обычного права периода Патриархов нам сегодня ничего не известно, но можно предполагать, что они не отличались принципиально от обычного права других семитских племен, обитавших как в Месопотамии, так и в Палестине. Очевидно, общесемитское обычное право и было той законодательной основой, на которой строилось позднее право не только у евреев, но также у ва-

вилонян, ассирийцев и у семитских народов, обитавших к Северу и к Югу от Палестины на восточном побережье Средиземного моря.

Впрочем, судя по отраженной в Книге Бытия практике, можно предполагать, что в племени Авраама действовали также некоторые правовые нормы несемитского происхождения, заимствованные у соседних народов. Такие обычаи, как право наследования домашним рабом за своим хозяином или побочными детьми от наложницы за отцом, по-видимому, не являются семитскими. Подобного рода нормы зафиксированы, в частности, в праве хурритов – небольшого народа, обитавшего в Месопотамии еще до появления там семитов. Но такие несемитские вкрапления в обычное право периода Патриархов были, скорее всего, весьма немногочисленными, и можно думать, что впоследствии хурритские нормы вышли из употребления. Общесемитское единство норм обычного права во многом объясняет и последующее сходство ветхозаветных законодательных текстов с законодательными текстами других семитских народов, в том числе с хорошо известным вавилонским «кодексом Хаммурапи».

У ветхозаветного законодательства есть и своя специфика, которая связана с его религиозным характером. Впрочем, «религиозное законодательство» – это достаточно общее определение. Более точно ветхозаветное законодательство можно было бы охарактеризовать как теократическое. Такое законодательство исходит из того, что основным источником законодательной нормы является откровение. При этом откровение связывается с конкретной личностью, рассматриваемой как харизматический основатель соответствующей законодательной традиции. Для ветхозаветного законодательства такой личностью был Моисей, именно с его именем связывалась Синайская теофания и Декалог.

Именно поэтому не только законодательство, которое мы находим в Книге Исхода, но и Книга Второзакония, а, в конечном счете, и все Пятикнижие в целом были приписаны именно ему. Существует также и другой тип религиозного законодательства – иерократический, в Ветхом Завете не представленный. Отличием его от законодательства теократического является то, что источником законодательной нормы в данном случае является авторитетная религиозная структура. Однако в обоих случаях заповедь рассматривается

как источник не только вероучительной или этической, но и законодательной нормы. С этой точки зрения всякий законодательный текст, представленный в Ветхом Завете, следует рассматривать как юридическую интерпретацию Декалога.

Учитывая теократический характер ветхозаветного законодательства, естественно было бы предположить, что происходившая в моисеевой общине коррекция обычного права должна была быть связана по преимуществу с приданием ему теократического характера. Формально-юридически такая коррекция должна была проходить в форме кодификации новых законодательных норм, торжественного их провозглашения и одобрения теми, кому предстояло их исполнять (или специальными на то уполномоченными представителями).

Опираясь на разные традиции обычного права, оформились и разные редакции Талмуда в IV – V вв.: иерусалимская и вавилонская. Талмуд, наряду с книгами Ветхого завета, стал важнейшим источником древнееврейского права.

Письменный Закон (то есть библейское законодательство, содержащееся в Пятикнижии, в отличие от Устного Закона, кодифицированного в Талмуде) предполагает закрепление определенных обычаев, которые практиковались и до его установления. Иначе трудно объяснить, почему в Пятикнижии отсутствует юридическое обоснование целого ряда важнейших сторон человеческой жизни. В то же время ОБЫЧАИ других народов проникали в жизнь израильтян, что нашло отражение в Пятикнижии. Например, новолуние упоминается лишь в связи с дополнительным жертвоприношением, сопровождаемым трубными звуками, однако в период Первого храма вследствие ханаанейского и финикийского влияния день новолуния превратился в праздник (утратив при этом свой языческий характер), причем настолько значительный, что в этот день приостанавливалась работа и торговля.

Еврейское право (мишпат иври), как и всякая другая правовая система, в известной степени проистекает из установившихся в обществе обычаев. Определенные санкционированные обычаем правовые нормы, бытовавшие среди евреев до Моисея, были подтверждены в Пятикнижии, например, ответственность лица за имущество, полученное им на хранение. В других случаях, например, при

определении правил левиратного брака, библейское законодательство, хотя и исходит из обычных правовых норм, вносит в них существенные изменения. Исторический источник таких законов – ОБЫЧАИ, в то время как их юридический источник – библейское законодательство, дающее соответствующему обычаю легитимацию и юридическую силу. На всех стадиях развития еврейского права обычай выполнял такую историческую роль, подготавливая определенные общественные нормы для включения их в качестве законов в правовую систему.

Наряду с исторической ролью обычай часто служил прямым источником закона, то есть рассматривался в качестве обладающего юридической силой, не требующей дополнительного законодательного подтверждения; такой статус обычая был следствием того, что он представлял собой общепринятую норму. В качестве источника права обычай использовался еврейскими законодателями в тех случаях, когда Галаха не давала ответ на вновь возникшую проблему, либо когда появлялась необходимость изменить существующие юридические нормы или распространить их на новую правовую область. Несомненно, даже тогда, когда правовые нормы зиждутся на обычае, они испытывают определенное влияние законоучителей-галахистов, однако непосредственным источником таких правовых норм остается коллективное правовое творчество народа. В основе наделения коллектива таким законодательным авторитетом лежит презумпция, согласно которой поведение народа определяется Торой (в широком смысле), и потому его спонтанное правовое творчество всегда соответствует духу Торы: «Оставь это [решать] Израилю: если они и не пророки, они [все же] дети пророков». Некоторые законоучители полагали, что обычай не имеет независимого юридического авторитета, будучи не более чем сохранившимся в форме обычая древним и ныне забытым галахическим постановлением. В целом, однако, вопрос об источнике авторитета обычая был предметом споров между аморами; большинство было склонно видеть в обычае независимый авторитетный источник закона. По этой причине амораи проводили различие между тремя видами халахот: установленными в результате ученого обсуждения, основанными на обычаях, введенных в практику законоучителями, и истекающими из коллективного обычая. Некоторые вавилонские

амораи проводили дальнейшее различие, касающееся самой природы обычая. Так, они различали нахагу ха-‘ам (практика, которой следует народ) – практика, еще не выкристаллизовавшаяся в установленный обычай, которую законоучителям следует оставлять на усмотрение народа, и минхаг, сформировавшийся обычай, который, хотя и обладает авторитетом, достаточным для того, чтобы учить народ действовать в соответствии с ним, тем не менее уступает в отношении своего юридического авторитета обычаю, подкрепленному соответствующим галахическим решением, это, таким образом, халаха, которую следует обнародовать и которой следует учить людей.

Итак, во многих случаях халаха представляет собой не что иное, как формулировку издревле сложившегося в народе обычая. Некоторые ОБЫЧАИ столь же обязательны, как и законы, другие – не более чем всеобщее согласие в тех случаях, когда не существует установленной халахи. В последнем случае существует также специфический обычай – «минхаг в Иерусалиме», «минхаг путешествующих с караваном», «минхаг моряков», «минхаг женщин» и т. п., и даже от таких обычаев не допускается отклонение, и потому за нарушение обычая следует наказывать так же, как и за нарушение закона. Законоучители настаивали на том, что человек не должен нарушать ни обычаев предков, ни обычаев, принятых в данном месте. При этом не имеет значения, известны ли основания возникновения данного обычая, поскольку, в принципе, как уже указывалось выше, все ОБЫЧАИ народа, живущего в соответствии с законом Торы, так или иначе должны проистекать из нее: «Среди людей принято, что халаха не может не быть фиксирована, если не существует обычая... а обычай, которому [якобы] нет основания в Торе, – просто ошибочное умозаключение».

В случае, когда между законоучителями возникала дискуссия относительно данного закона, решающим аргументом служил обычай.

В еврейском праве, как и в рамках других юридических систем (например, в римском праве), в которых обычай рассматривается как признанный правовой источник, вопрос о том, может ли он служить правилом, которое противно существующему закону, служил предметом дискуссии. С этой целью еврейское право проводит

различие между гражданским и ритуальным законом. Если в сфере гражданского права обычай может отменять закон, в сфере ритуального законодательства этого не происходит: здесь обычай не может позволять то, что запрещено законом. Это объясняется существенным различием между этими правовыми сферами. В гражданском праве руководствовались предпосылкой, согласно которой галахические установления в этой сфере обязательны лишь постольку, поскольку стороны не выражают предпочтения другим формам соглашения (*jus dispositivum*). В противоположность этому, в ритуальной сфере законы обязательны и не подлежат изменению по соглашению сторон (*jus cogen*). Из этого вытекает, что в сфере гражданского права коллектив как целое может менять правовые нормы, оговаривая заранее, что тот или иной порядок, отличный от установленного в Пятикнижии, удобен и желателен для данного коллектива в целом и для каждого его члена. Таким образом обычай, выражая общую волю коллектива, обладает силой менять халахот в сфере гражданского права, но не в сфере ритуального законодательства. Единственным авторитетом во всем, что касается Торы, являются ученые-галахисты (поским). Общество лишено такого законодательного авторитета: оно может посредством своих обычаев решать в пользу того или иного из существующих галахических постановлений или дополнять его, однако не может игнорировать какую-либо существующую халаху, исключая те случаи, когда такая возможность существует как результат соглашения сторон, то есть в сфере гражданского права. Но и в сфере ритуальных законов обычай может влиять на существующую халаху в специфическом случае. В этой сфере обычай не обладает силой отменять галахические запреты, однако может ввести запрет на то, что не запрещено Галахой. Это объясняется тем, что в этом случае обычай не отменяет закон, а лишь ужесточает его.

Принцип, согласно которому в сфере гражданского права обычай обладает силой отменять халаху, придал еврейскому праву большую гибкость, позволив ему с достаточной легкостью адаптироваться к меняющимся экономическим условиям. С течением времени многие гражданские законы и даже целые правовые области все чаще основывались на юридической базе обычаев. Так, уже в талмудический период было, например, постановлено, что доку-

менты, которые не подписаны в соответствии с требованием закона, тем не менее обладают юридической силой, если они составлены в соответствии с местным обычаем, долги, которые в соответствии с законом могут быть востребованы только из недвижимости должника, можно востребовать и из его движимого имущества, если это принято местным обычаем и т. п.

Также и в послеталмудическую эпоху обычай играл активную роль в изменении закона (иногда такое изменение вызывало резкие споры между учеными). Хотя согласно закону для заверения документа необходимы подписи трех судей, в 15 в. Исраэль Иссерлейн постановил, что «среди ученых в иешивах существует принятый обычай заверять документы подписью [лишь] одного [судьи], и это – один из тех случаев, когда обычай берет верх над законом в гражданских делах». В общественных вопросах Иссерлейн также отдавал предпочтение гибкому обычаю перед галахическим законом: «Во всех общественных делах должно следовать обычаю общества в соответствии с теми порядками, которые оно установило для себя, как то диктовалось их нуждами... ибо если потребовать от них строго следовать закону, между ними будут вечные распри; а кроме того, они позволили друг другу отказаться от строгого закона и решили следовать тому, что постановляет их собственный обычай».

В то же время галахические ученые стремились интегрировать юридические нормы, берущие свое начало в обычае, в рамки еврейской правовой системы; в этой связи Иссерлейн добавляет: «Даже если, как сказано, в вопросах налогообложения обычай преобладает над законом, при всех условиях желательно и подобающе тщательно исследовать, не можем ли мы примирить все ОБЫЧАИ со строгим законом, и даже если это не вполне возможно, тем не менее было бы предпочтительно, если бы мы сумели найти поддержку и должный авторитет в постановлениях ученых и обоснование в разуме и юридической логике» (там же). Таким образом, еврейские ученые стремились контролировать обычные правовые нормы с тем, чтобы избежать отклонения от основополагающих еврейских юридических принципов (например, в случае налогообложения – от принципов справедливости и равенства).

Еврейское право выдвигает три условия для признания силы обычая. Во-первых, обычай должен существовать по всей стране,

или во всей местности, или среди всех членов данной группы (обычай, распространенный в большей части местности, рассматривается как принятый в ней в целом). Во-вторых, обычай должен активно действовать («...[если] жители города следовали ему по меньшей мере три раза, так как часто люди принимают и некую практику, соответствующую их непосредственным потребностям [то есть применительно к конкретному случаю] без всякого намерения установить обычай» (тот же респонс Иссерлейна). В-третьих, обычай должен быть ясным и определенным. Для того чтобы установить существование обычая, достаточно свидетельства со слов других, причем свидетелями могут быть лица, чьи показания в других случаях не принимаются.

Книги обычаев. Цель таких сборников – зафиксировать различия в религиозных обычаях, принятых в еврейских общинах. Первая из сохранившихся книг такого рода – «Сефер ха-хиллуким бейн Мизрах ве-Эрец-Исраэль» («Книга различий между Востоком и Эрец-Исраэль»), составленная, по-видимому, в 8 в. в Эрец-Исраэль. В книге приводится несколько десятков наиболее значительных различий в обычаях евреев Вавилонии и Эрец-Исраэль. Другое, не дошедшее до нас сочинение того же периода – «Хиллуф минхагим» («Различие в обычаях») – посвящено различиям в обычаях, принятых академиями Суры и Пумбедиты в Вавилонии.

Книги обычаев отличаются по содержанию, структуре, целям и литературным достоинствам. Некоторые из них описывают совокупность характерных для данной местной общины обычаев, относящихся к определенной специфической сфере, другие стремятся дать описание местного обычая в целом, чтобы сохранить его и предотвратить внешние влияния, которые могут изменить его.

Древнейшая из написанных в Европе книг обычаев – «Сефер хаминхагот» («Книга обычаев») Ашера бен Шаула из Люнеля (конец 12 в. – начало 13 в.) – описывает широкий круг обычаев, характерных для еврейства Южной Франции. Задача автора – найти источники тех или иных обычаев в раввинистической литературе, чтобы доказать их подлинность и предотвратить пренебрежение к ним. Тогда же Аврахам бен Натан ха-Ярхи (родился, по-видимому, в 1155 г. – умер в 1215 г.) составил свой «Ха-манхиг» («Руководство по обычаям»), в котором, сосредоточившись на обычаях и правилах,

касающихся молитвы, субботы и праздников, дал описание этих обычаев в Испании, Провансе, Франции и Германии. Цель этого руководства – показать, что все, даже противоречащие друг другу, ОБЫЧАИ проистекают из Галахи и потому не следует отказываться ни от одного из них: каждая община должна следовать своему обычаю.

Законы о семейных отношениях. Рассмотрение семейного законодательства предлагается начать с юридического положения детей, которое, прежде всего, определяется степенью зависимости его от родителей. Как и в любом другом древнем обществе, первоначально такая зависимость была полной, включая право жизни и смерти. Достаточно вспомнить, как Авраам чуть было не принес в жертву своего сына Исаака. Однако впоследствии родительская власть была до некоторой степени ограничена. Так, родители не могли сами наказывать смертью непослушного сына, а должны были вынести этот вопрос на рассмотрение старейшин города.

Срок совершеннолетия в Моисеевом законодательстве прямо не определен, однако, согласно толкованию талмудистов, для девочек он определялся в 12 лет, для мальчиков – в 12-13 лет. Косвенные тому подтверждения можно найти у Иосифа Флавия: он утверждает, что Самуил был призван к пророчеству именно в 12 лет.

Закон настойчиво требует от родителей заниматься воспитанием детей в духе этого самого закона: «Да будут слова сии, которые заповедаю тебе сегодня, в сердце твоём и в душе твоей. И внушай их детям твоим».

Следующим важным предметом рассмотрения является брак, его назначение и сущность. Главной целью брака, несомненно, было продолжение рода. Бесплодие рассматривалось как тяжкий грех. «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне». И напротив, дарованный Господом наследник рассматривался как величайшее благо, достаточно вспомнить историю Авраама и Сарры.

Нормальной формой брака был моногамный, так как у первого человека – Адама – была только одна жена, Ева. Полигамные браки также не были редкостью. Однако законы Моисея до некоторой степени ограничивают полигамию. Например, царю запрещалось «умножать себе жен, дабы не развратилось сердце его». Суще-

вал запрет брать двух сестер вместе. Постановление, утверждающее равные права всех жен на содержание, отражало аспект многоженства, также создавая препятствия для такого брака. Существовало также и наложничество. Отличие жены от наложницы состояло в том, что последняя могла быть удалена из дома без разводного письма и прочих формальностей.

Брак заключался в форме символической покупки невесты.

Одним из строжайших брачных запретов в еврейском обществе был инцест.

Вещное право. Вопреки сложившемуся стереотипу, древние иудеи не были хорошими торговцами и ремесленниками, более того, они с презрением относились к «торгашеским» Вавилону и Ассирии. Отсюда становится понятным и низкий уровень развития экономических отношений, вещного и обязательственного права. Вещное право было представлено, прежде всего, группой норм, регулировавших поземельные отношения внутри общины.

Обязательственное право. Обязательственное право древних иудеев отличается слабой разработанностью по сравнению с законами других семитических народов. Однако в целом евреям были знакомы все основные виды договоров.

Договор купли-продажи известен Моисееву законодательству. «Если будешь что продавать ближнему твоему, или будешь покупать что у ближнего твоего, не обижайте друг друга». Правда здесь, как, впрочем, и везде, под ближним понимается только свой соплеменник иудей.

Чуть больше можно почерпнуть из Вечной Книги относительно договора займа. «Если будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих на земле твоей, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим, но открой ему Руку свою и дай ему займы, смотря по его нужде, в чем он нуждается». Причем, как уже было сказано выше, все долги прощались в субботний год. Архаизм еврейского права выразился в законодательно установленном запрете взимания процентов. Оба вышеуказанных положения распространялись исключительно на заемщиков-иудеев. Иноплеменникам не прощались долги, с них разрешено было брать рост. Моисеево законодательство разрешало кредитору брать в залог имущество должника, однако рекомендовалось не брать залог с

бедных. Существовало ограничение на залог последней одежды человека. Под полным запретом находился залог ручной мельницы – по каким-то причинам считалось, что отдающий ее отдает в залог свою душу.

Наследственное право. Поскольку главный предмет наследования состоял на тот момент в земельном участке, являвшемся основой экономического благосостояния, нас будет интересовать, прежде всего, наследование недвижимости. Профессор Лопухин писал: «Недвижимое имущество считалось неотъемлемою собственностью всего колена, а в своих частях – собственностью племен или семейств в колене. Отсюда право наследства естественно ограничивалось этими общественными единицами, за пределы которых ода не могло переходить. Так как земельные наделы при разделе земли по жребию были розданы "по числу имен" лиц мужского пола и получили их имена, чтобы под этими именами переходить из рода в род, то естественными наследниками этих наделов, по смерти владельца, являются его сыновья как носители его имени и хранители его рода». При разделе имущества играло роль так называемое право первородства: по законам Моисея старший сын получал половину всей наследственной массы. Это правило действовало вне зависимости от воли наследодателя.

Наследования по завещанию Моисеево законодательство не знало, этот институт был гораздо позднее разработан в талмудистике.

Уголовное право. Уголовное право древнееврейского государства несет на себе отпечаток архаизма. Например, уголовному наказанию подлежали как люди, так и животные (бодливый вол).

Еврейское право не прекратило своего существования с падением Древней еврейской государственности. До начала V в. римляне, даже завоевав Иудею, разрешали применение там древнего права и собственную юстицию синедриона. В последующие века еврейское право сохранялось в разбросанных по всему миру еврейских общинах. И обращение к древнему праву было тем строже, чем жестче главы общин и раввины стремились сохранить узконациональную традицию и собственную правовую культуру. Для того чтобы совместить требования времени с традицией древних правил, в средневековой еврейской культуре продолжилась работа по комментированию и новому толкованию памятников права. Самым извест-

ным из таких комментариев был свод примечаний, составленный знаменитым философом и правоведом Моисеем Маймонидом (XII в.) Своей систематикой и общими принципами анализа права он даже оказал влияние на формирование нового европейского права.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО МОЛДАВАН: ОТЛИЧИЕ ОТ ОБЫЧНОГО ПРАВА ЕВРЕЕВ. Ценным источником исследования обычного права молдаван является труд Д.Кантемира "Описание Молдавии". Сведения об обычном праве Молдовы содержатся в описаниях путешественников: Бошковича, Р. Лещинского, В. Кржановского, Я. Гнинского, Ф. Авриля, Делакура, И. Гецеванишвили. Общие конкретизирующие детали по юридическим обычаям встречаются в фольклоре.

Ценным источником обычного права молдаван являются опубликованные в журнале "Columna lui Traian" ответы на вопросник Б.П. Хашдеу, которые содержат богатейший материал для изучения молдавских юридических обычаев, главным образом первой половины XIX в.

В Молдове до 40-х гг. XVIII в. в правовой жизни значительную роль играли обычай земли – "*obiceiul pământului*" (в научном лексиконе – "обычное право"). Часто в целях подчеркивания силы обычаев земли документы указывают на старинное происхождение этих норм – "старый закон" (*legea veche*).

Для гражданского права Молдовы XIV- XVIII вв., особенно наследственного и вещного, одним из главных источников являлось обычное право. По свидетельству Д.Кантемира, молдавский народ придерживался различных обычаев, сохранившихся во время его переселения и изгнания, таких, как право наследования, завещания, распределения наследственного имущества среди наследников, то есть народ руководствовался в основном нормами обычного права.

Если обычай не в состоянии был решать сложные судебные процессы, то вступали в силу писанные рецептированные законы – византийское право, Василики и Шестикнижье Арменопуло, т.е. писанные законы, а в начале XIX в. и законы Андронакия Доница.

До начала XVIII в. в области гражданского права в основном действовали нормы обычного права, а в турецко-фанариотский период расширяется база применения различных кодификаций за счет

использования византийских законов, вводимых в стране более широко, одновременно с появлением в Молдове господарей-греков.

Нормы обычного права регулировали организацию публичных торгов с аукциона (согласно обычаю земли в XVIII – первой пол.XIX в. о недвижимости, подлежащей продаже с аукциона, извещали всех возможных покупателей в зависимости от степени материального состояния. Если продавалась недвижимость феодала, то представитель уездного исправничества под барабанный бой, громким голосом объявлял о предстоящей продаже, разъезжая по соседним селам, ярмаркам, улицам городов, столицы, в господарском Диване. По поводу этого распространенного обычая возникла пословица: "*A bate toba în târg și la moară*" – бить в барабан в ярмарочные дни и у мельницы, т.е. оповещать о предстоящей продаже в самых оживленных местах), залоговые правоотношения (в XVIII в. существовал обычай, согласно которому, если дебитор вовремя не вернул деньги или другое имущество, залог переходил в собственность кредитора и из владения условного, временного превращался во владение законное, постоянное. Как отражение этого явления появилась пословица: "*Zălogul dacă zăbovește, nu se mai ivește*" – задержавшийся залог не вернешь).

Обычное право регламентировало вопросы семенно-брачных отношений, в том числе наделение приданым, которые при вступлении в брак дарились молодым супругам или родственникам невесты и жениха. Обычай приданого как институт общественного быта, этнографо-юридическое явление и брака и семьи в целом характеризуется многими традициями, формирование которых уходит корнями в глубь веков.

Первые сведения о выделении приданого невесте и жениху в Молдове содержатся в документах XV в. В начале XVIII в. Д.Кантемир, описывая молдавские свадебные обряды, отмечал, что молодых, помимо подарков, наделяли приданым, размер которого определялся родителями обеих сторон.

Согласно нормам обычного права, приданое состояло из недвижимого и движимого имущества. В него кроме земли, скота могли входить дом и земли при доме, виноградники, земледельческие орудия. Кроме того, приданое невесты обязательно включало ковры и ткацкие изделия, сундук с личными вещами, утварь и т.д., то есть все, что необходимо было молодой семье для начала совмест-

ной жизни. Молдаване при женитьбе наделяли приданым и сыновей. В документе первой половины XIX в. было отмечено, что "мать – Харитоновна, жительница местечка Теленешть Ясского уезда, подарила на свадьбе сыну своему 8 десятин земли, 2 ковра, много домашней утвари, 40 овец, 2 быка и телегу". Братья получали приданое наравне с сестрами. В XVIII – перв. пол. XIX в. их наделяли как движимым, так и недвижимым имуществом. И если до 80-х годов XVIII в. дети разного пола могли получать от родителей не одинаковое количество приданого, то со вступлением Молдовы в капиталистическую эпоху данный обычай соблюдается более строго.

Этот обычай настолько укоренился в юридической концепции народа, что даже иностранцы, переселившиеся в Молдову в данный период, переняли его. Так, например, в 1829 г. по нормам молдавского права разделялось между наследниками имущество поляка Цивинского, проживавшего в Яссах.

По традициям XVIII – XIX вв. семейный совет (*sfatul casei*) определял объем приданого, изредка его размер фиксировал совет родственников (*sfatul neamurilor*). Если родителей молодых не было в живых, приданое должны были давать опекуны, у которых они жили до свадьбы. Примером может служить документ, относящийся к 1831 г. Над осиротевшими детьми жителя города Кишинэу Герландии было учреждено опекунство старших братьев умершего. При достижении совершеннолетия, по случаю женитьбы собрали семейный совет. На семейный совет у молдаван вошло в традицию собираться после ужина, по окончании рабочего дня, а на совет родственников – во время праздников, после обеда. При этом рассматривались главным образом вопросы приданого.

С конца XVIII в., когда начинается переход от феодализма к капитализму и развиваются товарно-денежные отношения, в качестве приданого все чаще стали дарить и деньги. Так, в 1830 г. жительница г. Орхей Н. Тэут, получила в качестве приданого, помимо движимого и недвижимого имущества, две тысячи рублей. В 1847 г., невеста Чугурияну С, уроженка г. Яссы, получила в приданое пять тысяч леев и много драгоценностей.

Молдавскому феодальному праву, связанному с институтом приданого, были характерны некоторые особенности, требовавшие

неукоснительного соблюдения. Невыполнение их могло привести к серьезным последствиям. При определенных обстоятельствах обычай приданого носил силу закона. Так, например, в августе 1831 г. жена Харитонова, вошедшая в чужую семью со своим имуществом, не считалась полной его распорядительницей, не распоряжалась им как хотела, не могла назначить после себя наследников. Право же полной собственности предполагало право посмертного распоряжения, произвольного назначения наследников, но благодаря живучести обычаев, связанных с приданым, в тот период в крестьянской семье сохранились определенные равноправные отношения супругов, что сказывалось на решении жизненных вопросов и рода в целом.

В случае смерти жены ее приданое распределялось между детьми (если они были), а родители умершей продолжали сохранять за собой право свободного наделения каждого из ее детей частью приданого с учетом равного распределения. В имущественно-правовых отношениях в указанный период данный аспект института приданого прослеживается также в обычном праве многих народов Европы. У членов семьи не было отдельной собственности, все приобретенное ими составляло общую их собственность, но в исключительных случаях они могли иметь отдельную личную собственность, в том числе и дети, на которую родители не имели права претендовать, так как в случае смерти матери недвижимое приданое могло переходить к детям и, хотя оно оставалось на хранение у отца, ключ от места, где оно хранилось, забирали родители умершей до совершеннолетия детей. Кроме того, это имущество могло быть отдано в опеку. Пахотная земля, полученная в качестве приданого, оставалась в распоряжении мужа до совершеннолетия детей, а урожай использовали по потребностям. Если же муж пытался распорядиться приданым, родственники жены имели право вмешаться, защитить имущество покойной и даже взять на сохранение до достижения детьми совершеннолетия. При этом муж обязан был соблюдать древний обычай, не препятствуя ему. Это свидетельствует о том, что нормы молдавского феодального права в данном конкретном случае действовали под воздействием как обычного, так и кодифицированного права.

Влияние обычая сказывалось и на такой собственности имущественных отношений супругов, как семейная общность. При этом общее право супругов распространялось на имущество, предназначенное на общие цели семьи, а также на имущество, совместно приобретенное супругами в браке.

Независимо от источников (принесенное супругами в семью или совместно нажитое в браке) семейное имущество было подчинено его целевому назначению – сохранению и последующей передаче детям. Имущество, ранее принадлежавшее отдельному лицу (супругу), входя в комплекс семейного имущества, меняло свой статус, становясь общим.

Так, приданое, принесенное женой при вступлении в брак, становилось семейным имуществом, но не имуществом мужа, ибо оно вливалось в наследственную массу, переходившую впоследствии к детям.

Муж как глава семьи управлял имуществом во время брака, но в то же время нес ответственность и был в известной степени ограничен им в правах, чтобы фонд оставался неприкосновенным. Приданое считалось собственностью невесты (женщины) на протяжении всей ее жизни, но доходы от него принадлежали семье в целом. Если брак кончался смертью бездетной жены, то приданое возвращалось ее родителям, а брачные дары оставались у мужа и его родителей.

В данном контексте представляют интерес материалы одного судебного процесса, состоявшегося 19 июля 1720 г. От чумы умерли Ион Кожокарь с женой, родственники которых не хотели ухаживать за ними во время болезни. В последние дни за ними ухаживал посторонний человек, некий Савил. Поскольку у умерших не было детей, они оставили свое имущество Савилу. После того, как опасность заражения чумой миновала, сестры жены Кожокаря стали требовать от Савила приданое сестры. На суде митрополит решил следующим образом: согласно обычаям земли, утверждал он, половина приданого должна принадлежать сестрам, ибо родителей умершей уже нет в живых, а другую половину унаследует Савил, так как в трудное время был вместе с покойниками, помогал им. Таким образом, обычай, зародившийся на ранних этапах развития

человеческого общества и известный многим народам мира, в Молдове еще в XVIII в. бытовал достаточно широко.

Документы XVIII-XIX вв. указывают на то, что женщина готова перенести любые лишения и трудности, лишь бы сохранить приданое, на которое иногда претендовал муж или другие лица. Этим она как бы защищала свой труд, честь отцовского дома, рода от чужого посягательства. В данных обстоятельствах приданое служило основой некоторой самостоятельности женщины в семье, ее положения как хозяйки, как самостоятельного работника. Ярким примером служат документы первой половины XIX в. Так, в 1841 г. жительница г. Сорока С. Гафенкова под угрозой смерти все-таки настояла на возврате 63,42 руб., полученных ею в качестве приданого. А жительница села Реча уезда Кишинэу. З. Пасатова 2 мая 1846 г. решила заключить в тюрьму единственного сына за расточительство приданого.

Как справедливо отмечает А. И. Галбен, анализ материалов и документов позволяет считать, что если на более ранних этапах общественного развития право приданого не могло быть оспариваемо, то в период появления зачатков капиталистического производства институт приданого подвергся существенным изменениям, приобрел оттенок морально-этического порядка и стал использоваться для укрепления патриархальных устоев семьи.

Институт приданого не был односторонним, т.е. имел не одну лишь цель – защитить имущество рода, откуда поступило приданое. Документы свидетельствуют о том, что если жена вела аморальный образ жизни и об этом становилось известно мужу, она теряла право на приданое, так как обесчестила супруга. В результате полным распорядителем имущества становился муж, а если семья была многочисленной, то приданое делилось поровну – каждому члену семьи, исключая жену.

Приданое играло и роль связующего элемента брака и семьи в целом. Основной причиной прекращения брака являлась физическая смерть, а основным поводом его расторжения – прелюбодеяние. Такие форс-мажорные обстоятельства, как потоп, разграбление, тюремное заключение не прекращали брака, более того, жена и дети несли ответственность совместно с главой семейства. Однако длительное отсутствие одного из супругов, неспособность мужа к

супружеской жизни или бесплодие жены, длительная тяжелая болезнь, уход одного из супругов в монастырь могли стать поводом для прекращения брачных отношений.

Расторжение брака могло стать следствием прелюбодеяния одного из супругов, которому закон запрещал вступать в новый брак, или не давал согласия на совместную жизнь супругов, в силу некоторых объективных факторов несовместимости: долги, беспорядочный образ жизни и пр. Развод осуществлялся церквями, а с XIX в. – гражданскими властями по жалобе одной из сторон или по просьбе обеих.

Когда брак расторгался, жена могла потерять приданое, если во время супружеской жизни у нее выявились какие-либо скрытые физические или физиологические недостатки, или же в случае расторжения брака по ее вине. Муж мог настаивать на передаче приданого (движимого и недвижимого) полностью в его распоряжение, если даже у жены были уважительные причины для оправдания.

Документы часто указывают на то, что возможность образования семейного очага детей затруднялась тем, что родители, если они были бедными крестьянами, не могли выделить им необходимого приданого. Другие же, желая "выйти в люди", не хотели давать детям имущества, чтобы им больше оставалось. Последнее явление наблюдалось как у имущих, так и у неимущих слоев общества. Наиболее частым это было во второй половине XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. у резешей. Так, например, в 1833 г. зять подает в суд на тещу, которая более десяти лет не дает обещанного приданого.

Кроме того, родители в случае плохого поведения детей могли лишиться их приданого, несмотря на то, что по общепринятому обычаю обязаны были обеспечить их жилищем и пропитанием. При совместной жизни супругов обязанность содержать детей ложилась на отца как на главу семьи даже в том случае, если он в семье не жил. Молдавское феодальное право требовало того же и от вдовы.

По нормам обычного права молдован в приданое должны были вносить свою лепту родные и двоюродные братья, а также зятя, свекры, девери, дяди и другие родственники. В зависимости от отношений, сложившихся между родственниками определенного рода, родители молодых (главным образом невесты) нередко при по-

молвке определяли долю имущества, причитавшегося невесте от каждого родственника. Старшие братья и сестры, которые в свое время получили имущество из родительского дома, также обязаны были одарить младших сестер и братьев при замужестве и женитьбе. Иногда на помолвках, в силу определенных обстоятельств, обе родительские стороны определяли размер имущества будущей семьи.

В связи с тем, что институт приданого занимал значительное место в системе имущественно-правовых отношений, обычное право совершенствовало механизм его бытования применительно к условиям феодального общества. Так, в связи с частыми судебными разбирательствами дел, связанных с приданым, в обычай вошло требование, чтобы на помолвке во время определения размера и содержания приданого присутствовали свидетели, которые должны были потом, в случае конфликта, помочь установить истину. В 1810 г. господарский Диван разобрал дело по жалобе свекрови Кроитору на своего зятя Лупашко. С помощью свидетеля, присутствовавшего при помолвке, удалось выяснить, что свекровь под предлогом того, что зять якобы отказался от части обещанного, продолжала использовать чужую собственность как личную. Окончательно спор был решен после вмешательства самого господаря. Данное и другие вмешательства господаря говорит о том значительном месте, которое занимал институт приданого в общегосударственной системе имущественно-правовых отношений в Молдове в XVIII – первой половине XIX в.

Приданое считалось неприкосновенным и лишь в экстренных случаях могло быть отчуждено. Если ставился вопрос об отчуждении, его надо было согласовать с родителями жены, если они были живы. Если же их не было, то муж был обязан спросить разрешения у родственников жены и в то же время предложить им купить указанную недвижимость, так как они имели преимущественное право приобретения. В одном из документов указывается, что в 1744 г. Н. Костин с женой решили продать приданое, но сначала спросили разрешения у родственников, предложив последним купить его. В январе 1764 г. при аналогичных обстоятельствах некие супруги продали часть приданого брату жены. Если супруги совместно покупали приданое (движимое или недвижимое имущество) на пода-

ренные деньги, то, согласно обычному праву, а также писанным законам, купленные вещи (скот и земля) принадлежали жене. Так, когда Г. Казавела продал шурина Табэрэ владение, купленное у сестры (выделенное ей в качестве приданого), в документе подчеркивалось, что оно продается не Табэрэ, а его жене, для того, чтобы осталось в данном роду. Если какие-либо родственники претендовали на подаренные предметы, то невеста при этом пользовалась своим старинным приданным правом. Если же зять помимо приданого, полученного от свекра, скопил определенное богатство и, объединив его с общим имуществом, надумал подарить, суд решал, что право на откуп владения принадлежит тестю, ибо, по принятому обычаю, зять не имел права отчуждать приданое без ведома свекра, жены и детей. В подобной же ситуации отец имел право на отчуждение своего ребенка от указанного приданого. В данном случае, как и в указанных выше примерах, вступало в силу преимущественное право приобретения. Как правило, преимущественное право не распространялось на подаренные предметы, но когда дело касалось отчуждения приданого дочери в ущерб рода, то принципы, по которым действовало преимущественное право приобретения, вступали в силу. В таких случаях жена могла вмешаться и воспрепятствовать мужу в продаже приданого. Так, например, в 30-40 гг. XIX в. дворянка Таран просит суд отстранить ее мужа от владения селами Алексэндрень и Куболта Ясского уезда, ибо они выделены ей в качестве приданого. Пользуясь этими нормами, в 1841 г. Калугарева Е. из Орхей возвращает себе часть приданого, захваченного братом умершего мужа, а Пасатова З. из с. Реча уезда Кишинев возвращает с проданное сыном свое приданое. В то же время Кирикова П. из г. Орхей в 1850 г. сумела вернуть себе приданое после кончины мужа. Лишь в экстренных случаях, с разрешения (письменного или устного) всего рода на отчуждение, приданое могло быть продано.

Обычное право регламентировало также возраст вступления в брак (зрелым возрастом вступления в брак считались 15-16 лет для мужчин и 13-15 лет для девушек).

Существенную роль играли обычаи в праве наследования, которое возникает еще до образования молдавского государства. В XVIII – первой половине XIX в. в Молдове нормы обычного права в области права наследования в основном стабилизировались. Со-

гласно неcodифицированному праву, предусматривались пять степеней очередности наследников. Представители последующих степеней к наследованию не призывались, если в наследство вступали наследники предыдущей очереди.

К наследникам первой очереди относились родственники умершего по нисходящей линии: сыновья, дочери, внуки и т.д. Между детьми умершего наследство делилось в равных долях. Внуки наследодателя по праву представления получали долю умерших родителей. При жизни родителей они не призывались к наследованию.

К наследникам второй очереди относились восходящие родственники наследодателя: отец, дед, бабка и его полнородные братья и сестры, а также дети ранее умерших братьев и сестер. Если эти лица пережили наследодателя, то к наследованию призывались только родители покойного и его полнородные братья и сестры. Между ними наследство делилось поровну. Если же на день смерти наследодателя в живых остался только один из родителей покойного, то доля умершего родителя делилась поровну между его родителями. Дети умерших братьев и сестер наследодателя получали их долю по праву представления.

К наследникам третьей очереди относились неполнородные братья и сестры наследодателя, а также дети умерших неполнородных братьев и сестер, наследовавшие по праву представления.

Отметим, что молдавское обычное и codифицированное право подразделяло братьев и сестер на полнородных (происходящих от одних и тех же родителей) и неполнородных. Братья и сестры, происходящие от одного и того же отца и разных матерей или от одной матери и разных отцов назывались неполнородными (в первом случае – единокровные, во втором – единокровные).

К наследникам четвертой очереди относились все остальные боковые кровные родственники без ограничения степени родства.

В последнюю очередь к наследованию призывался переживший супруг.

Согласно обычаям земли, если наследодатель решил кому-то из прямых наследников отказать в наследстве, он обязан был это решение аргументировать, поскольку прямые наследники не могли быть обойдены.

Например, Илие Ионаке завещал родовое имущество церкви, а сына Гаврила и жену Тофану оставил на попечительство господаря. При этом

такое решение в завещании ничем не мотивировалось. Обжаловав противоречившее закону и обычному праву завещание, наследники добились его отмены. Этот документ относится к XVIII в., но среди письменных источников встречаются подобные акты, датированные первой половиной XIX в. Права прямых наследников почти всегда соблюдались и случаи игнорирования были исключительными.

В обычном праве XVI-XVII веков внедряется обычай (*синисфора*), по которому дочь, получившая ранее приданное, могла участвовать в наследовании земли. Данная норма допускалась по отношению к наследованию по закону (обычаю).

В обычном праве Молдовы были известны определенные преимущества при наследовании для младшего сына (или для младшей дочери), получавшего родительский дом. В одном из поземельных документов отмечено, что «в связи с тем, что все сыновья поженились, а дочери вышли замуж, родной дом с усадебным участком оставляю самой младшей из сестер Настасии, ибо она еще не успела обзавестись семьей».

В обычном праве молдаван было предусмотрено, что по случаю женитьбы первого сына во время семейного совета или совета родственников определялся объем отцовского имущества, предназначенного для младшего сына или младшей дочери.

Этот старый обычай прослеживается по многим судебным документам молдавского права. Он настолько укрепился в юридической практике, что иногда младшие дети, будучи недовольны решениями родителей, жаловались в учреждения государственного суда по поводу того, что отец или мать отказывают им в законном праве на наследование. Так, например, в документе от 24 декабря 1753 г. указывается на то, что сын обжаловал отказ отца передать в наследство родной дом с усадьбой, несмотря на то, что он младший в семье. Обычай этот особенно характерен для тех районов, в которых наиболее долго сохранились общинные порядки.

Такой обычай наследования в феодальном обществе сложился не случайно. Система минората защищала всякого рода впадения, будь то крестьянские участки или феодальные вотчины, чтобы те не дробились между наследниками и почти целиком переходили от одного поколения к другому. Но, с другой стороны, этот обычай способствовал росту числа безземельных и малоземельных крестьян.

ян, так как земля, которую получали молодой муж и жена в качестве приданого, ввиду незначительных размеров не могла обеспечить их существование.

Обычай лежали в основе завещательного права Молдовы, однако постепенно (в XVIII- первой половине XIX вв.), в связи с изменениями в социально-экономических и политических условиях жизни в стране, наблюдается отход от применения в данной сфере обычного права

Уже само появление письменного завещательного распоряжения, требовавшего подтверждения представителей уездного суда и нотариуса, означало частичный отход от обычного права, ибо отражало появившуюся необходимость обойти существующие наследственные нормы. Правда, еще Уложение Василия Лупу 1646 г. допускало случаи обхода прямых наследников в завещании, в том числе и для получения родовой недвижимости.

Действовавшие нормы обычного права определяли меры гражданской и уголовной ответственности родителей и опекунов за проступки несовершеннолетних. Последние же должны были содержать своих кормильцев до достижения ими преклонного возраста, помогать в случае болезни и т.д. Возникшие во времена кровнородственной общины, а может быть и раньше, традиции семейной или групповой солидарности настолько впитались в семейно-общественную жизнь молдаван, что даже в переходный от феодализма к капитализму период не исчезают, а совершенствуются и продолжают служить в новых условиях. Вопреки тенденции к индивидуализации ответственности каждого за свои дела и поступки, что, естественно, соответствовало нормам классического права, в Молдове в начале XIX в. еще живучи были черты семейной и групповой ответственности.

Нормы обычного права регулировали и ряд уголовных и процессуальных правоотношений.

Так, например, в первой половине XVIII в. некоторое распространение имел судебный поединок (в молдавских селах Транснистрии). Он назначался в тех случаях, когда ответчик обвинял истца в намеренной лжи. Документы начала XVIII в. очень редко упоминают судебный поединок как пережиток "Суда Божьего", известный в литературе под названием "поле". Причем, прибегали к нему у многих народов времен феодализма – волохов, южных и восточ-

ных славян. Среди ученых возник спор по поводу происхождения этого института. М. Т. Каченовский, И. Ф. Калайдович, М. П. Погодин рассматривали "поле" исключительно как форму, заимствованную из нормандско-скандинавского законодательства. Гр. Александреску, Т. Бурада, М. Деметреску считали "поле" продуктом германского влияния, а некоторые румынские исследователи – Ал. Катрина, М. Емерит, Г. Кронц, Б. Хаждеу видели в нем продолжение правовых устоев римлян и византийцев. Некоторые ученые – русские и румынские (А. Н. Попов, С. П. Пахман, В. Агапие, Р. Вулкэнеску и др.) считали поединок чисто местным обычаем.

"Поле" – место поединка – обносилось надельщиком веревкой или цепью, за что он получал специальную плату – "вязчее". Надельщик вызывал стороны в суд и следил за организацией поединка. За порядок при проведении "поля" отвечали вэтэмань или же представители исправника, которые следили, чтобы стряпчие и поручники польщиков не держали у себя "доспехи, дубины и ослопов" и чтобы у "поля" не стояли посторонние люди. Участвовавшие в поединке пользовались крайне тяжелым вооружением и большей частью пускали в ход "*sulițu*" – железную палку, заостренную с обоих концов, которой искусно владели. Поскольку на поединке обычно присутствовали друзья и доброжелатели сторон, то бой часто превращался в организованную драку, интересную для зрителей, "потому что дерутся в потасовку, кулаками, батогами и дубинами с обожженным концом".

"Поле" назначалось не только по незначительным гражданским, но и уголовным делам, не затрагивавшим, однако, интересы государства. Оно применялось в заемном деле, поджоге, разбое и даже в делах о недвижимом имуществе. Неявка одной из сторон или бегство с поля вело к прекращению дела в пользу другой стороны.

"Поле" могло быть заменено свидетельскими показаниями, а стороны, которые не могли вести "бой" – "женка, детина, мал, стар и увечен", "девка" незамужняя женщина – выставляли вместо себя своего представителя, так называемого наймита. Ими могли быть любые наемные лица и даже профессионалы.

На "поле" запрещалось выступать духовенству, по отношению к которому применялись другие виды доказательств.

В силу того, что "поле" применялось только по нормам обычного права, чрезвычайно трудно восстановить картину всего института, ибо фактически никаких доказательств не оставалось.

В Молдове существовал определенный партикуляризм феодального обычного права, корни которого уходят в раннефеодальный период.

Юридические обычаи одной деревни или общины нередко отличались от обычаев в другой деревне или общине. Бывали случаи региональности, когда определенные нормы Нижней Молдовы оказывались неприемлемыми для Верхней Молдовы, и наоборот. Однако эти различия не существенны. Обычное право молдаван XVIII – нач. XIX в., т.е. времени, когда многие написанные нормы начали приобретать кодифицированный характер, отличалось от неписанных норм раннего и развитого феодализма, которые сохранялись благодаря устной форме закона. Поэтому важно иметь в виду, что сам акт записей правового обычая, сохранившегося до этого лишь в памяти его знатоков – "законоговорителей", знаменовал начало обособления от народа обычного права, так как до тех пор, пока оно опиралось на устную народную традицию, оно могло изменяться, отражая наряду со старым и новые моменты, фиксация же части обычного права в сборниках, анафорах, изводах и т.д. придавала ему окончательный, неизменный характер.

Ряд письменных законодательных норм составлялся на основе узаконения юридических обычаев. Письменные законы фиксировали обычаи, складывавшиеся веками и мало изменившиеся, во всяком случае, под воздействием сознательной инициативы именно потому, что они были обычаями и в силу традиции считались нерушимыми, священными. Отсюда неполнота и фрагментарность юридических обычаев, ибо их многообразие не поддавалось сплошной фиксации. Отсюда же и противоречивость отдельных положений, которые подчас фиксировались в то время, когда их действительность была уже утрачена.

Отметим, что некоторые обычаи внедрялись в юридическую практику искусственно, как, например, обычай включения джмы с молока, творога, сметаны, масла, сала, мяса, птицы, яиц, грабов, солений, шерсти в состав натуральной ренты (со второй половины XVIII – нач. XIX вв.). Этот обычай зарождается в середине XVIII в.

как результат сокращения интереса землевладельца к барщине и введения в некоторых вотчинах своеобразной натуральной коммутации барщины оброком с птицы. Возобновление впоследствии интереса феодалов к барщине в этих вотчинах, несмотря на ее рост, сопровождалось стремлением сохранить и оброк с птицы. Но еще долгое время до конца XVIII в. многие государственные акты фиксации частновладельческой ренты и отдельные господарские грамоты указывали, что по давним обычаям страны владельцам вотчин не положено брать дижму с птицы и яиц.

Крестьяне многих вотчин в своих жалобах утверждали, что в их селах никогда не было такого обычая. Можно встретить и в начале XIX в. такие вотчины, в хозяйственных описях которых дижма с птицы и яиц не упоминается.

Однако постепенное распространение этого нового обычая приводит к его почти повсеместному утверждению по настоянию феодалов, в результате чего он оформляется и в актах государственной унификации частновладельческой ренты во втором десятилетии XIX в. Причем, как нередко бывает в таких случаях, для повсеместного утверждения нового обычая, которому крестьяне оказывали сопротивление, создавался соответствующий феодальный миф о весьма древнем происхождении этой дижмы. Так, в проекте «Постановления пунктов об обязанностях к владельцам вотчин царан...», изданном Верховным советом Бессарабии и разосланном по всей области 16 мая 1819 г., указывается, что «всякий хозяин также по древнему обычаю должен дать помещику ежегодно по две курицы, что и будет считаться доходом помещика со всех птиц, которых поселяне имеют в вотчинах».

Но этот «древний» обычай, как уже отмечалось, начал утверждаться всего лишь за несколько десятилетий, и в XVI – нач. XVIII в. дижма с птицы и яиц еще не входила в состав продуктовой ренты.

Молдавское обычное право XVIII – начале XIX в. не было слабо развитым, так как неписанные законы, благодаря православной религии, сумели впитать многие элементы канонического права. Нельзя считать молдавское обычное право статичным, неизменным.

В соборных грамотах, особенно второй половины XVIII в., составители придавали огромное значение всем деталям, даже самым, казалось бы, незначительным, таким как движение, слово и посту-

пок участников процесса, местоположение относительно друг друга – в записях обычного права с точностью подробного сценария расписаны все действия, необходимые для успешного осуществления каждого акта, регулировавшего различные стороны общественной жизни молдован.

Было бы ошибочно считать, что в XVIII – начале XIX в. продолжали господствовать неписанные законы. Наоборот, данный период обычаи вступают в фазу разложения, более того, в указанное время они уже не контролировали многие стороны юридической жизни страны, за исключением институтов гражданского права, где обычное право по-прежнему главенствовало.

Утверждение турецко-фанариотского режима привело к всестороннему насаживанию норм византийского права и вытеснению из юридической практики Молдовы обычного права. Нормы юридических обычаев, сталкиваясь с письменным правом, постепенно уступали последнему.

В XVIII в. обычное право, все больше подвергаясь воздействию представителей господствующего класса, продолжает видоизменяться. Юридические обычаи проходят фильтр цензуры. Их делят на хорошие и неприемлемые, нерациональные и т.д. В юридической практике вводятся новые понятия: апробированный обычай, утвержденный обычай, которые изнутри разлагают обычное право. Таким образом, неписаное право постепенно дорабатывается с учетом нужд феодальной юстиции и суда.

Серьезный конфликт между обычным правом и законодательством прослеживается в ходе анализа судебных книг (*cărți de judecată*) и господарских соборных грамот. Так, например, Хрисов 1752 г. отчетливо требует: "Обычаи, признанные ранее как хорошие, но не отвечающие в данный момент интересам страны, должны дорабатываться. И так должно поступать со всеми обычаями". Мысль об удалении "плохих" обычаев встречается также в грамотах К. Маврокордата 1746 и 1749 гг.

Несмотря на то, что к концу позднего феодализма в юридической и судебной практике края неписанные обычаи теряют силу, в общественной жизни они продолжают занимать видные позиции. Однако это не есть свидетельство "неповторимой", "особой" роли обычного права молдован. Главными виновниками данного явле-

ния были Османская империя и господствующие классы страны. Турция возражала против выработки в Молдове собственных законов, а господствующие классы были неспособны составлять кодификацию законов на основе местных юридических обычаев.

Особая роль правовых обычаев указанного периода заключалась и в том, что многие старинные традиции, ранее не входившие в категорию юридических, были возрождены низшими слоями общества в противовес "указным" обычаям и рецепции византийского права. В отсутствие феодальных и буржуазных кодификаций крестьяне тяготели к обычному праву. Для них "буквы" писаного закона были "странными" и непонятными. С другой стороны, византийские законы и даже немногочисленные анафоры и грамоты, изданные молдавскими господарями, не всегда были способны ответить на возникавшие вопросы, так что государственная машина вынуждена была сохранить многие юридические обычаи. В результате обычное право и законодательство неоднократно противоречили друг другу. Вот почему в конце XVIII в. наблюдается определенный ажиотаж вокруг "*obiceiul țământului*".

К концу XVIII в. в результате ослабления турецко-фанариотского режима и влияния западноевропейского права возникает необходимость в собирании, обработке и кодифицировании юридических обычаев. С этой целью во время второго правления А. Маврокордата (1785-1786 гг.) был учрежден институт логофета по обычному праву, в обязанности которого входили селекция и апробирование нужных обычаев, а также контроль за судебными делами, рассмотренными по обычному праву. После "ревизии" в обычае земли неписаное право Молдовы теряло свою творческую силу и уже в середине XIX в. фактически перестало играть роль одного из ведущих источников права.

Важное значение обычного права подтверждается их применение в судах даже после присоединения Бессарабии в 1812 году к России и постепенной инкорпорации юридической системы области в общеимперскую.

Согласно Уставу образования Бессарабской области (1818 год) дела в Верховном Совете производились «с соблюдением узаконений Российской Империи и с сохранением прав и обычаев земли в отношении защищения частной собственности; а гражданские тя-

жебные и межевые дела отправляются на одном языке молдавском, и судятся по основанию законов и обычаев молдавских».

При постановлении решения руководствоваться общеизвестными местными обычаями могли и введенные после судебной реформы 1869 года в Бессарабии мировые судьи, но лишь в том случае, когда применение местных обычаев дозволялось законом или в случаях, не предусмотренных законами. В Российской империи юридической доктриной под обычаем подразумевалось постоянное, в течение более или менее продолжительного времени однообразного соблюдения... какого либо правила, выработанного и усвоенного народом. Как норма права, равносильная закону, он признавался тогда лишь, когда им устанавливалось правило, которое касается юридической стороны народной жизни. Под обычаем, отмечал в 1878 году Сенат, следует понимать такое юридическое правило, которое не выражено в законе, но которому постоянно подчиняются жители данной местности, признавая его для себя обязательным, как и сам закон.

Разрешение руководствоваться местными обычаями содержалось и в других нормативных актах реформ 60-х годов XIX века. В 21 статье положения от 19 февраля 1861 года было определено, что в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий крестьяне руководствовались местными своими обычаями. Статьей 38 им предоставлялось, в порядке наследования имущества, руководствоваться местными своими обычаями.

Отметим, что статья 130 Устава гражданского судопроизводства, как указывал Сенат, давала право, но не обязывала мирового судью руководствоваться общеизвестными местными обычаями (в отличие от местных гражданских законов, которые имели приоритет перед имперским законодательством и применялись в обязательном порядке), да и то лишь в определенных законом случаях – по ссылке одной или обеих сторон (без таковой ссылки мировой судья не вправе был основывать свое решение на местном обычае) и когда применение местных обычаев дозволялось законом или в случаях, не предусмотренных законами, а также если местный обычай являлся общеизвестным.

В кассационной жалобе на решение Ясского мирового съезда мещанин Берман просил об отмене решения съезда на том основа-

нии, что съезд нарушил 130 статью Устава гражданского судопроизводства, не обратив внимания на местный обычай, указанный в объяснении просителя на апелляционную жалобу Судварга и заключающийся в том, что портным всегда отпускался красный товар из лавок без особого письменного документа.

По выслушивании заключения Товарища Обер-прокурора Правительствующий сенат нашел, что неосновательна жалоба на неприятие съездом во внимание местного обычая, на который он ссылался. По точному смыслу 130 статьи Устава гражданского судопроизводства мировой суд не обязан, а только может руководствоваться общеизвестными местными обычаями, и при том в двух, положительно определенных в той же статье случаях, которых в данном деле в виду съезда не было. По этим основаниям Правительствующий сенат определил: кассационную жалобу Бермана, на основании 186 статьи Устава гражданского судопроизводства, оставить без последствий.

Таким образом обычное право, играющее существенную роль в раннем средневековье, в XVIII – XIX веках постепенно теряет свое былое значение, в уголовном процессе в XIX веке оно было полностью вытеснено общеимперским уголовным законодательством, лишь в гражданских делах судебные инстанции могли использовать нормы обычного права.

Если проводить сравнительный анализ обычного права молдаван и евреев, то необходимо отметить существенные отличительные черты:

1. Обычное право евреев в гораздо большей степени (чем обычное право молдаван) основывалось на религиозных нормах.
2. Обычное право евреев имело гораздо меньшее внешнее влияние, заимствование.
3. Обычное право евреев имело гораздо меньший партикуляризм, чем обычное право молдаван.
4. В отличие от обычного права евреев в Бессарабии, обычное право молдаван широко использовалось нормами судебной практики. Именно эта причина позволяет высказать сомнения в правомерности термина «обычное право евреев», на

наш взгляд для Молдовы больше подходит термин «применяемые обычаи евреев».

ВЫВОДЫ:

1. Обычное право евреев основывалось в основном на религиозных нормах, уходящих корнями в глубокое прошлое.
2. При том, что обычное право евреев имело и внешнее влияние, это влияние все же гораздо менее существенно, чем у большинства европейских народов.
3. Влияние еврейского обычного права было огромным, в основе многих законов и обычаев других народов лежат именно обычаи и обычное право евреев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивный фонд

1. Фонд 50 – Уездные съезды, мировые судьи и посредники Бессарабии: оп. 1, ед. хр. 1; 2; 3; 6; 9; 10; 13; 14; 15; 18; 35; оп. 16, ед. хр. 703; 1344.

Нормативные акты

2. Городовое положение 1870 г. // Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России. С древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 300-301.
3. Городовое положение 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1895. Т.12 (отд. 1). Статья 8708. С. 430-456.
4. Указ Правительствующему сенату от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. Б. В. Виленского. М., 1991.
5. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. Б. В. Виленского. М., 1991
6. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. Б. В. Виленского. М., 1991.
7. Учреждение судебных установлений // Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. Б. В. Виленского. М., 1991.
8. Высочайше утвержденное 19 октября 1865 года положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента, Общего собрания и Соединенного присутствия Первого и Кассационного департаментов Правительствующего сената и Циркулярами Министра юстиции. Систематический сборник / Сост. В. Гордон. СПб., 1901. С. 869-873.

9. Высочайше утвержденное 8 апреля 1869 года мнение Государственного Совета «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года в Бессарабской области» // ПСЗ. Собрание второе. Том XLIV, отделение первое. 1869. СПб., 1873. С. 309.
10. Высочайше утвержденное 9 декабря 1804 года Положение «О устройстве евреев» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 28. 1804-1805. СПб., 1830. С. 731-737.
11. Именной Указ от 3 ноября 1869 г. об открытии новых судебных мест в Бессарабской области // ПСЗ. Собрание второе. Том XLIV, отделение второе. 1869. СПб., 1873. С. 238-239.
12. Указ Правительствующего сената от 21 сентября 1878 года о порядке отправления правосудия в части Бессарабии, присоединенной к России на основании Берлинского трактата // ПСЗ. Собрание второе. Том XLIII, отделение второе. 1878. СПб., 1880. С. 162-163.
13. Высочайше утвержденное 13 апреля 1835 года Положение о Евреях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 10. Отделение первое. 1835. СПб., 1836. С. 308-311, 316-318.
14. Высочайше утвержденное 19 декабря 1844 года Положение о подчинении евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением еврейских кагалов // Муниципальное право. 2002. № 3. С. 78-80.
15. Высочайше утвержденные 24 января 1879 года правила, подлежащие соблюдению при рассмотрении уголовных и гражданских дел, возникших при румынском правительстве в присоединенной к России части Бессарабии на основании Берлинского трактата // Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к Судебным Уставам Александра II. СПб., 1884. С. 328-331.
16. Действующее законодательство о евреях (по Своду Законов с объяснениями). / Сост. Вайнштейн Е.В. Киев, 1911.
17. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений / Сост. Гимпельсон И. Я. Под ред. Брамсона М. Л. В 2-х тт. СПб., 1914-1915.
18. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю. П. Титов. М., 1997. С. 262-263.
19. Положение об уездных и губернских земских учреждениях 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. X. Отделение 1-е. СПб., 1893. Ст. 6927. С. 493-501.
20. Сборник законов о евреях с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерств / Сост. И. В. Гессен, В. Фридштейн. СПб., 1904.
21. Сборник ограничительных законов и постановлений о евреях: По 1-е июля 1902 года / Сост. Е. Б. Левин. СПб., 1902.
22. Циркуляр министра юстиции № 287 от 23 марта 1872 года // Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъясненными Правительствующим сенатом и Циркулярами министра юстиции / Сост. В. Ширков. СПб., 1902. С. 1168.
23. Циркуляр министра юстиции № 124 от 28 апреля 1868 года // Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными

- мотивами, разъясненными Правительствующим сенатом и Циркулярами министра юстиции / Сост. В. Ширков. СПб., 1902. С. 1172.
24. Кишиневское земство. Сборник постановлений уездного земского собрания. Часть I. 1869 – 1893. Кишинев, Б.т., 1913.
 25. Сборник постановлений Уездных собраний Кишиневского земства. Часть I. 1869 – 1893 гг. / По поручению управы составил С. Коханский. Кишинев, 1913.
 26. Устав образования Бессарабской области. Кишинев, 1818.

Опубликованные источники

27. Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Том. VI. СПб, 1887.
28. Волков В. В. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Петроград, 1916.
29. Гражданский процесс. Практические комментарии на вторую книгу Устава гражданского производства / Сост. В. Л. Исаченко. Т. II. Минск, 1891.
30. Гражданское судопроизводство. Настольная книга для членов окружных судов и мировых судей / Сост. М. С. Могилев. СПб, 1914.
31. Егунов А. Н. Местные гражданские законы Бессарабии. СПб., 1881.
32. Извлечения из решений Кассационных департаментов Правительствующего сената А. Н. Попова. 1866 – 1872. Ч. 2. М., 1874.
33. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874 – 1894 гг.). Составлено в статистическом отделении Министерства юстиции при ближайшем участии Е. Н. Тарновского. СПб., 1899.
34. Кассационная практика Правительствующего сената по городским и земским делам. Сборник решений Гражданского и Уголовного кассационных департаментов Сената и общего их собрания, а также общего собрания Первого и Кассационного департаментов Сената за 45 лет (1866 – 1911) / Сост. А. А. Колычев. СПб., 1912.
35. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. М., 1992.
36. Кохманский Р. Вопросы гражданского права и процесса, разрешенные нашей апелляционной практикой. Т. I. Кишинев, 1875.
37. Крюковский В. Я., Товстолес Н. Н. Мировой судья: Практическое руководство для Мировых Судей и Мировых Съездов: Учреждение Судебных Установлений, Устав Гражданского Судопроизводства, Устав Уголовного Судопроизводства – в частях, касающихся мировых судебных установлений, по Судебным Уставам Императора Александра Второго. СПб., 1914.
38. Местные законы Бессарабии. Полный систематический сборник местных Бессарабских законов Арменопула, Донича, Соборной Грамоты Маврокордато и ручной книги о браках / Сост. С. М. Гроссман. СПб, 1904.
39. Мировой суд. Практические комментарии на первую книгу Устава гражданского судопроизводства / Сост. В. Л. Исаченко. СПб, 1913.
40. Миттермайер К. Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 22. С. 16-34.

41. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. 7-е изд. М., 2000.
42. Обзор Бессарабской губернии за 1876 год. Б.г.
43. Обзор Бессарабской губернии за 1879 год. Б.г.
44. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 11-е изд. М., 1984.
45. Основы гражданского процесса. Практический комментарий основных положений Устава гражданского судопроизводства / Сост. В. Л. Исаченко. СПб., 1904.
46. Отчет о действиях Сорокской уездной земской управы с 1 сентября 1877 по 1 сентября 1878 гг. Одесса, 1878.
47. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев / Сост. В. Леванда // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. Книжка первая. Январь – февраль. Книжка вторая. Март – апрель. С. 283-285.
48. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649 – 1873 г.: Извлеч. из пол. собраний законов Рос. империи / Сост. изд. В. О. Леванда. СПб., 1874.
49. Победоносцев К. П. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему предмету Кассационных департаментов Сената. СПб., 1872.
50. Решения Общего собрания Первого и Кассационных департаментов и Кассационных департаментов Правительствующего сената. 1877, 1878, 1879 гг. СПб., 1881.
51. Розенштейн М. Л. Практическое руководство для ведения дел у мировых судей, земских начальников, в волостных судах, верхних сельских судах, съездах, губернских присутствиях (более 300 форм различных прошений): С извлечениями из решений Правительствующего сената, циркуляров министров юстиции и внутренних дел с примечаниями составителя, с узаконениями, на которые делаются ссылки, с приведением в тексте закона 15 Июня 1912 г. о преобразовании местного суда. СПб., 1914.
52. Савенко М. Г. Практика Правительствующего сената по Бессарабскому праву. Кишинев, 1914.
53. Сборник законов о волостном и мировом суде. Настольная книга для судей, поверенных, судебных приставов, тяжущихся и обвиняемых / Сост. Г. С. Вольтке. СПб, 1914.
54. Сборник решений Правительствующего сената по вопросам о привлечении к ответственности должностных лиц судебного ведомства за неправильное действие по службе / Сост. Н. Рычков. СПб, 1879.
55. Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции. СПб., 1871-1874.
56. Свод замечаний и предположений о развитии основных положений преобразования судебной части. СПб., 1863.
57. Свод решений кассационных департаментов Правительствующего сената и разъясненные ими законоположения. Часть 1. СПб., 1869.

58. Систематический сборник решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1875 год / Сост. А. Гожев. Т. II. СПб., 1878.
59. Систематический свод решений кассационных департаментов Сената. 1866 – 1871 гг. С подлинным текстом решений, извлеченными из них тезисами и критическими разборами их. Том IV. Решения Уголовного кассационного департамента, разъясняющие Уложение и Устав о наказаниях и Учреждение судебных установлений / Сост. Н. С. Таганцев. СПб., 1872.
60. Судебно-статистические сведения и соображения о введении судебной реформы по Бессарабской области. Без года.
61. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с разъяснением их по решениям кассационных департаментов правительствующего сената. СПб., 1869.
62. Судебные уставы императора Александра II с комментариями и разъяснениями. Учреждение судебных установлений. СПб., 1884.
63. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. I Учреждение судебных установлений. СПб., 1866.
64. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. III. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1867.
65. Судебные уставы императора Александра II: Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1913.
66. Судебные уставы императора Александра Второго с толкованиями, извлеченными из отечественной юридической литературы / Сост. А. Тиманский. М., 1885.
67. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Петроград, 1914.
68. Таганцев Н. С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. СПб., 1894.
69. Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к Судебным уставам императора Александра II. СПб., 1884.
70. Устав гражданского судопроизводства с объяснением по решениям Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената / Сост. А. Боровиковский. СПб., 1883.
71. Устав гражданского судопроизводства. С законодательными мотивами, разъяснениями, дополнениями и изменениями по официальному изданию 1892 года, а также со включением статей по продолжению 1893 года и позднейшими узаконениями по 1 сентября 1894 года. В 2-х томах / Сост. И. И. Игупов. СПб., 1894.
72. Устав гражданского судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами и разъяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента, Общего собрания и Соединенного присутствия Первого и Кассационного департаментов Правительствующего сената и Циркулярами Министра юстиции. Систематический сборник / Сост. В. Гордон. СПб., 1901.
73. Устав о наказаниях налагаемых мировыми судьями: По официальному изданию 1914 года: С извлечениями из решений Правительствующего сената главных военного и военно-морского судов, свода законов, сводов военных

- и морских постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями / Сост. В. В. Волков. Петроград, 1916.
74. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С пояснением текста, дополненного всеми вышедшими до 1877 г. узаконениями, по решениям Уголовного кассационного департамента с 1866 по 1876 г. / Составитель П. Лякуб. Пенза, 1877.
 75. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, разъясненный решениями Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената за 1866-1871 годы / Составитель Н. П. Тимофеев. СПб., 1872.
 76. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего сената и циркулярами министра юстиции / Сост. В. Ширков. СПб., 1902.
 77. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1892.
 78. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего сената и циркулярами министра юстиции / Сост. М. П. Шрамченко и В. П. Ширков. СПб., 1913.
 79. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / Под ред. М. Н. Гернета. Выпуск II. М., 1914.
 80. Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий. Вып. V. / Сост. А. Ф. Кони, В. К. Случевский, Н. С. Таганцев и др.; Под ред. М. Н. Гернета. М., 1916.
 81. Учреждение судебных установлений. Свод законов, правил, распоряжений и разъяснений, относящихся до учреждения судебных установлений и судебного управления / Сост. С. Г. Громачевский. СПб., 1897.
 82. Шимановский М. В. Указатель судебным решениям бессарабского гражданского права. Одесса, 1887.
 83. Щегловитов С. Г. Судебные уставы императора Александра II с разъяснениями: Устав Уголовного судопроизводства. СПб., 1913.
 84. Юридические вопросы, разъясненные Гражданским кассационным департаментом Правительствующего сената / Сост. участковый мировой судья Кишиневского округа Д. И. Влахче. Кишинев, 1889.

Периодические издания

85. Бессарабские областные ведомости: 1869: 31 мая; 2 июля; 6 августа; 13 августа; 16 августа.
86. Бессарабские областные ведомости: 1870: 7 января; 21 января; 28 января; 31 января; 7 февраля; 21 февраля; 25 февраля; 28 февраля; 7 марта; 14 марта; 18 апреля; 11 июля; 29 июля; 12 августа; 1870. 15 августа; 7 ноября.
87. Бессарабские губернские ведомости: 1874: 5 января; 16 января; 13 февраля; 6 марта; 27 апреля; 1 июня.
88. Бессарабские губернские ведомости: 1875: 19 апреля; 7 мая; 24 мая; 31 мая; 28 июня; 14 июля; 21 июля.
89. Бессарабские губернские ведомости: 1878: 4 января; 14 января; 28 января; 8 февраля; 12 августа; 18 октября.

90. Бессарабские губернские ведомости: 1879: 28 февраля; 11 апреля; 14 апреля; 9 мая; 1 августа.
91. Вестник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1881. Год одиннадцатый. № 1-2. Кишинев 1881.
92. Вестник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1881. Год одиннадцатый. № 5-6. Кишинев, 1881.
93. Вестник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1882. Год двенадцатый. № 1-2. Кишинев, 1882.
94. Вестник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1883. Год тринадцатый. № 1-2. Кишинев, 1883.
95. Сборник Бессарабского земства, издаваемый Бессарабской областной земскою управою. 1871. Год первый. № 1. Кишинев, 1871.
96. Сборник Бессарабского земства, издаваемый Бессарабской областной земскою управою. 1871. Год первый. № 2. Кишинев, 1871.
97. Сборник Бессарабского земства, издаваемый Бессарабской губернской земскою управою. 1874. Год четвертый. № 3. Кишинев, 1874.
98. Сборник Бессарабского земства, издаваемый Бессарабской губернской земскою управою. 1874. Год четвертый. № 5. Кишинев, 1874.
99. Сборник Бессарабского земства, издаваемый земскою управою. 1876. Год шестой. № 5. Кишинев, 1876.
100. Сборник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1877. Год седьмой. № 4. Кишинев, 1877.
101. Сборник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1877. Год седьмой. № 5. Кишинев, 1877.
102. Сборник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1877. Год седьмой. № 6. Кишинев, 1877.
103. Сборник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1878. Год восьмой. № 4. Кишинев, 1878.
104. Сборник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1879. Год девятый. №4. Кишинев, 1879.

Литература

105. Aramă E. Istoria Dreptului Românesc. Chișinău, 1998.
106. Aramă E., Coptileț V. Sistemul judiciar roman și rus: față unirea din 1918 // Probleme actuale ale științelor socio-umane în condițiile integrării europene. Materiale ale conferinței teoretico-științifice internaționale, 28 ianuarie 2006. Chișinău, 2006. P. 456-459.
107. Becker Elisa M. Judicial Reform and the Role of Medical Expertise in Late Imperial Russian Courts // Law & History Review. 1999. №1 (Vol. 17). P. 1-26.
108. Boldur A. Istoria Basarabiei. București, 1992.
109. Boldur A.V. Contribuții la studiul istoriei Românilor. Istoria Basarabiei. Vol. III. Sub dominațiunea rusească (1812 – 1918). Politica, ideologia, administrația. Chișinău, 1940.

110. Borșevski A. Fondurile Arhivei Naționale a Republicii Moldova – izvor important pentru cercetarea activității judecătorilor de pace din Basarabia (anii 60-70 ai sec. XIX) // Pergament: Anuarul Arhivelor Republicii Moldova. 2006. IX. P. 119-124.
111. Borșevski A., Sosna A. Justiția de pace în Imperiul Rus și Basarabia: analiza istoriografiei // Revista Națională de Drept. 2010. № 4. P.51-54.
112. Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru 1812-1918. Chișinău, 1992.
113. Chirtoacă L. Justiția de împăcare în Basarabia în baza reformei judecătorești din a doua jumătate a secolului al XIX-lea // Anale științifice ale Universității de Stat din Moldova. Seria «Științe socio-uma-ne». Vol. I. Chișinău, 2000. P. 257-263.
114. Chirtoacă L., Coptileț V. Unele aspecte comparative ale evoluției sistemului judecătoresc din Basarabia în secolul al XIX-lea // Funcționarea Instituțiilor Democratice în Statul de Drept: Materiale ale conferinței teoretico-științifice internaționale, 12-26 ianuarie 2003. Chișinău, 2003. P. 602-610.
115. Ciobanu Ș. Basarabia. Chișinău, 1993.
116. Cuznețov A. Influența reformelor din 1864, înlăptuite în Imperiul Rus, asupra dreptului procesual penal din Basarabia // Revista Națională de Drept. 2004. № 5. P. 48-54.
117. Inculeț Th. Obiceul pământului în Besarabia. Revistă Societății istorico-arheologice bisericești. Vol. XIX. Chișinău, 1929. P. 161-172.
118. Kaiser F. B. Die russische Justizreform von 1864. Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. Leiden, 1972.
119. Levin-Stankevich Brian Lee. Cassation, Judicial Interpretation and the Development of Civil and Criminal Law in Russia, 1864 – 1917: The Institutional Consequences of the 1864 Court Reform in Russia, Ph.D. thesis, State University of New York at Buffalo, 1984.
120. Levitats I. The Jewish Community of Russia, 1844 – 1917. Jerusalem, 1981.
121. Lupașcu Z. Instituțiile politice și cele juridice din Basarabia (1812 – 1917). Chișinău, 2004.
122. Manual juridic al lui Andronache Donici. București, 1959.
123. Neuberger J. Popular legal cultures. The St.Petersburg mirovoi sud // Russia's Great reforms, 1855 – 1881. Bloomington, 1994. P. 231-246.
124. Nistor I. Istoria Basarabiei. București, 1991.
125. Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865 – 1889 // Jahrbucher fur Geschic-hte Osteuropas. Wiesbaden, 1984. P. 52-71.
126. Polonsky A. The Jews in Poland and Russia. Vol. 1. 1350 – 1881. Vol. 2. 1881 – 1914. Oxford, 2010.
127. Poștarencu D. Contribuții la istoria modernă a Basarabiei. Vol. 1. Chișinău, 2005.
128. Reforming Justice In Russia, 1864 – 1994: Power, Culture, And The Limits Of Legal Order / Editor: Solomon, Peter H. New York, 1997.
129. Saunders David. Russia in the age of reaction and reform: 1801 – 1881. London, 1992.
130. Tașcă M. Particularitățile aplicării drepturilor locale în județele Izmail și Cetatea Albă (Akkerman) în perioada anexării Basarabiei la Imperiul Rus // Revista Națională de Drept. 2005. № 5. P. 56-63.

131. Александров В.А. Обычное право в отечественной дореволюционной науке XIX в. и современная постановка проблемы // Тезисы докладов и сообщений XVIII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. М., 1980.
132. Аникин В. Евреи в Молдавском княжестве и Бессарабской губернии // Еврейское местечко. 2009. №40 (295).
133. Аникин В. Ремесленники-евреи Бессарабии в XIX веке // Проблемы истории и права евреев Молдовы: республиканская научная конференция. Кишинев, 2011. С. 43-55.
134. Афанасьева С. Ф. История и современность мирового суда // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2. С. 105-117.
135. Баркусский И. Исправление нравов или равноправие? (Варианты просветительского подхода к еврейскому вопросу в царствование Николая I). Постановка проблемы // Цайтшрифт. Журнал по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии. Том 6 (1). Минск-Вильнюс, 2011. С. 41-56.
136. Барталь И. От общины к нации. Евреи Восточной Европы в 1772 – 1881 гг. / Пер. с англ. Москва-Иерусалим, 2007.
137. Батюшков П. Н. Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892.
138. Бахрах Д. Н. Институт мировых судей: опыт становления // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 158-159.
139. Берг Л. Бессарабия. Страна – Люди – Хозяйство. Кишинев, 1993.
140. Берлин И.З. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Петербург, 1919.
141. Бессарабия // Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>
142. Бессарабская губерния // Еврейская энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1908 – 1913 гг.) в 16 томах. Том 4. СПб, 1908-1913.
143. Биюшкина Н. И. Некоторые практические проблемы внедрения мирового суда в российскую правовую действительность: Пореформенный период XIX в. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Выпуск 1(2). Правовая система России на рубеже веков. Нижний Новгород, 2000. С. 22-26.
144. Борисов Г., Хапилин А. От мировых судей – к мировым судам // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 39-40.
145. Борисова Е. А. Общая характеристика гражданского судопроизводства по Уставу гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Законодательство. 2005. № 2. С. 82-88; № 3. С. 83-89; № 4. С. 83-88; №5. С. 81-85.
146. Боршевский А. Внедрение мирового суда в южной Бессарабии (70-е г. XIX в.) // Закон и жизнь. 2010. № 4. С. 34-36.
147. Боршевский А. Деятельность мирового суда Бессарабии как фактор сохранения культурного наследия // Курсом развивающейся Молдовы. Материалы III Российско-молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». Том 5. Москва, 2009. С. 169-187.
148. Боршевский А. Мировая юстиция Бессарабии (к. 60-х – 70-е гг. XIX в.). Монография. Кишинев, 2008.
149. Боршевский А. Мировые суды – механизм защиты прав еврейского населения Бессарабии (II половина XIX в.). Материалы международной научной

- конференции «Актуальные проблемы археологии, этнологии и искусствоведения» (Кишинев, 14-16 мая 2009 г.). // *Revista de etnologie și culturologie*. 2010. Vol. 7. P. 29-31.
150. Боршевский А. Мировые суды Бессарабии как механизм сохранения культурного наследия (60 – 70-е гг. XIX века) // *Pătrarea patrimoniului cultural în Țările Europene. Conferența Inter-națională științifică*. Chișinău, 2009. С. 306-308.
151. Боршевский А. П. Внедрение мировых судов в Бессарабии и правовые основы обеспечения доступа к информации об их деятельности (конец 60-х – 70-е гг. XIX в.) // *Revistă de Istorie a Moldovei*. 2006. № 3-4. P. 80-84.
152. Боршевский А. П. Институт мировых судей: опыт прошлого в настоящем // *Probleme actuale ale științelor socio-umane în condițiile integrării europene. Materiale ale conferinței teoretico-științifice internaționale*, 28 ianuarie 2006. Chișinău, 2006. P. 557-560.
153. Боршевский А. П. Местные законы и их использование мировыми судами Бессарабии (2 половина XIX в.) // *Закон и жизнь*. 2009. № 11. С. 42-45.
154. Боршевский А. П. Обеспечение доступа к информации о деятельности мировых судов Бессарабии 60-х – 70-х гг. XIX в. // *Conferința științifică internațională «Învățământul superior și cerce-tarea – piloni ai societății bazate pe cunoaștere» dedicată jubileului de 60 ani ai Universității de Stat din Moldova*. 28 septembrie 2006. Vol. II. Chișinău, 2006. P. 345-346.
155. Боршевский А. П. Правовые аспекты принятия решений и применения местных законов и обычаев мировыми судами Бессарабии в гражданском процессе (к. 60-х – 70-е гг. XIX в.) // *Revistă de științe socio-umane*. 2006. № 2(3). P. 47-53.
156. Боршевский А. П. Принципы использования обычного права и местных законов мировыми судами Бессарабии (конец 60-х – 70-е гг. XIX в.) // *Probleme actuale ale istoriei, teoriei dreptului și științelor administrației publice. Conferința științifică internațională (1 – 2 oct. 2009)*. Chișinău, ASEM, 2010. С. 37-39.
157. Боршевский А. Права еврейского населения Бессарабии, МССР и Республики Молдова в XX веке // *Сборник научных трудов Института иудаики*. Выпуск I. Кишинев, 2011. С. 76-83.
158. Боршевский А. Применение местных законов и обычного права в гражданском судопроизводстве в мировых судах Бессарабии (60-70-е гг. XIX в.) // *Revista de etnologie și culturologie*. 2008. Vol. 4. P. 162-165.
159. Боршевский А. Фонды Национального Архива РМ как источник исследования деятельности мировой юстиции Бессарабии (2 половина XIX в.) // *Закон и жизнь*. 2009. № 10. С. 39-43.
160. Боршевский А. Характеристика правового положения еврейского населения Бессарабии в первой половине XIX века // *Сборник научных трудов Института иудаики*. Выпуск 2. Кишинев, 2011. С. 110-125.
161. Боршевский А., Варварич И. Мировая юстиция в Бессарабии (конец 60-х – 70-е гг. XIX в.) // *Мировой судья*. 2008. №6. С. 2-5.
162. Боршевский А., Варварич И. Мировая юстиция в Бессарабии (конец 60-х – 70-е гг. XIX в.) // *Научные труды. Российская академия юридических наук*. Выпуск 8. В двух томах. Том 1. М., 2008. С. 72-77.

163. Боршевский А., Мыца О. Подсудность мировых судов Бессарабии в гражданском судопроизводстве (60 – 70-е годы XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 1. С.6-9.
164. Боршевский А., Мыца О. Применение местных законов и обычаев мировыми судами Бессарабии в гражданском процессе (к. 60-х – 70-е гг. XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 4. С. 2-5.
165. Боршевский А., Мыца О. Юридические принципы уголовного разбирательства в мировых судах Бессарабии (к.60-х – 70-е гг. XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 5. С. 5-8.
166. Боршевский А., Сосна А. Бессарабские областные (губернские) ведомости как ценный источник исследования деятельности мировой юстиции Бессарабии (60 – 70 е гг. XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 6. С. 2-5.
167. Боршевский А., Сосна А. Гражданское судопроизводство в мировых съездах Бессарабии (60-70-е годы XIX в.) // Мировой судья. 2009. № 3. С. 2-5.
168. Боршевский А., Сосна А. Мировые съезды Бессарабии (к. 60 – 70-е гг. XIX века) // Мировой судья. 2009. № 7. С. 2-6.
169. Боршевский А., Сосна А. Приговор в уголовном процессе в мировых судах Бессарабии (к. 60 – 70 гг. XIX века) // Уголовное судопроизводство. 2009. №2. С. 18-21.
170. Боршевский А., Сосна Б. Характеристика прав и ответственности мировых судей в Бессарабии (к. 60 – 70-е гг. XIX века) // Мировой судья. 2009. № 8. С. 2-3.
171. Боршевский А.П. Правовые аспекты принятия решений и применения местных законов и обычаев мировыми судами Бессарабии в гражданском процессе (к. 60-х -70-е гг. XIX в.)//Revistă de științe socio-umane. 2006. № 2(3). P. 47-53.
172. Боршевский А.П. Применение мировых судов Бессарабии местных законов и обычаев в процессе гражданского судопроизводства (к. 60-70 гг. XIX в.) // Conferința științifică Jubiliară. Universitățile pedagogică de Stat “Ion Creangă” la 65 de ani. 20-21 septembrie 2005. Vol. II. Chișinău, 2005. P. 117-123
173. Брик Е. Евреи Бессарабии в Российской империи // Истоки жизни. 2011. № 12. С. 12-13.
174. Брик Е. Евреи юга Бессарабии: этнографические и исторические аспекты. Кишинев, 2010.
175. Брик Е. Еврейская община Молдовы: демография и статистика // Еврейское местечко. 2011. 8 апреля. С.4.
176. Будак И. Г. Буржуазные реформы 60 – 70-х гг. XIX в. в Бессарабии. Кишинев, 1961.
177. Буцковский Н. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. СПб, 1874.
178. Быть евреем в России... Материалы по истории русского еврейства. 1880 – 1890-е годы. Иерусалим, 1999.
179. Быховский В. В. Евреи в России. Могилев-Подольский, 1907.
180. Вестник Бессарабского земства, издаваемый губернской земскою управою. 1881. Год одиннадцатый. № 1-2. Кишинев, 1881. С. 24.
181. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

182. Вихнович В. Л. 2000 лет вместе. Евреи России. СПб., 2007.
183. Власов А. А. Организация и деятельность института мировых судей: история и современность // Современное право. 2001. №9. С.32-39
184. Воробейкова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразования административно-полицейского аппарата и тюремной системы России во II половине XIX в. Киев, 1973.
185. Выскочков Л. В. Николай I. М., 2003.
186. Гросул В.Я. Изменение формы феодальных отношений в Молдавии и Валахии и ее особенности (первая треть XIX в.)// Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С.114-125.
187. Галант И. В. К истории поселения евреев в Польше и Руси вообще и в Подолии в частности. СПб., 1897.
188. Галбен А. И. Из истории феодального права Молдовы XVII – начала XIX в. Кишинэу, 1998.
189. Галбен А. И. Об институте наследования в системе обычного права у молдаван (с XV –до XIX вв.)//Известия Академии наук МССР. Серия общественных наук. 1980. №3. С. 77-87.
190. Галбен А. И. Об институте приданного в системе обычного права у молдаван (XVII – перв. половина XIX вв.)//Известия Академии наук МССР. Серия общественных наук. 1979. №3. С. 78-85.
191. Галкин Ю., Воронихин А. Судебная реформа 1864 года в России // Современное право. 2002. № 8. С. 44-46.
192. Гессен И. В. Реформа местного суда. СПб., 1910.
193. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905.
194. Гессен Ю. И. История евреев в России. СПб., 1914.
195. Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Пг., 1925.
196. Гессен Ю. И. О жизни евреев в России. Записка в Государственную думу. СПб., 1906.
197. Гиляров-Платонов Н. П. Еврейский вопрос в России. На основании статей и писем. СПб., 1906.
198. Гинзбург Л. С. Евреи в России. М., 1906.
199. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Части 5 – 6. Тель-Авив, 1995.
200. Глушаченко С. Б. Пиджаков А. Ю., Виноградов Н. А. Недостатки в устройстве и судопроизводстве России накануне судебной реформы 1864 года // История государства и права. 2004. № 4. С. 17-20.
201. Гожев А. Систематический сборник решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1875 год. Т. II. СПб., 1878.
202. Головачев А. А. Десять лет реформ 1861 – 1871. СПб., 1872.
203. Горшкова А. М. Мировые судьи: История и современность // Личность. Общество. Государство. СПб., 1998. С. 109 – 112.
204. Градовский Н. Д. Торговые и другие права евреев в России, в историческом ходе законодательных мер. СПб., 1886.
205. Гринберг Э. Евреи Буковины. Исторический очерк. Иерусалим, 1997.
206. Демченко Г. Б. Судебный прецедент. Варшава, 1903.

207. Джадж Э. Пасха в Кишиневе: Анатомия погрома / Перевод с английского. Кишинев, 1998.
208. Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-тилетию нового суда): Историко-юридические этюды. М., 1891.
209. Джаншиев Г. Эпоха Великих реформ. Исторические справки. М., 1900.
210. Дрон И. В. Евреи Молдовы по данным переписей населения 1772 – 1773 и 1774 гг. (Численность и расселение). Кишинэу, 1993.
211. Дубнов С. Краткая история евреев. Ростов-на-Дону, 2003.
212. Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. СПб., 1891.
213. Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век / Ред. М. Аграновская. Москва-Иерусалим, 1994.
214. Евреи в Юго-Западном крае (исторический очерк) // Прил. к «Новороссийскому телеграфу». 1881. 26.
215. Егоров С. Мировая юстиция в контексте судебной реформы 1864 г. // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Выпуск 6. Ярославль, 2002. С. 29-37.
216. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
217. Ефремова Н. Н. Судустройство в России в XVIII – первой половине XIX в. М., Наука, 1993.
218. Ефремова Н., Немытина М. Местное самоуправление и юстиция в России (1864 – 1917 гг.) // Муниципальное право. 2001. №2. С. 64-68.
219. Железников В. Настольная книга для мировых судей. Издание второе, дополненное. СПб., 1867.
220. Жирнов Е. Столпы позора // Коммерсантъ – Деньги. 2007. № 13.
221. Зайденман Л. Правовое положение евреев в России. СПб., 1906.
222. Захария С. К. Влияние российского законодательства на судустройство и судопроизводство Бессарабии 1812-1869 гг. Автореферат монографии на соискание ученой степени доктора исторических наук. Кишинев, 2003.
223. Захария С. К. Причины реформы суда. Подготовка и принятие «Основных положений преобразования судебной части России» и Судебных уставов Александра II 20 ноября 1864 г. // Закон и жизнь. 2002. № 4. С.42-44.
224. Зеленчук В. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. Кишинев, 1979.
225. Зеленчук В.С. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959.
226. Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. Киев, 2003.
227. Игнатъев Е. И. Еврейский вопрос в России. СПб., 1906.
228. Изварина А.Ф. Мировые судьи России начала века. М., 2002.
229. История евреев России / Ред. М. Кипнис. М., 2007.
230. К 50-летию со дня введения Судебных уставов частного поверенного М. Д. Кельнановича. Кишинев, 1914.
231. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев (часть вторая: 1772 – 1882 годы). Иерусалим, 1990.
232. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Из истории российских евреев (часть третья: 1882 – 1920 годы). Иерусалим, 1994.
233. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973.

234. Кантемир Д. Описание Молдавии. Кишинев, 1973.
235. Кантониеты // Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>
236. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений. Ч. 1. СПб., 1866.
237. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений. Ч. 3. СПб., 1870.
238. Кистяковский А. О пресечении обвиняемому способов уклонения от следствия и суда. СПб., 1869.
239. Кишинев // Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>
240. Клейман Р., Шихова И. Культурное наследие евреев Молдовы. Кишинев, 2010.
241. Клиер Дж. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825. Москва-Иерусалим, 1997.
242. Кобликов А. Судебные реформы в России // Законность. 1998. №3. С. 49-54.
243. Кони А. Ф. На жизненном пути. Т. 1. Из записок судебного следователя. М., 1914.
244. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (к 50-тилетию Судебных уставов). М., 1914.
245. Корнева Н. М. Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии // Правоведение. 1985. № 4. С. 86-91.
246. Коробкова Э., Поляк Л. Как царская власть преследовала евреев в России. Москва-Ленинград, 1919.
247. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989.
248. Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1994.
249. Краткая еврейская энциклопедия. Том 1. Иерусалим, 1976.
250. Краткая еврейская энциклопедия. Том 7. Иерусалим, 1994.
251. Кустрябова С. Ф., Боршевский А. П. Правовое воздействие на мировую юстицию Бессарабии к. 60-70 гг. XIX в. Судебных уставов Александра II // *Revistă de științe socio-umane*. 2006. № 3 (4). P. 28-34.
252. Кустрябова С. Ф., Боршевский А. П., Захария С. К. Местное управление и административно-территориальное устройство Молдовы с древних времен до наших дней. Комрат, 2002.
253. Кустрябова С., Захария С. Введение в Бессарабской области Судебных Уставов Александра II 1864 г. и их влияние на судоустройство края. Оценка данных процессов в источниках и литературе // *Probleme ale științelor socio-umane și modernizării învăță-mîntului. Conferința științifică anuală a Universității Pedagogice de Stat «Ion Creangă» (20 – 21 martie 2002) Vol. II. Chișinău, 2002. С. 266-271.*
254. Кустрябова С., Захария С. Позиция правоведов и общественности Бессарабии по вопросу статуса местных законов и молдавского языка в судах области (архивные документы Российской империи периода подготовки судебной реформы 60-х гг. XIX в.). // *Закон и жизнь*. 2002. № 3. С. 39-43.
255. Кустрябова С., Захария С. Судебная система Бессарабии 1812 – 1869 гг. в контексте молдо – российского законодательства конца XVIII в. – 60-х гг. XIX в. Комрат, 2004.

256. Лавров А. М. Евреи в России. СПб., 1903.
257. Лашков Н. В. Бессарабия. К столетию присоединения к России. 1812 – 1912. Географический и историко-статистический обзор состояния края. Кишинев, 1912.
258. Лернер О. М. Евреи в Новороссийском крае: Исторические очерки: По данным из архива бывшего Новороссийского генерал – губернатора. Одесса, 1901.
259. Лесков Н. С. Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу. М., 2003.
260. Лонская С. В. Местное самоуправление и мировой суд в России во второй половине XIX – начале XX века // Государство и право. Калининград, 1999. С. 40-48.
261. Лонская С. В. Мировая юстиция и местное управление в дореволюционной России: аспекты взаимоотношений // Правоведение. 2003. № 4. С. 191-197.
262. Лонская С. В. Мировой судья в судебной системе пореформенной России // Правоведение. 1995. № 3. С. 97-101.
263. Лонская С. В. О понятии «мировая юстиция» // Правоведение. 2004. №1. С. 102-106.
264. Лупашку З. История румынского государства и права. Кишинэу, 2003.
265. Львов-Рогачевский В. Л. Гонители еврейского народа в России. Исторический очерк. М., 1917.
266. Мадиевский С. Правовое положение евреев Бессарабии к началу XX в. // Кишиневский погром 1903 года. Сборник статей. Кишинев, 1993. С. 11-28.
267. Максимов В. В. Мировая юстиция: Проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 9-18.
268. Малышев К. Курс общего гражданского права России: Особое приложение: Гражданские законы и обычное право России, в общем их своде, со включением законов Финляндии, Ц. Польского, Остзейского края и Бессарабии, еврейских и мусульманских: В 4-х томах. Т. 1. С.-Петербург, 1880.
269. Мартынчик Е. Г. Судебная власть в Молдове. Создание и функционирование. Часть 1. Историко-правовые очерки. Кишинев, 1999.
270. Марышкин А. В. Судебная реформа 1864 года и особенности ее проведения на территории Белоруссии: Автореферат монографии на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1985.
271. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Петроград, 1914.
272. Мирза Л. С. Мировая юстиция – элемент развития судебной системы // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2002. № 1. С. 354-384.
273. Михайловская И. Возрождение мировой юстиции в России: «Будущее в прошлом» // Муниципальное право. 2001. № 2. С. 75-78.
274. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.
275. Мухаметшин Ф. Б. Судебная реформа 1864 года в оценке ее современников // История государства и права. 2005. №1. С. 50-52.
276. Мучкинова А. Н. Исполнение мировым судьей XIX века полномочий нотариуса // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 4. В трех томах. Том 3. М., 2004. С. 342-344.

277. Мыш М. И. Руководство к русскому законодательству о евреях. СПб., 1898.
278. Невский С. А. Предварительное следствие по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Следователь. 2004. № 5. С. 60-64.
279. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Устав Уголовного судопроизводства. Т.1. СПб, 1872.
280. Немытина М. В. Местная юстиция в России во второй половине XIX в. // Правоведение. 1997. № 4. С. 52-62.
281. Немытина М. В. Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 г. // Правоведение. 1991. № 2. С. 101-105.
282. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999.
283. Никитин В. Н. Многострадальные. Очерки быта кантонистов. М., 2001.
284. Новаков С. З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел южной Бессарабии (1857 – 1918). Кишинев, 2004.
285. Оксман А. История евреев в Российской империи и Советском Союзе. М., 1989.
286. Окунев Н. К вопросу об образовательном цензе и продолжительности службы мировых судей // Журнал Министерства юстиции СПб., 1896. № 2. С. 207-212.
287. Оршанский И. Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877.
288. Оршанский И. Г. Русское законодательство о евреях: Очерки и исследования. СПб., 1877.
289. Основы гражданского процесса. Практический комментарий основных положений Устава гражданского судопроизводства/Сост. В.Л. Исаченко. СПб, 1904.
290. Остриков И. А. Роль прокурора на мировом суде // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1896. № 9. С. 77-106.
291. Пашкевич Л. В. Становление и развитие института мировых судей на дальнем востоке России (1896 – 1917 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Хабаровск, 2006.
292. Пергамент О. Я. О применении местных законов Арменопула и Донича. СПб., 1905.
293. Пергамент О. А. Приданное по бессарабскому праву. Кишинев, 1901.
294. Пилат И. Н. Из истории еврейства Молдовы. Кишинев, 1990.
295. Победоносцев К.П. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по сему предмету Кассационных департаментов Сената. СПб., 1872.
296. Полищук М. Евреи Одессы и Новороссии (соц. – политич. история евреев Одессы и др. городов Новороссии 1881 – 1904). Москва-Иерусалим, 2002.
297. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том 35. 1818. СПб., 1830.
298. Попова А. Д. Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества во второй половине XIX века // Общественные науки и современность. 2002. №3. С. 89-100.

299. Попова А. Как обстояло дело со взятками в судебной системе после реформы 1864 г. (или оправдательный вердикт за 50 копеек) // *Alma mater: Вестник высшей школы*. 2001. № 5. С. 42-46.
300. Пусторослев П. П. Из лекций русского уголовно-судебного права. Вып. I. Юрьев, 1909.
301. Раскин Д. И. «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской империи XIX – начала XX в. // *История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии*. СПб., 1993. С. 60-77.
302. Россия. Евреи России в конце 19 в. – начале 20 в. (1881 – 1917) // *Электронная еврейская энциклопедия*. <http://www.eleven.co.il>
303. Россия. Эпоха «Великих реформ» (1855-81) // *Электронная еврейская энциклопедия*. <http://www.eleven.co.il>
304. Русское законодательство о евреях: Очерки и исследования / Оршанский И.Г. – С.-Пб.: Тип. и лит. А. Е. Ландау, 1877.
305. Сабинин Л. Реорганизация заочного производства на мировом суде // *Журнал Министерства юстиции*. СПб., 1899. № 2. С. 167-182.
306. Скрементова О. С. Институт мировых судей по Учреждению судебных установлений 1864 года // *Научные труды. Российская академия юридических наук*. Выпуск 4. В трех томах. Том 3. М., Юрист, 2004. С. 348-351.
307. Слиозберг Г. Б. Правовое и экономическое положение евреев в России: Из материалов по еврейскому вопросу. СПб., 1907.
308. Слиозберг Г. Дела давно минувших дней. Вступ. статья, сост., подготовка текстов, коммент. и указатели В. Е. Кельнера. М., 2000.
309. Слуцкий М. Б. Мои воспоминания. Из детства, юности и полувековой врачебной и общественной деятельности. Часть первая (годы 1851 – 1900). Кишинев, 1927.
310. Смыкалин А. От реформ Екатерины II к судебной реформе 1864 года // *Российская юстиция*. 2001. №3. С. 39-42.
311. Смыкалин А. Судебная реформа 1864 года // *Российская юстиция*. 2001. №5. С.39-42.
312. Советов П.В. Законодательная политика по земельным правонарушениям в Молдавии до сер.XVIII в.//*Ежегодник по аграрной истории*. М., 1959. С.128-140.
313. Советов П.В. К истории наследственного права феодальной Молдавии (до XIX в.)//*Известия МФАН СССР*. 1959. №2. С. 3-32
314. Советов П.В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии (очерки истории ренты в XVI- начале XVIII в.). Кишинев, 1980.
315. Советов П.В. Уложение В. Лупу – памятник молдавского языка и литературы // *Октябрь*. 1956. №5. С.77-82.
316. Сосна Б. И., Боршевский А. П. Порядок отмены решений мировых съездов Бессарабии в гражданском судопроизводстве (60 – 70-е гг. XIX в.) // *Администратор суда*. 2009. №2. С. 42-44.
317. Спасович В. За много лет. 1859 – 1871. Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и прочее. СПб., 1872.
318. Стецовский Ю. И. Судебная власть М., 2000.

319. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864 – 1917 гг. / Сост. С. М. Казанцев. Ленинград, 1991.
320. Судебная реформа / Сост. Б. Н. Базилев, В. Н. Бочкарев, А. Э. Вормс и др.; Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М., 1915.
321. Судебная реформа. Том 2 / Сост. М. Н. Гернет, А. Э. Вормс, Н. К. Муравьева и др.; Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915.
322. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. III. Устав гражданского судопроизводства. СПб., Издание Государственной Канцелярии, 1867.
323. Табак И. В. Особенности расселения евреев в Бессарабии и на левобережье Днестра в XIX – начале XX в. // Евреи в духовной жизни Молдовы. Страницы истории и современность. Кишинев, 1997. С. 154-170.
324. Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России, 1855 – 1874. М., 1992. С. 301-317.
325. Титов А. А. Реформы Александра II и их судьбы. М., 1910.
326. Тихонов Т. Еврейский вопрос в России и Сибири. СПб., 1906.
327. Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности (1865 – 1895 гг.). М., 1979.
328. Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Пер. с англ. М., 2004.
329. Урусов С. Д. Записки губернатора. Кишинев, 2011.
330. Урусов С. Д. Очерки прошлого. Записки губернатора. М., 1907.
331. Устюжанинов В. Рассмотрение гражданских дел по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года // Муниципальное право. 2001. №2. С.71-74.
332. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб., 1902.
333. Фоков А. П. Россия в свете судебных реформ 1864 г. и 2001 г. // Российский судья. 2001. № 12. С. 2-5.
334. Фриде И. Е. Законы о праве жительства евреев в черте их оседлости и вне оной: С изменениями, дополнениями и разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерств и с приложением подробного алфавитного указателя. СПб., 1909.
335. Хаматова Е. В. Уголовное судопроизводство в мировом суде: история и современность. М., 2003.
336. Хатаневич Т. Г. Институт специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года // Право Беларуси. Часть 1. Новополоцк, 2004. С.57-59.
337. Чебан А. Т. Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX – нач. XX вв. Кишинев, 1980.
338. Чекунов Н. А. Российская судебная реформа: к 160-летию А. Ф. Кони Н. А. // Правоведение. 2004. № 1. С. 248-252.
339. Чернухина Л. С. Мировые суды и государственная власть в условиях дореволюционной России // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 130-142.
340. Черта оседлости // Электронная еврейская энциклопедия.
<http://www.eleven.co.il>

-
341. Чечелев С. В. Некоторые вопросы проведения судебной реформы в Сибири в 60-е – 80-е годы XIX в. // Вестник Омского университета. Омск, 1997. Вып. 3. С. 104-107.
 342. Шаркова И. Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. №9. С. 79-85.
 343. Шимановский М. В. О местных законах Бессарабии. Вып. I. Одесса, 1887.
 344. Шувалова В. А. О сущности судебной реформы 1864 // Советское государство и право. 1964. №10. С. 121-127.
 345. Шувалова В. А. Подготовка судебной реформы 1864 // Вопросы истории 1865. №2. С. 209-212.
 346. Экономика. Участие евреев в экономике Российской империи в 19 в. – начале 20 в. // Электронная еврейская энциклопедия. <http://www.eleven.co.il>
 347. Энгель В. Курс лекций по истории евреев в России. Тема 8. Период реакции в царствование Александра III. Погромы. Истоки еврейских национальных движений. <http://jhistory.nfurman.com>
 348. Эттингер Ш. Россия и евреи. Сборник статей. Пер. с иврита. Иерусалим, 1993.

*Думиница Иван,
магистр истории (Молдова-Болгария)*

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК ЕВРЕЕВ (1811 г.), ПЕРЕСЕЛИВШИХСЯ ВМЕСТЕ С БОЛГАРАМИ К СЕВЕРУ ОТ ДУНАЯ

В историографии проблема болгаро-еврейских исторических параллелей нашла свое отражение в ряде работ, которые затрагивают данный вопрос с точки зрения роли и места евреев в судьбе Болгарии¹ и отношения болгар к евреям в переломные периоды истории последних². В последнее время историки, опираясь на архивные

¹ Българи и евреи. Съставител и редактор: Александър Фол. Част I-II. София: Тангра ТанРакРа общобългарска фондация; Организация на евреите в България "Шалом", 2000; Райчевски Ст. Българи и евреи през вековете. София: Български бестселър, 2008. 204 с.; Он же: Синагоги и културно наследство на евреите в България. София: Български бестселър, 2009. 100 с.

² Chary F. The Bulgarian Jews and the Final Solution, 1940–1944. London: University of Pittsburgh Press, 1972. 260 p.; Борбата на българския народ за защита и спасяване на евреите в България през Втората световна война. Документи и материали. София: БАН, 1978. 350 с.; Барух Н. Откупът. Цар Борис и съдбата на българските евреи. София: Университетско издателство «Климент Охридски», 1991. 200 с.; Бояджиев Х. Спасяването на българските евреи през Втората световна война. София, 1991. 127 с.; Shivarov N. The contribution of the Bulgarian Orthodox Church to the saving of the Bulgarian Jews // Annual (Organization of the Jews in Bulgaria "Shalom"). 1993-1994. С. 31-38; Няголов Св. Истината за спасяването на евреите в България. София, 1998; Хаджийски Ив. Съдбата на евреите от Югозападна България през 1940-1944 г. Благоевград, 1998; Гезенко Ив. Дейността на Българския екзарх Стефан по спасяването на българските евреи през 1943 г. // Известия на държавните архиви. Т. 73. София, 1999. С. 40-57; Пауновски В., Илел Й. Евреите на България между унищожението и спасението. София: Adasa-Pres, 2000. 200 с.; Shivarov N. Die bulgarisch-orthodoxe Kirche und die Rettung der bulgarischen Juden // Oesterreichische Osthefte, 42. 2000. № 1. P. 23-34; Stefanov P., Archim. The Bulgarian Orthodox Church and the Holocaust: Addressing Common Misconceptions // Religion in Eastern Europe, XXVI. 2006. № 2. P. 10-19; Танева А. Спасяването на Българските евреи като алтернативна гражданска политика: ролята на Българската православна църква // Обречени и спасени. София, 2007. С. 131-161; Червенков Н. Движение в защита на евреите в България в годините на Втората световна война // Актуални проблеми на историята, етнологията, филологията и правата на евреите. Кишинев, 2013. С. 35-40.

материалы, обращают внимание на новую сторону этих связей. Речь идет о ситуации, когда болгары и евреи выступают уже в качестве переселенцев в инациональной для себя среде. И те, и другие в равной степени имеют статус национальных меньшинств. Взаимоотношения и параллели в этих условиях становятся объектом новых исследований¹.

Исходя из этого, в представленной статье мы публикуем доселе неизвестный документ о группе евреев, которые входили в состав задунайских переселенцев, обосновавшихся в первой половине XIX в. на территории Валахии и Молдовы.

Прежде чем приступить к обозначенной цели, считаем важным вкратце ознакомить читателя с историческим контекстом появления и устройства евреев в Болгарии.

Итак, первое документальное свидетельство о пребывании иудеев на территории современной Болгарии, датируется II в. н.э., когда в древнем городе Улпия Ескус возле города Никополя расположенного на р. Дунай, был обнаружен надгробный памятник Йосесу Архисинагогусу и его супруге Кире. Предполагается, что погребенный был главой здешней еврейской общины². Первые болгарские евреи составляли группу романиотов (византийских евреев).

В средневековой Болгарии евреи были сосредоточены в отдельных районах и некоторых городах страны. Среди них были богатые, бедные и евреи-изгои.

В данный период отношение болгар к евреям было сравнительно терпимым. Однако, к середине XIV века в Велико-Тырново два раза был созван совет, который обвинял евреев в богохульстве против христианской веры. В то же время, следует отметить, что гнев совета также обрушивался на болгарских еретиков – богомилов, несокрушимых и варлаамцев. Царь Болгарии Иван Александр (1331–1371 гг.), который регулировал эти советы, был женат на еврейке Саре, матери последнего средневекового болгарского правителя

¹ Думиника И., Ройтман А. Исторические параллели в судьбах болгар и евреев Бессарабии в XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы истории, этнологии, филологии и права евреев. Кишинев, 2013. С. 139-143.

² Keren Zvi. The Jewish community of Nikopol – from heyday to decline // Shvut. 2002. No 11 (27). С. 23.

Ивана Шишман (1371–1396 гг.). Перед свадьбой она крестилась и приняла имя Феодора¹.

Массовый приток евреев на Балканы начался после 1492 г., когда они были изгнаны из Испании. Тогда турецкий султан разрешил беженцам жить в Османской империи. К ним толерантно относились как власти, так и население всего полуострова. Данные переселенцы были сефардами, чей язык происходит от испанского. Именно они составляли в конце XVIII–начале XIX вв. более 90% болгарских евреев². Позже в Болгарию переехали ашкеназские евреи, которые приходят в основном из немецких земель, и их язык является диалектом немецкого языка. В отличие от сефардов, они встречаются болгарским населением с недоверием, которое с течением времени постепенно исчезает. Бывшие романиоты постепенно растворились между этими двумя группами.

В Болгарии евреи сталкиваются с энергичной конкуренцией со стороны местных купцов и ремесленников – греков, армян, болгар, сербов и т.д. По сравнению со своими собратьями из других стран, здесь они не занимали лидирующие позиции.

И в болгарских землях евреи жили в основном в крупных городах. По свидетельству чешского историка и путешественника Константина Иречека, болгарские евреи это: «Самый светловолосый, умеренный, скромный, трудолюбивый и цивилизованный народ»³. Он свидетельствовал, что крупные еврейские капиталисты проживали в Софии, Пловдиве, а большинство из них сконцентрировались в Бургасе. Здесь можно было встретить также евреев-лавочников, менял, торговцев, ремесленников и даже носильщиков. «Спаниолы, – продолжает тот же автор, даже в Софии носят феску и полутурецкую одежду с длинной желтой и пестрой тканью. В Софии, главный старик раввин в черной чалме, всегда встречался среди выдающихся людей города, которые не должны были отсутствовать на любом торжестве. На выборах спаниолы всегда голосуют за действующее правительство», – заключает К. Иречек⁴.

¹ Божилов И, Фамилията на Асеновци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София: Издателство на Българската академия на науките "Марин Дринов", 1994. С. 168.

² Карахасан-Чънар И. Етническите малцинства в България. София, 2005. С. 73-98.

³ Иречек. К. История на българите. София: Наука и изкуство, 1978. С. 301.

⁴ Иречек. К. История... С. 308.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. явилась переломным моментом в истории болгарского царства, которое находилось пять веков (1396–1878 гг.) под Османским владычеством. Положение усугубляло и внутренняя ситуация в пределах Османской империи. Междоусобицы среди турецких пашей приводили к тому, что разбойничьи шайки киржалиев (таких местных владетелей как Карафеджи и Пасваноглу¹) грабили болгарские села и уничтожали местное население. В то же время в духовной сфере греческое церковное засилье и политика насильственной исламизации не способствовали духовному развитию болгар и евреев в целом. С другой стороны, известно, что со второй половины XVIII в. царское правительство нуждалось в заселении малозаселенных земель Херсонской губернии. Привлечением болгарских колонистов царская Россия стремилась усилить стратегическую позицию на своих окраинах и на всем Балканском полуострове. В свою очередь, начавшаяся в 1806 г. русско-турецкая война усилила среди болгар и евреев желание найти спасение там, где они могли бы жить спокойно в мирных условиях². Все вышеуказанные процессы породили феномен иммиграции балканского населения, которая была направлена в Дунайские княжества: Валахию и Молдову, а также в южные окраины Российской империи. Одной из самых значительных мигра-

¹ Осман *Пасван-Оглу* – турецкий паша. В 1758–1807, 1797 гг. восставал против турок (причина восстаний объявляется как месть за смерть отца), захватил Виддин. В 1798 г. Порта предоставила ему Виддинский пашалык. Он был главарем кирджалиев (разбойники, которые занимались грабежами и убийствами). В 1804 г. совершает нападение и убийство на восставших болгар из областей Ниш, Пирот, Белградчишко и Виддинско. В 1806 г. заточил несколько мирян и священников из Видина и его окрестностей во главе с владыкой Калиником в церкви «Св. Петка» и перед алтарем их обезглавил. Так же по его приказу сжигается монастырь в селах Раковица и Кулско. Буйство кирджалиев было пагубным для болгар придунайских областей которые, подвергались насилию со стороны правительственных и сепаратистских войск (Мутафчиева В. Кърджалийско време. София: Издателство на БАН. 1993. 416 с.).

² Duminica I. Aportul lui I.N. Inzov la acordarea privilegiilor coloniștilor bulgari [Приносят на И. Н. Инзов за предоставяне на привелегиите за българските колонисти] // *Relațiile moldo-bulgare: Personalități marcante. Învățământuri și știința*. Cahul: S.Ș.B., 2011. P. 44-59; Duminica I. Așezămintele domnitorilor Țării Moldovei pentru imigranții bulgari între anii 1790–1810 // *Conferința științifică: „Politici europene de cercetare și inovare: cooperare, idei, oameni și capacitati”*. Științe umanistice și sociale. Chișinău, 2011. P. 26-27.

ций из Юго-Восточной Европы, является переселение с болгарских земель к северу от Дуная.

Именно в данном историческом контексте были составлены списки задунайских переселенцев, обосновавшихся в Молдове и Валахии. В целом они составляют архивное дело, хранящееся в Национальном Архиве Республики Молдова. Оно находится в Фонде 1 (Сенаторы, председательствующие в Диванах Молдавии и Валахии), дело № 3246, имеет 500 листов. В инвентарной книге источник назван: «Сведения о народонаселении в Молдавии и Валахии за 1811 г.». Он представляет собой поименные списки переселенцев Молдавского княжества в 1811 г., которые отмечены в таблицах. Те, в свою очередь, разделены на 5 колонок: в первой указывается порядковый номер семьи; вторая отмечает имя и прозвание (фамилию) главы семьи, в случае, когда последний умер, указывается его жена с припиской, что она является вдовой; третий столбец показывает статус члена семьи (глава и жена). В четвертой колонке приводится информация о количестве душ мужского, а в пятой – душ женского пола, входящих в состав отдельной семьи.

Сам документ был составлен в период с 13 сентября по октябрь 1811 г. Сбором информации занималась специальная комиссия, отвечавшая за задунайских переселенцев. Ее возглавлял попечитель Антон Коронелли. Туда же входили назначенные им из числа бывших волонтеров инспектора. Нас интересуют капитан Логофет, следивший за состоянием дел Галаце и Брэиле, и капитан Комнино, наблюдавший за переселенцами, обосновавшихся в Плоештах¹.

Из составленных списков видно, что вместе с болгарскими переселенцами к северу от Дуная иммигрировали и еврейские семейства. Из них 24 семьи в составе 49 душ мужского и 46 душ женского пола обосновались в городе Плоешты и 2 человека устроились в г. Брэила. Данные показывают, что эта группа переселенцев иммигрировала из северо-восточного болгарского портового города Силистра. Он расположен на Дунае на границе с Валахией. Здесь в 1829 г. служил раввин, лекарь и философ Елизер Папо. Он приехал из Бухареста и внес свой вклад в создание карантинных поясов для спасения от холеры, но заразившись, Елизер умирает. В благодар-

¹ Urechiiă V. Istoria românilor. Seria 1800-1830. Tomul al XI (al II-lea al seriei 1800-1830). București: Institutul de Arte Grafice Carol Göbl, 1896. P. 713.

ность местные жители воздвигли в его честь памятник, который, впрочем, позже был разрушен турками. Возникает вопрос, почему в данный хронологический период указанная группа евреев решила обосноваться именно в Дунайских княжествах? Ответ исходит из следующих фактов: во-первых, Молдова и Валахия были самыми близко находящимися княжествами, где можно было бы находиться, далеко не удаляясь от г. Силистры. Во-вторых, переселенцам эти княжества были более всего знакомы, так как известно, что в данной зоне евреи издавна занимались коммерческой деятельностью. Была вероятность, что здесь они имели родных и знакомых. В-третьих, переселенцам было известно об экономических возможностях княжеств, а так же то, что сами господа поощряли иностранную колонизацию, освобождая новоприбывших от налогов, а также наделяя последних определенными привилегиями¹. Евреи, которые ценились господами за их предпринимательский дух, могли внести свой вклад в развитие торговли и ремесла в крупных городах княжеств. По этой причине здесь появляются евреи, наделенные хрисовами (господарская грамота) – *jidovii hrisovoliți*. Не случайно уже в 1803 г. в каждом румынском уездном городе имелось сформированное еврейское общество². Уже в 1804 г. диван молдавского княжества отмечает, что «по причине господарских грамот, со всех сторон собирается толпа евреев, которые заволокли все местечки страны»³.

Из вышеизложенного следует, что опубликованные списки имеют особое значение для иудаики, так как с их помощью можно установить состав и гендерную особенность еврейской переселенческой семьи в начале XIX в. Тут же можно проследить динамику увеличения численности еврейского населения Молдавского и Валахского княжеств, принимая во внимание естественный количест-

¹ Известно, что из-за налогового бремени многие румынские крестьяне целыми селениями уходили в глухие места или прятались среди задунайских переселенцев, чтобы их не беспокоили налоговосборщики (Duminica I. Privilegiile acordate bulgarilor din Basarabia și din Principatele Române în prima jumătate a secolului al XIX-lea // Revista de etnologie și culturologie. Vol IX-X. Chișinău. 2011. P. 101-107).

² Negruți E. Imigrarea evreilor în Moldova la sfârșitul secolului al XVIII-lea și în prima jumătate a secolului al XIX-lea // Itinerarii istoriografice. Iași, 1996. P. 389.

³ Uricarul sau Colecțiune de diferite acte care pot servi la Istoria românilor. Publicate de Teodor Codrescu. Vol I. Iași: Tipografia Buciumul Român, 1889. P. 19.

венный рост уже имевшихся здесь евреев и увеличение их числа из-за прибытия новых мигрантов. Считаем, что публикация дополнит недостающие демографические данные по еврейским переселенцам в Дунайских княжествах в первой половине XIX в.

Таблица 1. Списки еврейских семейств, поселившихся в города Плоешть и Брэила

	Имя и прозвище	Статус в семье	Кол-во мужчин	Кол-во женщин
В местечке Плоешти проживают вышедшие из города Силистра [лица] Еврейской нации:				
1	Конорт Лейзер	Глава семьи	1	
	Лауна	Жена		1
	Дети		1	1
	Стояна	Работница		1
2	Моисей Сабытай	Глава семьи	1	
	Стеро	Жена		1
	Дети			2
3	Аврам Моисей	Глава семьи	1	
	Буласа	Жена		1
	Богора	Мать его		1
4	Сабатай Давид	Глава семьи	1	
	Ревна	Жена		1
	Дети		1	1
	Оглу Сабатай Давид	Сын	1	
	Онула	Жена его		1
5	Сасон Лейзер	Глава семьи	1	
	Зава	Жена		1
	Дети		1	1
	Рахело	Невестка их-вдова		1
6	Аврам Давид	Глава семьи	1	
	Бойна	Жена		1
	Дети			1
	Гаврил Сабатарь	Зять	1	
		Жена его		1
7	Сабытай Быналин	Глава семьи	1	
	Истерь	Жена		1
8	Аврам Ефиерь	Глава семьи	1	
	Ревна	Жена		1
	Дети		1	

	Имя и прозвище	Статус в семье	Кол-во мужчин	Кол-во женщин
9	Моисей Бынун	Глава семьи	1	
	Пава	Жена		1
	Дети		1	
	Султана	Невестка		1
		Дочь ее		1
10	Моисей Мейр	Глава семьи	1	
	Зоя	Жена		1
	Дети		1	2
	Тиора	Брат ее	1	
11	Мануил Иосиф	Глава семьи	1	
	Марияна	Жена		1
	Иосиф	Сын	1	
	Палосиба	Жена его		
12	Бегер Беньямин	Глава семьи	1	
	Лиуча	Жена		1
	Дети		3	1
13	Мойсей Азорья	Глава семьи	1	
	Болиса	Жена		1
	Дети		1	2
	Бына	Мать		1
		Сын ее	2	
14	Истрел Азорья	Глава семьи	1	
	Бахара	Жена		1
	Дети			1
15	Лейзер Бынямин	Глава семьи	1	
	Рына	Жена		1
	Дети			2
	Моисей	Брат	1	
16	Давид Мисам	Глава семьи	1	
	Патица	Жена		1
	Дети		4	
17	Самоил Мануйло	Глава семьи	1	
	Султана	Жена		1
18	Мордахай Мойсей	Глава семьи	1	
	Семер	Жена		1
19	Самойл Давид	Глава семьи	1	
	Помпру	Жена		1
	Дети		1	1

	Имя и прозвище	Статус в семье	Кол-во мужчин	Кол-во женщин
20	Исхак Канет	Глава семьи	1	
	Кусы	Жена		1
21	Хайм Авраам	Глава семьи	1	
	Сабытия	Жена		1
	Дети			1
22	Ошерь Арон	Вдовец	1	
23	Мишулан Аврам			
24	Юдна Бенямин	Глава семьи	1	
	Бойна	Жена		1
	Дети		2	
	Итого евреев в Плоештах		49	46
	Проживающие в г. Брэила			
	Еврейской нации [в оригинале документа – жидовской нации]:			
1	Давид Израиль		1	-
2	Муртухий Исавул		1	
	Итого евреев [в оригинале документа – жидов]:		2	-
	Всего Евреев из Силистры:		51	46

Источник: Национальный Архив РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3246. ЛЛ. 97-98 об, 182 об. (в таблице имена приведены строго в соответствии с орфографией документа).

THIS BOOK WAS FUNDED BY A GRANT FROM THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND. THE OPINIONS, FINDINGS AND CONCLUSIONS STATED HEREIN ARE THOSE OF THE AUTHORS AND DO NOT NECESSARILY REFLECT THOSE OF THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND.

THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND (JHF) STARTED OPERATING IN 2002. THE FOUNDATION WAS ESTABLISHED AS A RESULT OF THE NEGOTIATIONS ON JEWISH WAR CLAIMS IN THE NETHERLANDS. IN THE SETTLEMENT BETWEEN THE DUTCH JEWISH COMMUNITY, THE DUTCH JEWS IN ISRAEL, AND THE DUTCH GOVERNMENT, IT WAS AGREED TO ALLOCATE PART OF THE DUTCH GOVERNMENT'S CONTRIBUTION TOWARD A FUND SUPPORTING PROJECTS DEDICATED TO RESTORING JEWISH LIFE IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE.

THE AWARD POLICY OF THE DUTCH JEWISH HUMANITARIAN FUND IS BASED ON THE PRINCIPLES OF HUMAN RIGHTS AND TZEDAKAH. TZEDAKAH IS NOT A PRIVILEGE BUT A RIGHT. THE AIM OF TZEDAKAH IS TO ESTABLISH A JUST SOCIETY. THESE PRINCIPLES ARE EMBEDDED IN THE JEWISH TRADITION. IN LEVITICUS XIX (9) IS THE ADMONITION "NOT [TO] WHOLLY REAP THE CORNERS OF THY FIELD" BUT TO LEAVE THEM FOR THE POOR. THE JHF LOGO (A RECTANGLE WITH A CORNER CUT OFF) SYMBOLIZES THESE VALUES.